

СОДЕРЖАНИЕ

Том 43, № 5, 2022

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

Науковедческая рефлексия персонологии философско-психологического творчества К. А. Абульхановой

И. Н. Семенов

5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Теоретическая модель структуры свободы в психологии

Н. А. Степанова

17

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Троллинг как деструктивная онлайн-практика: подростки и молодежь в роли жертв, агрессоров и наблюдателей

Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова

27

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Связь правила категоризации с категориальным зрительным поиском

А. К. Ляшенко, Е. С. Лукьянов, А. А. Котов

36

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Феномен ответственности в структуре представлений россиян о профессиональной деятельности

Д. А. Китова, А. Л. Журавлев

47

Альтруистическая установка выпускников медицинского вуза как предиктор ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи

В. Ю. Хотинец, Е. Н. Леонова

58

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Совещание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения)

А. Л. Журавлев, Н. Ю. Стоюхина

71

Возрождение отечественной социальной психологии

А. Л. Свенцицкий

81

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Адаптация и психометрическая проверка методики “Короткий опросник Темной тетрады”

Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкина, И. С. Горностаев

87

НАУКОМЕТРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг.

А. А. Костригин, А. Л. Журавлев

99

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шестая международная научно-практическая конференция “Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире”

В. В. Константинов

121

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Игорю Олеговичу Александрову — 75 лет

125

CONTENTS

Vol. 43, No. 5, 2022

TO 50-TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS TO 95-th ANNIVERSARY OF B.F. LOMOV

Scientific Reflection on the Personology of K. A. Abulkhanova's Philosophical-Psychological Work
(To the 90th Anniversary and to the 50th Anniversary of IP RAS)

I. N. Semenov

5

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Theoretical Model of the Structure of Freedom in Psychology

N. A. Stepanova

17

SOCIAL PSYCHOLOGY

Trolling as a Destructive Online Practice: Adolescents and Young People as Victims, Aggressors and Bystanders

G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova, S. V. Chigarkova

27

COGNITIVE PSYCHOLOGY

Associations between Categorization Rules and Categorical Visual Search

A. K. Liashenko, E. S. Lukyanov, A. A. Kotov

36

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

The Phenomenon of Responsibility in the Structure of Russians' Concepts about Professional Activities

D. A. Kitova, A. L. Zhuravlev

47

Altruistic Attitude of Medical University Graduates as a Predictor of Orientations in Difficult Situations of Assistance

V. Yu. Khotinets, E. N. Leonova

58

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Meeting on Psychology in 1952 (On the 70th Anniversary of the Event)

A. L. Zhuravlev, N. Yu. Stoyukhina

71

Revival of Domestic Social Psychology

A. L. Svenciczki

81

METHODS AND PROCEDURES

Adaptation and Psychometric Properties of the Dark Tetrad Short Questionnaire

D. S. Kornienko, V. K. Vyazovkina, I. S. Gornostaev

87

SCIENTOMETRIC IN PSYCHOLOGY

Quantitative Analysis of the Publications of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
on the Scientific Direction of the Methodology of Psychology in 2002–20216

A. A. Kostrigin, A. L. Zhuravlev

99

SCIENTIFIC LIFE

Sixth International Scientific and Practical Conference “Socio-Psychological Adaptation of Migrants in the Modern World”

V. V. Konstantinov

121

OUR JUBELEES

The 75-th anniversary of Igor Olegovich Aleksandrov

125

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.01

**НАУКОВЕДЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПЕРСОНОЛОГИИ
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА
К. А. АБУЛЬХАНОВОЙ**

© 2022 г. И. Н. Семенов

*ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет;
123022, г. Москва, Столярный пер., д. 16, стр. 1, Россия.
Лауреат Премии Президента РФ в области образования, профессор,
доктор психологических наук, профессор департамента психологии.
E-mail: i_samenov@mail.ru*

Поступила 09.03.2022

Аннотация. Данная статья посвящена 90-летию юбилею К.А. Абульхановой. В статье изучается жизне-творчество ведущего российского философа-психолога (из научной школы С.Л. Рубинштейна), главного научного сотрудника ИП РАН, академика РАО, профессора К.А. Абульхановой. Актуальность обобщения ее творчества определяется фундаментальным вкладом в разработку теоретико-методологических проблем философско-психологического изучения мышления, деятельности, сознания, личности, отношений и социальных коммуникаций. Целями исследования стали анализ 70-летних философско-психологических исследований К.А. Абульхановой, систематизация ее достижений в изучении психологии мышления и сознания личности. Новизна статьи заключается в науковедческом исследовании жизнедеятельности К.А. Абульхановой с позиций институционально-персонологического и предметно-деятельностного подходов к научному творчеству. Они реализованы для ряда ученых (Л.С. Выготский, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Г.Г. Шпет), в том числе психологов мышления (С.Л. Рубинштейн, А.М. Матюшкин, А.В. Брушлинский, П.Я. Гальперин, Я.А. Пономарев, В.Д. Шадриков) и личности (А.А. Бодалев, А.Н. Леонтьев, М.Г. Ярошевский, И.В. Дубровина). На данном проработанном историко-научном фоне нами в контексте 100-летнего развития отечественной психологии впервые анализируется жизнедеятельность ведущего методолога человекознания и психолога личности К.А. Абульхановой. Характеризуются ее рефлексивно-сотворческие диалоги с С.Л. Рубинштейном, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, Е.А. Будиловой, М.И. Воловиковой, В.А. Кольцовой, И.Н. Семеновым, А.Н. Славской, Е.Б. Старовойтенко, М.Г. Ярошевским и др. В контексте периодизации школы С.Л. Рубинштейна дифференцированы этапы профессионального развития К.А. Абульхановой, обобщены направления ее исследований, показан их вклад в психологию индивидуальности и философию человекознания. Впервые ставится эвристическая проблема историко-персонологического изучения роли династий ученых-психологов в эстафетно-сотворческом развитии научных школ современного психологического познания.

Ключевые слова: философия, психология, К.А. Абульханова, С.Л. Рубинштейн, научная школа, познавательная деятельность, сознание личности, мышление и рефлексия, субъектность профессионализма, периодизация жизнедеятельности, творческая индивидуальность.

DOI: 10.31857/S020595920022778-1

С целью изучения проблемы развития жизнедеятельности Ксении Александровны Абульхановой (Славской) использован системно-междисциплинарный подход для построения типологии ее концептуально-методологических направлений и дифференциации этапов жизнедеятельности на фоне построения периодизации научной школы С.Л. Рубинштейна. Предложенное системно-типологическое решение указанной проблемы

органично для характеристики междисциплинарных поисков К.А. Абульхановой. Ибо, изучая феноменологию персонологических свойств человека, она разработала оригинальную типологию современной личности [5; 11; 20] как субъекта стратегии жизни [18; 21; 25], менталитет которого развивается в эпоху быстрых социальных изменений [7; 10; 12; 13]. Методологическая конструктивность системно-типологического подхода

К.А. Абульхановой к психологии личности [20] позволила реализовать его для прикладного анализа типологии профессионального развития субъекта. Это явилось предметной предпосылкой для обращения К.А. Абульхановой в 1990-е годы к акмеолого-педагогическому изучению профессионализма взрослых специалистов в системе их последипломного образования [24; 28]. Рефлексия этого психолого-акмеологического подхода была проведена ею позднее в 2000-е годы [9] с позиций философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна [27].

Именно в этот период на рубеже 1990–2010-х годов мне посчастливилось лично тесно сотрудничать с К.А. Абульхановой в изучении теоретико-методологических проблем психологического познания индивидуальности субъекта [15] в госуниверситете “Высшая школа экономики” (ГУ ВШЭ) и в разработке педагогического обеспечения преподавания психологии и акмеологии [9] в Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ. Этому 30-летнему опыту сотрудничества предшествовала в 1980-е годы учеба на публикациях и докладах К.А. Абульхановой на заседаниях руководимого Я.А. Пономаревым [32] Методологического семинара при Ученом совете ИП РАН и Всесоюзной секции “Психология творчества” Общества психологов. В 1990-е годы довелось с К.А. Абульхановой разрабатывать и преподавать теоретические основы акмеологии [9] в РАГС (ныне РАНХГС). В 2000–2010-е годы мы участвовали в изучении персонологии индивидуальности [15], сотрудничая как с возглавляемой ею кафедрой психологии личности в ГУ ВШЭ (ныне НИУ ВШЭ), так и с руководимой Д.Б. Богоявленской “Секцией психодиагностики одаренности” по обобщению с К.А. Абульхановой и рядом психологов РПО современного развития творческого наследия С.Л. Рубинштейна [30] применительно к изучению персонологии творчества и методологии психологии [26].

Новизна данной статьи определяется разработкой субъектно-наукоедческого и институционально-персонологического подходов к психологическому изучению творческой деятельности выдающегося ученого — нашего современника — К.А. Абульхановой-Славской. Важность учета роли институций как социально-коммуникативных условий планирования исследований и самореализации их субъектов в научной деятельности отмечалась в социальной психологии науки (М.Г. Ярошевский, Д.В. Ушаков и А.Л. Журавлев [38], А.В. Юревич). Институциональный подход разрабатывался при построении нами периодизации

100-летнего развития советской психологии и ее научных школ и дополнялся персонологическим [32; 34] анализом жизнотворчества их создателей (А.А. Бодалев, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Я.А. Пономарев, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков, Г.Г. Шпет, М.Г. Ярошевский и др.) с акцентом на изучение интеллектуально-личностного развития жизнотворчества в конкретных социокультурных условиях [35]. Субъектно-деятельностная интеграция этих двух видов системно-наукоедческого анализа привела к концептуализации единого институционально-персонологического подхода в психологическом изучении научного творчества [33], в том числе К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, Е.А. Будиловой, А.М. Матюшкина, А.В. Петровского, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, Е.В. Шороховой.

В первом разделе статьи впервые выстраивается периодизация жизнотворчества К.А. Абульхановой, во втором характеризуется эвристическая роль династий психологов в эстафетном развитии научных школ С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, в третьем дифференцируются основные достижения К.А. Абульхановой-Славской и обобщается типология направлений ее исследований психологии мышления и сознания личности, а также разработка системы теоретико-методологических принципов современного человекознания.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.А. АБУЛЬХАНОВОЙ

Первые 20 лет ее философско-психологических исследований в 1950–1960-е годы посвящены теоретико-экспериментальному изучению процессов мышления [36; 37] в контексте анализа истории и теории психологии познания. Это было обобщено в ее книге из научно-популярной серии [19], где также публиковались психологи (Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, И.С. Кон) и философы (Б.Г. Кузнецов, О.Г. Дробницкий и др.). Опыт изучения К.А. Славской логико-психологических процессов мышления вызвал интерес не только у его отечественных исследователей [34], но и у зарубежных [40]. Последующие же полвека в 1970–2020-е годы междисциплинарные поиски К.А. Абульхановой сосредоточились на изучении психологии личности как субъекта сознания и социальных взаимодействий [3; 4; 11; 13; 15; 17; 25; 28; 31; 39], а также на разработке теоретико-методологических проблем [2; 3; 14; 20; 22; 26; 27; 31; 39] человекознания. Грань между обоими периодами рельефно обозначилась в “Вопросах психологии” (№ 5 за 1969 г.)

в юбилейной статье “Проблема личности в трудах С.Л. Рубинштейна” ее с Е.А. Будиловой к 80-летию со дня рождения учителя К.А. Славской — С.Л. Рубинштейна, руководившего ее курсовыми, дипломом и кандидатской диссертацией, посвященных логико-психологическому анализу мышления. Готовя с А.В. Брушлинским переиздание трудов С.Л. Рубинштейна в 1973 г., К.А. Абульханова подвижнически расшифровала, прокомментировала и проинтерпретировала его предсмертную рукопись “Человек и мир”. Это обратило ее к междисциплинарным поискам в экзистенциально-антропологической [2; 22] сфере философско-психологического изучения сознания личности [4; 5]. Воспользуемся введенными К.А. Абульхановой в персонологию такими базовыми качествами личности, как жизнедеятельность и жизненный путь [18; 21], для построения периодизации ее 90-летнего развития как выдающегося ученого-гуманитария.

1. На семейно-школьном этапе (1932–1950 гг.) формирование ее личности, интересующейся познанием человека, происходило в семье родственников крупного писателя Леонида Андреева, которому она приходилась правнучкой, что определило ее гуманитарные интересы при обучении в средней школе.

2. На вузовском этапе (1951–1956 гг.) она училась на факультете философии МГУ на руководимой А.Н. Леонтьевым (см. о нем [34]) кафедре психологии, где под руководством ее основателя С.Л. Рубинштейна [16; 26; 34] К.А. Славская защитила дипломную работу по экспериментально-психологическому исследованию мышления и была рекомендована в аспирантуру.

3. На аспирантском этапе (1956–1960 гг.) она училась в 1956–1959 гг. в аспирантуре созданного С.Л. Рубинштейном сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР (ИФ АН). Откликаясь на критику о сложности формулировок своих фундаментальных трудов о бытии и сознании [30, с. 3–212], он с помощью своей супруги К.А. Славской создал популярную версию компендиума основных принципов и путей развития психологии [30, с. 214–425]. Параллельно с этим под руководством С.Л. Рубинштейна в его секторе К.А. Славская подготовила кандидатскую диссертацию в продолжение своей дипломной работы и в русле разработанной им стратегии логико-психологического исследования мышления. Эта диссертация была защищена в 1962 г. уже после смерти учителя по специальности “педагогика (по психологии)”.

4. На философском этапе (1960–1974 гг.) после окончания аспирантуры она работала в ИФ АН

научным сотрудником возглавляемого Е.В. Шороховой сектора психологии. Здесь К.А. Славская, завершив исследования мышления [19; 36; 37], приступила к анализу психологии личности [18] и стала разрабатывать философско-методологические проблемы психологии с позиций субъектно-деятельностного подхода [3]. В 1973 г. К.А. Абульханова подготовила к печати — с историко-теоретическими комментариями (совместно с А.В. Брушлинским) — избранные произведения их учителя С.Л. Рубинштейна “Проблемы общей психологии”, в том числе его неизданный философско-психологический труд “Человек и мир”, методологически проанализированный ею позднее [2; 5; 15; 22].

5. Теоретический этап (1974–1984 гг.). Защитив в 1974 г. в ИФ АН докторскую диссертацию по специальности “философия”, К.А. Абульханова перешла на работу в Институт психологии АН СССР (ИП АН). Здесь в возглавляемом Б.Ф. Ломовым ИП АН она разрабатывает фундаментальные проблемы психологии деятельности и личности [17] в контексте человеческой жизни [18] и обосновывает введение понятия “жизнедеятельность” в парадигму психологии личности с учетом анализа достижений классического и современного человекознания.

6. На методологическом этапе (1985–1991 гг.) в возглавляемой ею в ИП АН лаборатории методологии, теории, истории психологии она руководит разработкой ее фундаментальных проблем в контексте человекознания. Здесь К.А. Абульханова готовит с А.В. Брушлинским к переизданию с их комментариями “Основы общей психологии” С.Л. Рубинштейна (к 100-летию со дня рождения) и философско-психологический анализ его фундаментальной концепции [27]. Во время “перестройки” нашего общества на съезде психологов СССР мне довелось быть свидетелем беседы А.В. Брушлинского и К.А. Абульхановой с их сокурсницей — кандидатом психологических наук Р.М. Титаренко-Горбачевой. Поскольку в то время в СССР нельзя было издавать книги объемом более 20 п.л., то переиздание “Основ общей психологии” вышло за эти рамки. Поэтому ученики С.Л. Рубинштейна обратились к его бывшей студентке, а в то время супруге главы СССР с просьбой помочь опубликовать этот фундаментальный труд, который по заключению А.В. Брушлинского являлся “самой читаемой психологической книгой в стране”. С помощью Р.М. Горбачевой книгу удалось в 1989 г. издать в двух частях с примечаниями А.В. Брушлинского и К.А. Абульхановой. Параллельно она в методологическом плане разрабатывает — с опорой на идеи С.Л. Рубинштейна [30],

Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе — системно-типологический подход к теоретико-экспериментальному исследованию личности предложенным ею методом прогрессивной типологии [20] и применяет его для изучения типов развития профессионала в сборнике ИП АН под редакцией В.А. Бодрова, изданном в 1991 г. При этом в наступившем в стране бурном периоде “перестройки” К.А. Абульханова граждански смело откликается профессиональной рефлексией на социоэкзистенциальный анализ актуальных рисков бытия личности в эпоху радикальных общественных перемен [7], обобщая их психологический анализ позднее [13].

7. На субъектно-личностном этапе (1991–2002 гг.) в возглавляемом А.В. Брушлинским ИП РАН К.А. Абульханова в руководимой ею лаборатории психологии личности обобщает (с Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, В.А. Кольцовой и др.) историко-научные вопросы эволюции [8] российского человекознания XX в. Здесь она изучает социально-деятельностные и экзистенциально-субъектные аспекты психологии жизненной стратегии [21] личности в эпоху социальных изменений и концептуально-методологические проблемы [5; 10; 11; 25] развития психологического познания. Параллельно на созданной в 1992 г. А.А. Деркачем кафедре акмеологии и психологии профессиональной деятельности профессор РАГС К.А. Абульханова разрабатывает (с В.С. Агаповым, В.Г. Асеевым, А.А. Бодалевым, Е.А. Климовым, И.Н. Семеновым и др.) теоретико-прикладные проблемы субъектно-деятельностного подхода к акмеологическому [9] изучению и развитию профессионализма, в том числе кадров управления и последилового образования [28]. Это позднее обобщено с участием К.А. Абульхановой в таких учебных пособиях, как “Акмеологический словарь” и серийный учебник РАГС по акмеологии [9] под общей редакцией Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева. При этом на рубеже 1990–2000-х годов К.А. Абульханова ведет большую проектно-экспертную работу по координации психологических исследований в РГНФ, организационно обеспечивая социальную поддержку гуманитариев (философов, психологов, социологов, педагогов, управленцев) [31] и вооружая их разработанными для социальной практики методическими руководствами [24], в том числе по развитию социального мышления [29].

8. На университетском этапе (2002–2010 гг.) на организованном В.Д. Шадриковым факультете психологии госуниверситета “Высшая школа экономики” (ныне НИУ ВШЭ) К.А. Абульханова возглавляет кафедру психологии личности, где ведет

исследования (с Е.Б. Старовойтенко, В.С. Агаповым, И.Н. Семеновым и др.) индивидуальности человека [15], в том числе в процессе его самореализации в контексте экзистенциально-личностных и социо-экономических отношений. Параллельно в возглавляемом А.Л. Журавлевым ИП РАН К.А. Абульханова, заведывая лабораторией психологии личности, разрабатывает актуальные проблемы ее изучения в современных быстроменяющихся условиях [13]. При этом под ее редакцией издаются труды С.Л. Рубинштейна [22] и ряд статей и книг [16] с обобщением его идей в связи со 120-летним юбилеем в 2009 г. Так, по ее инициативе с В.Н. Носуленко во Франции переводятся избранные фундаментальные труды С.Л. Рубинштейна и в России издаются под редакцией К.А. Абульхановой энциклопедические сборники [22] аналитических трудов о нем крупных российских философов и психологов. Параллельно, отталкиваясь от прикладного анализа мировоззренческого смысла психологической категории личности как субъекта жизнедеятельности, К.А. Абульханова обратилась к изучению социально-психологических проблем развития молодежи, применяя их решение для создания учебника (выдержавшего 5 изданий) по обществознанию для старшеклассников. При этом она участвует в разработке психологических основ их воспитания, а также подготовке педагогических кадров для образовательной практики с позиций ее концепции социального мышления [10; 11; 13] современной личности, развивающихся в условиях бурных общественных изменений.

9. На академическом этапе (с 2011 г.) в возглавляемом А.Л. Журавлевым и ныне Д.В. Ушаковым ИП РАН главный научный сотрудник К.А. Абульханова продолжает издание трудов учителя (в том числе в связи с его 130-летним юбилеем в 2019 г.) и разработку своих историко-научных [4; 6; 26] и концептуально-методологических [2; 14; 23] штудий по философско-психологическим проблемам развития сознания личности в современном человекознании и в непрерывном образовании [12]. В 2017 г. К.А. Абульханова в качестве главного редактора создает (с В.А. Кольцовой) электронный научно-психологический журнал ИП РАН “Человек и мир” с публикацией в нем актуальных статей [14] по теоретико-методологическим и концептуально-прикладным проблемам развития личности в современном социуме.

Помимо этих широко известных предметных достижений К.А. Абульхановой, ее деятельность имеет еще одно — науковедческо-персонологическое — значение, пока не изученное историками психологии. Оно связано, во-первых, с ее сотворческой

ролью в консолидации школы С.Л. Рубинштейна между ее тремя поколениями: старшим (М.Г. Ярошевский, Е.В. Шорохова, Е.А. Будилова, Л.И. Анцыферова, А.М. Матюшкин), средним (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, И.С. Якиманская) и современным (Т.И. Артемьева, В.Г. Асеев, В.С. Агапов, Т.Н. Березина, М.И. Воловикова, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, В.Н. Носуленко, И.Н. Семенов, А.Н. Славская, Е.Б. Старовойтенко, И.И. Чеснокова и др.). Во-вторых, К.А. Абульханова-Славская [37] явилась эстафетно-сотворческим звеном между создавшим научную школу С.Л. Рубинштейном [30] как основателем династии и А.Н. Славской [16] как ее семейным продолжателем в начале XXI в.

РЕФЛЕКСИВНО-СОТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ЭСТАФЕТА НАУЧНЫХ ДИНАСТИЙ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ

В научной традиции К.А. Абульханова относится к основанной и выпестованной С.Л. Рубинштейном [16; 30] одной из ведущих в российской психологии XX–XXI вв. научных школ [6; 26; 34], которая является и наиболее длительной по непрерывному и разветвленному 90-летнему развитию в 1930–2020-е годы. Важно подчеркнуть, что цементирующую роль в этом развитии сыграла именно К.А. Абульханова-Славская: как супруга С.Л. Рубинштейна, его соратник, хранитель архива, расшифровщик рукописей, комментатор трудов, менеджер их изданий, интерпретатор наследия, оригинальный последователь идей и творческий разработчик парадигматики рубинштейнианства [2; 3; 6; 17; 22; 26; 27; 37].

Развитие школы С.Л. Рубинштейна — с участием ряда поколений его учеников и последователей — состоит из таких основных периодов, как: 1) психолого-педагогический (1931–1942) в Ленинградском педагогическом институте (ЛГПИ) с участием сотрудников и аспирантов (в том числе А.Г. Коомм, М.Н. Шардакова, М.Г. Ярошевского); 2) общепсихологический (1942–1949) в МГУ, ГИЭП (ныне ПИ РАО) и ИФ АН (с Б.Г. Ананьевым, А.Г. Коомм, Н.Н. Ладыгиной-Котс, Е.В. Шороховой, М.Г. Ярошевским); 3) психофизиологический (1950–1955) в ИФ АН (с Е.В. Шороховой, Е.А. Будиловой, Л.И. Анцыферовой, Н.С. Мансуровым); 4) логико-психологический (1956–1960) в ИФ АН и МГУ (с Л.И. Анцыферовой, А.М. Матюшкиным, К.А. Славской, А.В. Брушлинским, Д.Б. Богоявленской); 5) познавательно-мыслительный (1960–1968)

в ИФ АН (с Е.В. Шороховой, Е.А. Будиловой, Л.И. Анцыферовой, К.А. Славской, А.В. Брушлинским); 6) философско-психологический (1969–1973) в ИФ АН (с теми же и с В.Г. Асеевым, Т.И. Артемьевой, И.И. Чесноковой); 7) психолого-персоналогический (1974–1991) в ИП АН (с теми же); 8) социально-психологический (1992–2002) в ИП РАН и РАГС (с К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, В.С. Агаповым, В.Г. Асеевым, А.В. Брушлинским, Л.И. Воловиковой, В.А. Кольцовой, И.Н. Семеновым, А.Н. Славской); 9) индивидуально-психологический (2002–2010) в ИП РАН и ГУ ВШЭ (с В.С. Агаповым, Л.И. Анцыферовой, В.Г. Асеевым, М.И. Воловиковой, И.Н. Семеновым, А.Н. Славской, Е.Б. Старовойтенко); 10) интегрально-системный (с 2011 г.) в ИП РАН (с М.И. Воловиковой, В.А. Кольцовой, А.Н. Славской и др.) и в РПО (с Д.Б. Богоявленской, А.Н. Ждан, И.Н. Семеновым). Начиная с 4-го этапа в период 1955–2022 гг. доминирующую роль в теоретико-методологической трансляции идей С.Л. Рубинштейна и в исследовательской консолидации вокруг них играла К.А. Абульханова. При этом она сотрудничала в 1974–2022 гг. как с руководителями ИП РАН (Б.Ф. Ломовым, А.В. Брушлинским [17–19], Е.В. Шороховой, В.Н. Дружининым, В.А. Кольцовой [25], А.Л. Журавлевым, Д.В. Ушаковым, А.В. Юревичем), так и с участниками школы и последователями идей С.Л. Рубинштейна (Л.И. Анцыферова [8; 37], В.С. Агапов, В.Г. Асеев, Д.Б. Богоявленская [26], Е.А. Будилова, М.И. Воловикова [10; 11; 13], В.Н. Носуленко, И.Н. Семенов [9; 15; 26; 28; 29; 41], А.Н. Славская [16], Е.Б. Старовойтенко [15], С.В. Тихомирова [23], М.Г. Ярошевский и др.).

В науковедческом плане важно подчеркнуть уникальность в истории российского человекознания 70-летнего рефлексивно-диалогического взаимодействия К.А. Абульхановой с идеями С.Л. Рубинштейна — как с эпицентром развития ее философско-психологического творчества. Она героически расшифровывала скоропись его рукописей (“Человек и мир”, “Дневники” и др.), методологически изучала многоплановые труды и готовила их к печати в разных социокультурных условиях: от монополии идеологии марксизма [3; 17; 18] через неопределенность и риски “перестройки” [3; 27] до разгула либерализма [5; 28] и поисков адекватной идентичности российского менталитета [10; 13], принципиально сохраняя парадигматику С.Л. Рубинштейна [2]. Вступая на крутых виражах общественного развития [8; 12] рубежа XX–XXI вв. в рефлексивно-сотворческий диалог с различными аспектами его системы [30] человекознания, К.А. Абульханова отталкивалась от их позитивно-

критического анализа [3; 5; 13; 17; 18; 22; 23; 27]. Это послужило для нее методологическим трамплином для собственной постановки и решения актуальных проблем современной психологии: познания и мышления, сознания и рефлексии, личности и индивидуальности, деятельности и коммуникаций, воспитания и образования, профессионализма и творчества. Помимо постоянного диалога — как в непосредственном сотворческом общении с учителем (в 1951–1960 гг.), так и далее путем мысленного взаимодействия с его идеями (с 1960 г. до наст. вр.), К.А. Абульханова ведет изучение философско-психологической проблематики современного человекознания в рефлексивных диалогах с другими участниками научной школы С.Л. Рубинштейна. Наиболее глубокие рефлексивно-сотворческие диалоги осуществлялись К.А. Абульхановой с ее соратником и другом А.В. Брушлинским [1], с коллегами (Л.И. Анцыферовой, Е.А. Будиловой, М.И. Воловиковой [13], В.А. Кольцовой [4; 14], М.Г. Ярошевским), а также с дочерью — кандидатом психологических наук А.Н. Славской [16]. Она, как и К.А. Абульханова, была воспитана в качестве последователя С.Л. Рубинштейна, звена основанной им династии, носителя эстафеты его идей и специалиста по изучению жизненного пути мэтра [16] и экспликации логики развития научного наследия по психологии творческой личности [2].

В 100-летней истории российской (советской/постсоветской) психологии [34; 35; 40], помимо трехзвенной династии С.Л. Рубинштейна [6; 16; 22; 26; 27; 30], есть еще три сотворческих прецедента экзистенциально-диалогического развития научных школ — созданных В.М. Бехтеревым, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым (см. [34]) — в конкретных социокультурных условиях соответственно логике развития психологического познания и творческой генерации [33] его субъектов в результате наукоосозидающей познавательной деятельности.

Так, философ-психолог С.Л. Рубинштейн — будучи учеником методологов-неокантианцев Г. Когена и П. Наторпа — привнес своими последними трудами [30] идею субъектности психической жизнедеятельности человека, чем задал вектор анализа его гносеолого-экзистенциального бытия. Во втором поколении династии С.Л. Рубинштейна его ученица и супруга К.А. Славская (Абульханова), следуя логике рационалистического подхода [37] к мышлению, конкретизировала принцип субъектности относительно процессуально-деятельностной детерминации мыслительных действий [19; 36]. Эксплицировав субъектность

из логико-философского анализа мыслительной деятельности (углубленного другим учеником С.Л. Рубинштейна — А.В. Брушлинским [1] в его концепции “недизъюнктивности мышления”), К.А. Абульханова [3] инкорпорировала этот методологический принцип субъектности в проблематику изучения развития активности бытия человека как личности [17; 18]. Тем самым ею был реализован завещанный С.Л. Рубинштейном [30] социоэкзистенциальный вектор изучения сознания личности человека как субъекта бытия в мире. Проблематика личностной активности трактуется К.А. Абульхановой двояко: как внешне детерминированная социальностью деятельности [17], так и внутренне — субъектностью сознания [3; 5], причем в реальном контексте межличностных отношений, информационных коммуникаций и социокультурных взаимодействий.

В персонологическом плане важно, что эта эстафетная трансляция была опосредована рефлексивно-методологическими диалогами К.А. Абульхановой как в критических дискуссиях с более старшими ученицами С.Л. Рубинштейна — Е.А. Будиловой и Л.И. Анцыферовой (изучавшей личность в контексте зарубежных практик психотерапии, психотренингов и т.д.), так и в когнитивном сотворчестве с коллегой А.В. Брушлинским [1] и с третьим рубинштейновским поколением — с А.Н. Славской [16]. В ее совместных с К.А. Абульхановой эвристических поисках осуществляются углубленные проблематизации и исследования современного анализа активности сознания личности в контексте актуального изучения саморазвития и интерпретации авторского мышления человека как субъекта творчества. В институциональном плане важно, что для этих поисков, реализующих непрерывное развитие традиции С.Л. Рубинштейна, в ИП РАН созданы необходимые уникальные условия в течение полувека для поступательного развития его династии: от сектора (во главе с Е.В. Шороховой) через лаборатории (Л.И. Анцыферовой и К.А. Абульхановой) до периодики “Психологический журнал” и “Человек и мир” (с редакторами Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, К.А. Абульхановой).

Проблема концептуализации институционально-персонологического изучения роли научных династий в эстафетной трансляции и творческом развитии научного знания посредством его креативно-продуктивного приращения весьма сложна и полиаспектна [34; 35], выходя за рамки одного лишь психологического анализа. Проведенный краткий анализ инновационной постановки проблемы рефлексивно-диалогического ресурса

человеческого капитала научных династий для развития психологии имеет важное практическое значение. Ибо в итоге подчеркнем, что эвристический потенциал рефлексивно-эстафетных форм человеческого капитала [33] научных династий будет возрастать в перспективе развития российской психологии, способствуя существенному росту творческой продуктивности и профессиональной культуры в современном человекознании. Этот науковедческий контекст служит историко-научным фоном для определения сущности тех инноваций, которые явились вкладом К.А. Абульхановой в современную психологическую науку и в ее теоретико-методологические принципы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение 70 лет К.А. Абульханова ведет междисциплинарные поиски в области человекознания и обществознания в различных взаимодействующих научных направлениях современной философии, психологии, педагогики. В историко-научном плане ею анализируются классические и обобщаются современные предпосылки и достижения в изучении человека как субъекта мышления, сознания, рефлексии, деятельности, личности, социальных представлений и коммуникаций [1; 3; 6; 17–21; 36; 39]. В философском плане выстраиваются онтологические основы изучения в человекознании субъектности экзистенциального бытия личности в мире природы и культуры [2; 12; 18]. В методологическом плане разрабатываются эпистемологические категории, гносеологические принципы и типологические методы психологического познания высших психических функций субъекта и их системной интеграции в социальном бытии целостной личности [4; 14; 20]. В теоретическом плане выстраиваются концепции диалектики человеческой жизни [18], жизненного пути и жизнедеятельности личности [2; 21], субъектности ее бытия и самореализации, развития во времени жизни, формирования сознания и ретроспективно-перспективной рефлексии [4; 6; 39] существования человека в мире и личностной организации времени жизни [25]. В эмпирическом плане выстраивается системная типология сознания реальной личности [5; 33] и способов ее самоосуществления в условиях современных быстроменяющихся социальных трансформаций [13]. В прикладном плане определяется мировоззренческий смысл субъектности и ментальности [10] бытия личности как социально-психологическое основание воспитания социальных представлений современной молодежи [12] и профессиональной подготовки психолого-

педагогических кадров для таких основных ступеней непрерывного образования, как среднее школьное, высшее вузовское, последипломное повышение квалификации [23]. В учебно-образовательном плане с участием К.А. Абульхановой были изданы учебные пособия, хрестоматии по психологии личности, словари по акмеологии и учебники для школьников по обществознанию, студентов и слушателей повышения квалификации [9; 27]. Эти учебно-дидактические средства были апробированы и внедрены К.А. Абульхановой с педагогами в процессе непосредственного преподавания ею в вузовском образовании с 1982 г. на факультетах и кафедрах психологии: в МГУ, РАУ, РГГУ, МПГУ, НИУ ВШЭ, РАГС. В проектно-организационном плане на рубеже 1990–2000-х годов К.А. Абульханова в качестве ведущего эксперта РГНФ координировала его грантовую политику относительно актуальных исследовательских проектов по психологии и педагогике, оказывая социальную поддержку российским ученым в сфере человекознания [41]. В социокультурно-персонологическом плане К.А. Абульханова ведет (с Л.И. Анцыферовой, Д.Б. Богоявленской, А.В. Брушлинским, Е.А. Будиловой, М.И. Воловиковой, В.А. Кольцовой, В.Н. Носуленко, И.Н. Семеновым, А.Н. Славской, В.С. Тихомировой, М.Г. Ярошевским и др.) полувековой энциклопедически полиаспектный анализ [2; 6; 16–19; 23; 26; 39] философско-психологического наследия С.Л. Рубинштейна [30; 37], а также творческого пути и научных достижений выдающегося психолога конца XX в. А.В. Брушлинского [1], в том числе интерпретируя достижения этой научной школы в изучении мышления, сознания, рефлексии, понимания [4–6; 8; 20; 22; 27]. В институционально-предметном плане К.А. Абульханова, анализируя [22] философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна и типологизируя разработанные им методологические средства [2], конструктивно сотрудничает как с его учениками (М.Г. Ярошевский, Е.А. Будилова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский) в рамках дальнейшего развития созданной им научной школы [6], так и с ее последователями в ИП РАН, ПИ РАО, РАГС, НИУ ВШЭ, МГПУ (В.С. Агапов, В.Г. Асеев, Т.Н. Березина, М.И. Воловикова, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, И.Н. Семенов, А.Н. Славская, Е.А. Сергиенко, Е.Б. Старовойтенко, С.В. Тихомирова и многие другие). Это способствует становлению таких инновационных направлений человекознания, как науковедение [33; 38], акмеология [9; 27], персонология [1; 32], феноменология [4; 7; 35]. В персонологическом науковедческом плане К.А. Абульханова изучает житетворчество и труды выдающихся психологов XX в. [8]:

С.Л. Рубинштейна [30], Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе, Б.Ф. Ломова, А.В. Брушлинского [1], В.А. Роменца и др. В литературно-социокультурном плане К.А. Абульханова анализирует жизнь и творчество крупного писателя Серебряного века русской культуры начала XX в. Леонида Андреева, а также в научно-художественной форме изображает становление выдающейся личности молодого философа-психолога С.Л. Рубинштейна [16; 26]. В продуктивно-сотворческом плане К.А. Абульханова разрабатывает оригинальные философско-психологические концепции (субъектности, личности, сознания, жизнедеятельности, жизненного пути человека, организации времени жизни, социального мышления, рефлексии и представлений при общественных изменениях) в развитие наследия С.Л. Рубинштейна [30] путем как собственного научного творчества [3; 5; 17–19; 21; 39], так и посредством создания крупной научной школы (В.С. Агапов, Т.Н. Березина, М.И. Воловикова, В.А. Кольцова, И.Н. Семенов, А.Н. Славская, Е.Б. Старовойтенко и многие другие) экзистенциально-субъектного изучения бытия личности в мире природы и культуры: под ее научным руководством защищено 27 кандидатских и 4 докторских диссертаций.

В течение полувековой исследовательской деятельности в ИП РАН К.А. Абульханова получает неизменную поддержку со стороны всех его директоров — Б.Ф. Ломова, А.В. Брушлинского, А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова — как по переизданию и анализу наследия ее учителя С.Л. Рубинштейна [22; 23], так и по развитию собственных разнообразных оригинальных исследований в области изучения мышления [11; 19; 36; 37] и сознания личности [4; 5; 39], а также по разработке теоретико-методологических принципов [2; 3; 14; 22; 31] психологической науки. На базе ИП РАН К.А. Абульхановой создано — в качестве президента — Научное общество им. С.Л. Рубинштейна и его Мемориальный кабинет с собранной им библиотекой. Избранный том переводов его произведений в 2007 г. был переведен во Франции по инициативе сотрудников ИП РАН К.А. Абульхановой и В.Н. Носуленко. Фундаментальные достижения К.А. Абульхановой представлены ею на международных конгрессах и конференциях [39] и анализируются зарубежными учеными [40]. В российской науке она избрана академиком РАО, членом ряда научно-общественных академий и Европейской ассоциации психологов личности, а также удостоена Премии им. С.Л. Рубинштейна Президиума РАН. В этих почетных статусах К.А. Абульханова-Славская продолжает свои общепсихологические исследования сознания личности [2]

и субъектности мышления [6], психолого-педагогические средства их развития [12], а также философские [2] поиски в области экспликации и разработки теоретико-методологических принципов современного человекознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Андрей Владимирович Брушлинский (1933–2002): судьба, научное наследие, личные воспоминания о нем // Современная психология: состояние и перспективы исследований / Отв. ред. К.А. Абульханова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2002. С. 6–15.
2. *Абульханова К.А.* Онтологическая парадигма С.Л. Рубинштейна “Человек и мир” // Познание и переживание. 2020. Т. 1. № 1. С. 8–26.
3. *Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии: Монография. М.: Наука, 1973. 288 с.
4. *Абульханова К.А.* Проблемы сознания и его исследований в отечественной психологии XX–XXI столетий // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: ИП РАН, 2017. С. 158–166.
5. *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности: Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности // Избранные психологические труды. Серия: Психологи Отечества. М.-Воронеж: МПСИ, 1999.
6. *Абульханова К.А.* Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 75–81.
7. *Абульханова К.А.* Российская проблема свободы, одиночества, смирения // Психологический журнал. 1990. Т. 20. № 5. С. 5–14.
8. *Абульханова К.А., Анцыферова Л.И., Брушлинский А.В., Кольцова В.А. и др.* Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории: Кол. монография / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: ИП РАН, 1997. 576 с.
9. *Абульханова К.А., Бодалев А.А., Семенов И.Н.* Акмеология: Учебник. Серия: Учебники Российской академии госслужбы при Президенте РФ / Председатель ред. совета серии Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев. 1-е изд. М.: РАГС, 2000; 2-е изд. М.: РАГС, 2006. 681 с.
10. *Абульханова К.А., Брушлинский А.В., Воловикова М.И.* Российский менталитет: Вопросы психологии, теории и практики: Кол. монография. М.: ИП РАН, 1997. 336 с.
11. *Абульханова К.А., Брушлинский А.В., Воловикова М.И.* Современная личность: социальные представления,

- мышление, развитие в норме и патологии: Кол. монография. М.: ИП РАН, 2000.
12. *Абульханова К.А., Вачков И.В., Мудрик А.В.* Социокультурные и психолого-педагогические проблемы социализации молодежи. М.: МПГУ, 2019.
  13. *Абульханова К.А., Воловикова М.И.* Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 5–14.
  14. *Абульханова К.А., Кольцова В.А.* Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Институт психологии РАН. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6–51.
  15. *Абульханова К.А., Ленгле Э., Семенов И.Н.* Психология индивидуальности: новые модели и концепции. Межд. научное издание ГУ ВШЭ / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.
  16. *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Сергей Леонидович Рубинштейн: Детство. Отрочество. Молодость. М.-Воронеж: МОДЭК, 2010.
  17. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
  18. *Абульханова-Славская К.А.* Диалектика человеческой жизни: соотношение философского, методологического и конкретно-научного подходов к проблеме индивида. М.: Мысль, 1977.
  19. *Абульханова-Славская К.А.* Мысль в действии: (психология мышления) / Серия: над чем работают, о чем спорят философы. М.: Политиздат, 1968.
  20. *Абульханова-Славская К.А.* Особенности типологического подхода и метода исследования личности // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д.Н. Завалишина, В.А. Барабанщиков. М.: Наука, 1990. С. 18–25.
  21. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
  22. *Абульханова-Славская К.А.* Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / Отв. и науч. ред. К.А. Абульханова (Серия: Философия России второй половины XX века). М.: ИФ РАН, РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
  23. *Абульханова-Славская К.А.* Этическое наследие С.Л. Рубинштейна в современной психологии // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Сост. С.В. Тихомирова; Отв. ред. К.А. Абульханова. М.: ИП РАН, 2011. С. 202–215.
  24. *Абульханова-Славская К.А., Анципов А.Я., Бодалев А.А.* Рабочая книга практического психолога / Отв. ред. А.А. Деркач. М.: РАГС, 2001.
  25. *Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни: Монография. СПб.: Алетейя, 2001.
  26. *Абульханова-Славская К.А., Богоявленская Д.Б., Семенов И.Н.* К 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: ПИ РАО, РПО, Акрополь, 2020.
  27. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения: Монография. М.: Наука, 1989.
  28. *Абульханова-Славская К.А., Семенов И.Н.* Акмеологическое понимание субъекта управления // Менеджеру о менеджменте: наука и искусство управления. М.: Красная площадь, 1997.
  29. *Лосев А.В., Семенов И.Н.* Экспериментально-психологическое исследование и формирование рефлексивности социально-профессионального мышления менеджеров быстроразвивающихся организаций // Проблема эксперимента в психологии / Под ред. Р.Л. Кричевского и др. М.: РАГС, 1998. С. 79–121.
  30. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание [1957]; Принципы и пути развития психологии [1959] // Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского. М.: Наука, 1997. С. 3–425.
  31. *Сайко Э.В., Розин В.М., Абульханова-Славская К.А.* Субъект действия, взаимодействия, познания: психологические, философские, социокультурные аспекты: Монография / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.-Воронеж: МПСИ, РАО, МОДЭК, 2001.
  32. *Семенов И.Н.* Взаимодействие Я.А. Пономарева и Б.Ф. Ломова в институционализации психологии творчества // История отечественной психологической мысли: от прошлого через настоящее к будущему / Под ред. В.А. Кольцовой и др. М.: ИП РАН, 2006. С. 14–21.
  33. *Семенов И.Н.* Генерация и социализация субъектов научно-творческой деятельности посредством рефлексивно-психологического изучения развития человеческого капитала // Известия РАО. 2021. № 4.
  34. *Семенов И.Н.* Системодейятельностная методология и рефлексивная психология мышления. М.: Институт развития им. Г.П. Щедровицкого, 2014.
  35. *Семенов И.Н.* Философско-антропологическая проблематика рефлексивной психологии смысла в российском человекознании // Мир психологии. 2017. № 2. С. 280–297.
  36. *Славская К.А.* Детерминация процесса мышления // Исследования мышления в советской психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1966. С. 175–224.
  37. *Славская К.А., Анциферова Л.И., Матюшкин А.М.* Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения: Экспериментальные исследования / Под общ. ред. С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

38. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Психологическое содержание институтов и модели психосоциального человека // Новое в науках о человеке. К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина.; Ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ланд, 2015. С. 211–220.
39. Abulchanova K.A. Rapport entre les groupes nationaux en Europe: evaluation des similitudes et des differences en fonction de la proximite // Dynamiques et transitions en Europe. Berne, 1997.
40. Matthaues W. Sowjetische Denkpsychologie. Gottingen: Verlag fur Psychologie. Gottingen, Toronto, Zurich, 1988. P. 298–303; 622–624.
41. Semenov I.N. The psychology of reflexion in the scientific work of S.L. Rubinshtein // The Psychology J. 1989. № 4. P. 67–74.

SCIENTIFIC REFLECTION ON THE PERSONOLOGY OF K. A. ABULKHANOVA'S PHILOSOPHICAL-PSYCHOLOGICAL WORK (TO THE 90th ANNIVERSARY AND TO THE 50th ANNIVERSARY OF IP RAS)

I. N. Semenov

*Moscow City Pedagogical University;
123022, Moscow, Stolny per. 16, bld. 1, Russia,
ScD (Psychology), Professor, Department of Psychology,
Laureate of the Russian Presidential Prize for Education.
E-mail: i_samenov@mail.ru*

Received: 09.03.2022

Abstract. The article examines the life and activity of the leading Russian philosopher psychologist (from S.L. Rubinstein's scientific school), Main Researcher of IP RAS, Academician of RAO, Professor K.A. Abulkhanova. The relevance of this historical and scientific article is determined by her fundamental contribution to the development of theoretical and methodological problems of philosophical and psychological studies of thinking, activities, consciousness, personality, relations and social communications. The purpose of the article is to analyze K.A. Abulhaova's 70 years of philosophical-psychological research and to systematize her achievements in the study of the psychology of thinking and consciousness of personality. The novelty of the article lies in the scientific study of K.A. Abulkhanova's life activity from the standpoint of institutional-personological and subject-activity approaches to scientific creativity. These approaches are realized by a number of scientists (L.S. Vygotsky, A.A. Smirnov, B.M. Teplov, G.G. Shpet) including psychologists of thinking, (S.L. Rubinstein, A.M. Matyushkin, A.V. Brushlinsky, P. Ya. Galperin, Y.A. Ponomarev, V.D. Shadrinov) and personality (A.A. Bodalyov, A.N. Leontiev, M.G. Yaroshevsky, I.V. Dubrovina). Against this wellgrounded historical and scientific background, we analyze for the first time the life activity of K.A. Abulkhanova, a leading methodologist in the field of human studies and psychology of personality, in the context of a 100-year development of Russian psychology. We characterize her reflexive/creative dialogues with: S.L. Rubinstein, L.I. Antsyferova, A.V. Brushlinsky, E.A. Budilova, M.I. Volovikova, V.A. Koltsova, I.N. Semyonov, A.N. Slavskaya, E.B. Starovoitenko, M.G. Yaroshevsky, etc. In the context of S.L. Rubinstein's school periodization the stages of K.A. Abulkhanova's professional development are differentiated, the directions of her research are generalized, her contribution to the psychology of personality and philosophy of human studies are shown. For the first time, the heuristic problem of the historical and personological study of the role of the dynasties of psychologist scientists in the relay-creating development of scientific schools of modern psychological knowledge is put.

Keywords: philosophy, psychology, K.A. Abulkhanova, S.L. Rubinstein, scientific school, cognitive activity, personality consciousness, subjectivity of professionalism, periodization of life activity, human socialization, creative individuality.

REFERENCES

1. *Abul'hanova K.A.* Andrej Vladimirovich Brushlinskij (1933–2002): sud'ba, nauchnoe nasledie, lichnye vospominanija o nem. *Sovremennaja psihologija: sostojanie i perspektivy issledovanij*. Eds. K.A. Abul'hanova, M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev. Moscow: IP RAN, 2002. P. 6–15. (In Russian)
2. *Abul'hanova K.A.* Ontologicheskaja paradigma S.L. Rubinshtejna "Chelovek i mir". *Poznanie i perezhivanie*. 2020. V. 1. № 1. P. 8–26. (In Russian)
3. *Abul'hanova K.A.* O sub''ekte psihicheskoy dejatel'nosti. *Metodologicheskie problemy psihologii*. Monografija. Moscow: Nauka, 1973. 288 p. (In Russian)
4. *Abul'hanova K.A.* Problemy soznaniya i ego issledovanij v otechestvennoj psihologii XX–XXI stoletij. *Fundamental'nye i prikladnye issledovanija sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya*. Eds. A.L. Zhuravljov, V.A. Kol'cova. Moscow: IP RAN, 2017. P. 158–166. (In Russian)
5. *Abul'hanova K.A.* *Psihologija i soznanie lichnosti: Problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti*. *Izbrannye psihologicheskie trudy*. Serija: Psihologi Otechestva. Moscow, Voronezh: MPSI, 1999. (In Russian)
6. *Abul'hanova K.A.* Retrospektiva i perspektiva principa sub''ekta v issledovanijah myshlenija shkoloj S.L. Rubinshtejna. *Voprosy filosofii*. 2021. № 9. P. 75–81. (In Russian)
7. *Abul'hanova K.A.* Rossijskaja problema svobody, odinochestva, smirenija. *Psihologicheskii zhurnal*. 1990. V. 20. № 5. P. 5–14. (In Russian)
8. *Abul'hanova K.A., Ancyferova L.I., Brushlinskij A.V., Kol'cova V.A. i dr.* *Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija: problemy teorii i istorii*. Kol. Monografija. Ed. A.V. Brushlinskij. Moscow: IP RAN, 1997. 576 p. (In Russian)
9. *Abul'hanova K.A., Bodalev A.A., Semenov I.N.* *Akmeologija: Uchebnik*. Serija: Uchebniki Rossijskoj akademii gossluzhby pri Prezidente RF. Predsedatel' red. sovetov serii: Predsedatel' Pravitel'stva RF D.A. Medvedev. 1-e izd. Moscow: RAGS, 2000; 2-e izd. Moscow: RAGS, 2006. 681 p. (In Russian)
10. *Abul'hanova K.A., Brushlinskij A.V., Volovikova M.I.* *Rossijskij mentalitet: Voprosy psihologii, teorii i praktiki*. Kol. monografija. Moscow: IP RAN, 1997. 336 p. (In Russian)
11. *Abul'hanova K.A., Brushlinskij A.V., Volovikova M.I.* *Sovremennaja lichnost': social'nye predstavlenija, myshlenie, razvitie v norme i patologii*. Kol. monografija. Moscow: IP RAN, 2000. (In Russian)
12. *Abul'hanova K.A., Vachkov I.V., Mudrik A.V.* *Socio-kul'turnye i psihologo-pedagogicheskie problemy socializacii molodezhi*. Moscow: MPGU, 2019. (In Russian)
13. *Abul'hanova K.A., Volovikova M.I.* *Psihosocial'nyj i sub''ektnyj podhody k issledovaniju lichnosti v usloviyah social'nyh izmenenij*. *Psihologicheskii zhurnal*. 2007. V. 28. № 5. P. 5–14. (In Russian)
14. *Abul'hanova K.A., Kol'cova V.A.* *Integracija metodologicheskikh principov otechestvennoj psihologii na rubezhe vekov*. Institut psihologii RAN. *Chelovek i mir*. 2017. V. 1. № 1. P. 6–51. (In Russian)
15. *Abul'hanova K.A., Lengle Je., Semenov I.N.* *Psihologija individual'nosti: novye modeli i koncepcii*. *Mezhd. nauchnoe izdanie GU VShJe*. Eds. E.B. Starovojtenko, V.D. Shadrikov. Moscow: MPSI, 2009. (In Russian)
16. *Abul'hanova K.A., Slavskaja A.N.* *Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Detstvo. Otrochestvo. Molodost'*. Moscow, Voronezh: MODJeK, 2010. (In Russian)
17. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Dejatel'nost' i psihologija lichnosti*. Moscow: Nauka, 1980. (In Russian)
18. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Dialektika chelovecheskoj zhizni: sootnoshenie filosofskogo, metodologicheskogo i konkretno-nauchnogo podhodov k probleme individa*. Moscow: Mysl', 1977. (In Russian)
19. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Mysl' v dejstvii: (psihologija myshlenija)*. Serija: nad chem rabotajut, o chem sporjat filosofy. Moscow: Politizdat, 1968. (In Russian)
20. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Osobennosti tipologicheskogo podhoda i metoda issledovanija lichnosti. Princip sistemnosti v psihologicheskikh issledovanijah*. Eds. D.N. Zavalishina, V.A. Barabanshnikov. Moscow: Nauka, 1990. P. 18–25. (In Russian)
21. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Strategija zhizni*. Moscow: Mysl', 1991. 299 p. (In Russian)
22. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Sub''ekt v filosofskoj antropologii i ontologicheskoy koncepcii S.L. Rubinshtejna*. Sergej Leonidovich Rubinshtejn. Ed. K.A. Abul'hanova (Serija: Filosofija Rossii vtoroj poloviny XX veka). Moscow: IF RAN, ROSSPJeN, 2010. P. 23–76. (In Russian)
23. *Abul'hanova-Slavskaja K.A.* *Jeticheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna v sovremennoj psihologii. Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna*. Sost.: S.V. Tihomirova; Ed. K.A. Abul'hanova. Moscow: IP RAN, 2011. P. 202–215. (In Russian)
24. *Abul'hanova-Slavskaja K.A., Ancupov A.Ja., Bodalev A.A.* *Rabochaja kniga prakticheskogo psihologa*. Ed. A.A. Derkach. Moscow: RAGS, 2001. (In Russian)
25. *Abul'hanova-Slavskaja K.A., Berezina T.N.* *Vremja lichnosti i vremja zhizni*. Monografija. Saint-Petersburg: Aletejja, 2001. (In Russian)
26. *Abul'hanova-Slavskaja K.A., Bogojavlenskaja D.B., Semenov I.N.* *K 130-letnemu jubileju S.L. Rubinshtejna*. Ed. D.B. Bogojavlenskaja. Moscow: PI RAO, RPO, Akropol', 2020. (In Russian)
27. *Abul'hanova-Slavskaja K.A., Brushlinskij A.V.* *Filosofsko-psihologicheskaja koncepcija S.L. Rubinshtejna: K 100-letiju so dnja rozhdenija*. Monografija. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)

28. *Abul'hanova-Slavskaja K.A., Semenov I.N.* Akmeologicheskoe ponimanie sub'ekta upravljenija. Menedzheru o menedzhmente: nauka i iskusstvo upravljenija. Moscow: Krasnaja ploshhad', 1997. (In Russian)
29. *Losev A.V., Semenov I.N.* Jeksperimental'no-psiologicheskoe issledovanie i formirovanie reflektivnosti social'no-professional'nogo myshlenija menedzherov bystrorazvivajushhihsja organizacij. Problema jeksperimenta v psihologii. Eds. R.L. Krichevskogo et al. Moscow: RAGS, 1998. P. 79–121. (In Russian)
30. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie [1957]; Principy i puti razvitija psihologii [1959]. Izbrannye filosofsko-psiologicheskie trudy: Osnovy ontologii, logiki i psihologii. Eds. K.A. Abul'hanovoj, A.V. Brushlinskogo. Moscow: Nauka, 1997. P. 3–425. (In Russian)
31. *Sajko Je.V., Rozin V.M., Abul'hanova-Slavskaja K.A.* Sub'ekt dejstvija, vzaimodejstvija, poznaniya: psihologicheskie, filosofskie, sociokul'turnye aspekty. Monografija. Ed. Je.V. Sajko. Moscow, Voronezh: MPSI, RAO, MODJeK, 2001. (In Russian)
32. *Semenov I.N.* Vzaimodejstvie Ja.A. Ponomareva i B.F. Lomova v institucionalizacii psihologii tvorcestva. Istorija otechestvennoj psihologicheskoi mysli: ot proshlogo cherez nastojashhee k budushhemu. Ed. V.A. Kol'cova et al. Moscow: IP RAN, 2006. P. 14–21. (In Russian)
33. *Semenov I.N.* Generacija i socializacija sub'ektov nauchno-tvorcheskoj dejatel'nosti posredstvom reflektivno-psiologicheskogo izuchenija razvitija chelovecheskogo kapitala. Izvestija RAO. 2021. № 4. (In Russian)
34. *Semenov I.N.* Sistemodejatel'nostnaja metodologija i reflektivnaja psihologija myshlenija. Moscow: Institut razvitija im. G.P. Shhedrovickogo, 2014. (In Russian)
35. *Semenov I.N.* Filosofsko-antropologicheskaja problematika reflektivnoj psihologii smysla v rossijskom chelovekoznanii. Mir psihologii. 2017. № 2. P. 280–297. (In Russian)
36. *Slavskaja K.A.* Determinacija processa myshlenija // Issledovanija myshlenija v sovetskoj psihologii. Ed. E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1966. P. 175–224. (In Russian)
37. *Slavskaja K.A., Ancyferova L.I., Matjushkin A.M.* Process myshlenija i zakonomernosti analiza, sinteza i obobshhenija: Jeksperimental'nye issledovanija. Ed. S.L. Rubinshtejn. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. (In Russian)
38. *Ushakov D.V., Zhuravlev A.L.* Psiologicheskoe sodержanie institutov i modeli psihosocial'nogo cheloveka. Novoe v naukah o cheloveke. K 85-letiju so dnja rozhdenija akademika I.T. Frolova. Ed. G.L. Belkina.; red.-sost. M.I. Frolova. Moscow: Land, 2015. P. 211–220. (In Russian)
39. *Abulchanova K.A.* Rapport entre les groupes nationaux en Europe: evaluation des similitudes et des differences en fonction de la proximite. Dynamiques et transitions en Europe. Berne, 1997.
40. *Matthaus W.* Sowjetische Denkpsychologie. Gottingen: Verlag fur Psychologie. Gottingen, Toronto, Zurich, 1988. P. 298–303; 622–624.
41. *Semenov I.N.* The psychology of reflexion in the scientific work of S.L. Rubinshtein. The Psychology J. 1989. № 4. P. 67–74.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ**

УДК: 159.923.2

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ СВОБОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

© 2022 г. Н. А. Степанова

*ГБОУ города Москвы “Школа № 1360”;
107564, г. Москва, ул. Краснобогатырская, д. 21А, Россия.
Кандидат психологических наук, педагог-психолог.
E-mail: natalia0663@yandex.ru*

Поступила 30.05.2022

Аннотация. Необходимость укрепления духовных ценностей в крайне нестабильной общественно-исторической ситуации раскрывает новые возможности для более полного рассмотрения феномена свободы в психологии, прежде всего путем изучения духовного измерения сознания. Выделены четыре слоя сознания, связанные с развитием свободы: духовный, ценностный, рефлексивный, бытийный. Показано, что большинство авторов рассматривают свободу преимущественно в рефлексивном слое сознания, связывая ее с осознанностью, осмысленностью жизни, самоуправлением. Меньше исследований, затрагивающих ценностный слой сознания, где свобода связана со стремлением к самореализации, выбором личностных ценностей и смыслов, исследований бытийного слоя, где свобода рассматривается как выбор возможностей в пространстве культуры, пространстве общественных норм и правил. Представлен подход В.П. Зинченко и Г.В. Ожигановой, которые показали значимость духовного слоя сознания, его приоритетную роль по отношению к ценностному, рефлексивному и бытийному слоям. Духовный слой сознания и соответствующая ему духовная свобода слабо изучены в психологии, как и виды свободы, ее структурные компоненты. Свобода понимается автором как компонент сознания человека, продукт и результат развития духовного, ценностного, рефлексивного и бытийного слоев сознания, состоящий в осознанном преодолении внешних и внутренних препятствий в ходе жизнеосуществления с целью самореализации и духовного самосовершенствования. На основе теоретического анализа литературы предложена авторская модель структуры свободы как компонента сознания человека, которая описывает структуру двух видов свободы: внешнего и внутреннего. Внешний вид свободы определяется в большей степени бытийным, рефлексивным, ценностным, в меньшей степени — духовным слоями сознания, направлен на самореализацию и самоактуализацию. Внутренний вид свободы определяется в большей мере духовным, ценностным и рефлексивным, в меньшей мере — бытийным слоем сознания, направлен на духовное самосовершенствование и личностный рост. Предложенная автором теоретическая модель структуры свободы как компонента сознания человека может выступать основой изучения свободы в психологии.

Ключевые слова: свобода, сознание, структура свободы, внешняя свобода, внутренняя свобода, духовность, самореализация, самосовершенствование.

DOI: 10.31857/S020595920022779-2

Актуальность проблемы свободы в психологии позиционируется еще с начала XX в. При этом, несмотря на хорошую методологическую проработку проблемы в рамках рефлексивно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейном, Е.И. Кузьминой [21; 22], на сегодняшний день осталось еще немало противоречий и вопросов, которые требуют решения в крайне нестабильных реалиях современного общества.

Одной из отличительных особенностей современной психологической науки является внедрение исследований многообразного духовного мира человека в научное пространство, модели

интеграции сознания на основе духовности [17; 26].

В данной связи В.Е. Клочко справедливо отмечает, что «для понимания того, что есть сознание, психологам, по-видимому, придется легитимировать понятие духа, поскольку именно дух является полномочным представителем целостного человека в окружающем его мире. Он превращает безличную, индифферентную, в себе и для себя существующую “окружающую среду” в многомерное одушевленное пространство жизни, в котором человек может действовать осознанно и ответственно, т.е. с пониманием смысла и ценности своих действий» [19, с. 33].

Идею необходимости введения понятий духа и духовности в область научных исследований психологии сознания развивают А.А. Крылов и И.М. Юсупов, отмечая, что “духовность — это инструмент, поддерживающий экологический баланс чувственного сознания личности с ноосферой, она состоит в отношениях комплементарности (взаимной дополнительности) с чувственным сознанием” [20, с. 214].

В современных исследованиях сознание человека все чаще рассматривается как общесистемное, интегративное качество, релевантное целостному духовному человеку [4; 5; 9; 13; 18; 26; 28; 32; 33; 37–40; 42; 43]. В данной связи особый интерес представляет проблема развития сознания человека в направлении духовного самосовершенствования, самоосвобождения от эгоцентризма, негативного внешнего влияния.

Цель статьи — обоснование и разработка теоретической модели структуры свободы как компонента сознания человека.

Объект исследования — структура свободы в психологии.

Предмет исследования — структура свободы как компонента сознания человека.

Задачи:

- 1) рассмотреть подходы к изучению сознания человека и его структуры;
- 2) определить место и роль свободы в структуре сознания человека;
- 3) разработать теоретическую модель структуры свободы как компонента сознания человека.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СТРУКТУРЫ

Среди многообразия комплексных, системных и унитарных подходов и концепций рассмотрения сознания отечественных авторов одним из наиболее полно разработанных является метасистемный подход А.В. Карпова. Сознание рассматривается автором как система, включенная в метасистему — психику; при этом система “сознание” относится к специфическому классу “систем со встроенным метасистемным уровнем” и в силу этого не только специфицирует “свою” метасистему (психику), но и “в значительной степени конституирует ее для субъекта” [18, с. 297].

Если в российской психологии исследовательское внимание концентрируется главным образом на вопросах определения сознания и, реже, его

структуры, то область научных исследований в США и Западной Европе (The Science of Consciousness) сконцентрирована на вопросах возникновения, онто- и филогенеза сознания, его связи с физическим миром [1; 44].

В последние десятилетия одним из направлений изучения становления сознания за рубежом стал подход Theory of Mind — “теория разума” или “модель психического”. В центре этого подхода — проблема становления понимания собственного психического и психического Другого [1; 35].

Многообразие подходов к рассмотрению сознания определило различие в точках зрения на место свободы в структуре сознания.

Остановимся подробнее на вопросе изучения структуры сознания. В отечественной литературе чаще говорят не о компонентах, а о уровнях сознания. Различные подходы к определению и описанию уровней сознания представлены в концепциях В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка и др. Л.С. Выготский, развивая философские представления об онтологии сознания, писал, что в сознании можно выделить два уровня: сознание для сознания и сознание для бытия [10; 11]. А.Н. Леонтьев, продолжая линию исследований сознания, наметившую Л.С. Выготским, поставил вопрос о том, что входит в сознание, как оно возникает, каковы его источники. Он выделял в сознании три образующих: чувственная ткань образа, значение и личностный смысл [23]. Предложенная структура сознания была дополнена и развита В.П. Зинченко. В сознании, помимо чувственной ткани, значения и смысла, автором выделялась биодинамическая ткань движения и действия [12]. По мнению В.П. Зинченко, значение и смысл образуют рефлексивный слой сознания. Бытийный слой сознания составляют чувственная ткань образа и биодинамическая ткань живого движения и действия. Рефлексивный слой, в отличие от бытийного, содержит в себе цель, средство и результат. Содержание рефлексивного слоя дает энергию процессу рефлексии, преодолению бесконечного числа степеней свободы, проявляющихся в возможностях [13; 15].

МЕСТО И РОЛЬ СВОБОДЫ В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Значимая роль свободы для понимания сути и развития сознания для отечественных авторов очевидна. Так, субъективность семантических систем в концепции сознания В.Ф. Петренко

определяется фактором свободы [24], обнаруженные В.М. Аллахвердовым парадоксы сознания есть проявления свободы [3], полиментальность сознания в концепции В.Е. Семенова определяется свободой людей в приобщении к тем или иным социальным группам в тех или иных условиях [30]. В одной из своих последних публикаций В.П. Зинченко пишет, что «любая предлагаемая структура сознания должна отражать и порождать следующие его свойства: онтологичность (бытийность, событийность), хронотопичность, смысловое строение, рефлексивность (“внутреннее единство смысла”), интерсубъективность (диалогизм, “разговорное бытие”), гетерогенность образующих, полифонию, интенциональность, ценность (ценностность), динамизм взаимоотношений слоев и их образующих (переходы и контактные барьеры, состояния сознания), открытость, подобная открытости образа мира, свободу и ответственность, спонтанность, конструктивность» [16, с. 88], — определяя свободу неотъемлемым свойством сознания. При этом мнение исследователей относительно места свободы в структуре сознания различно.

Бытийный слой сознания по сравнению с рефлексивным менее исследован. В бытийном слое сознания, по мнению В.П. Зинченко, “строятся не только образы мира и образы действий (поведения) в этом мире, но и преодолевается избыточность того и другого, а в пределе — создается способность свободного (полнезависимого) действия-поступка в мире” [13, с. 6]. Бытийный слой отличает неосознаваемая (фоновая) рефлексия, создающая основу для более зрелой осознанной рефлексии и, соответственно, более зрелой и осознанной свободы.

Многие отечественные авторы отдают приоритет рефлексивному слою, освещая вопрос локализации свободы в сознании. Рефлексивный слой сознания многократно исследован и описан в психологии [12; 13; 18; 23; 24]. Осознаваемый характер рефлексивной регуляции, по мнению А.В. Карпова, создает субъективное “ощущение полноты контроля”, “осознанный характер поведения”, “отчет в своих действиях” [18], что свидетельствует о проявлении свободы как самоуправления в рефлексивном слое сознания. Автор двухфакторной теории сознания Г.В. Акопов отмечает, что “рефлексивный слой по своей сути настолько свободен в проявлениях, что может рассматриваться как эквивалент свободы” [2, с. 67].

При этом в концепции сознания Г.В. Акопова свобода определяется как одна из сущностных характеристик сознания, как фактор развития

и проявления сознания в деятельности, познании, общении, в формах выбора (произвольность), творчества (определение, нахождение субъективно новых целей) и созидания (конструирование объективно новых целей). Блок свободы в исследованиях автора посвящен выявлению самостоятельности, творческого потенциала и тенденции к самоактуализации [2; 3]. Можно предположить, что свобода как самоактуализация, творчество и созидание не может ограничиваться работой только рефлексивного слоя сознания, поскольку это категории, тесно связанные с духовным началом, ценностями и смыслами.

О ведущем значении рефлексии и осознанности в содержании и проявлении свободы говорит Е.И. Кузьмина. Как наиболее значительный современный исследователь свободы, она понимала свободу как “продукт и результат осознания и деятельности” [22, с. 26], как “состояние человека, возникающее в результате самоопределения — построения такого отношения к границам пространства своих виртуальных возможностей или изменения этих границ, при котором преодолеваются противоречия в самореализации” [Там же]. Свобода личности представлена автором в единстве осознания, переживания и изменения границ пространства своих возможностей (актуальных, потенциальных, виртуальных и др.) по внутреннему убеждению в соответствии с общественными нормами и правилами, а структуру свободы Е.И. Кузьмина рассматривает в единстве рациональной, чувственной и действенной сторон [15; 16]. Такой универсальный взгляд Е.И. Кузьминой на понимание структурных составляющих свободы — в единстве когнитивного, эмоционального и деятельностного аспектов — вполне соотносится как с рефлексивно-действенным подходом, так и с ролью сознания в нем: осознанность и рефлексивность выделяются автором как основные процессы, способствующие возникновению состояния свободы. При этом Е.И. Кузьмина говорит о долге, ответственности и необходимости соблюдения социальных норм, ограничивая свободу бытийным и рефлексивным слоями сознания.

В.П. Зинченко пошел дальше в изучении слоев и уровней сознания, понимая необходимость рассмотрения свободы на более высоком уровне, чем бытийный и рефлексивный. В более поздних своих работах В.П. Зинченко выделяет духовный слой сознания, развивающийся одновременно с бытийным и рефлексивным. В духовном слое складываются базовые чувства доверия/недоверия к миру, высшие человеческие чувства любви к ближнему. Именно в этом слое сознания образуется представление

о “Я”, которое затем разделяется на “Я — второе Я” [8]. Автор особо подчеркивает, что “возникающий в младенческом возрасте духовный слой, развиваясь, становится колыбелью свободы, морального поведения, совести” [8, с. 609]. Таким образом, В.П. Зинченко говорит о том, что свобода, как и совесть, “взращаются” духовным слоем сознания, присутствуя, проявляясь во всех слоях сознания.

Помимо бытийного, рефлексивного и духовного, В.П. Зинченко выделяет хронотопический и ценностный слои сознания, последний из которых играет значимую роль в образовании и проявлении свободы [14; 15; 31]. Автор ссылается на В.А. Петровского, который писал, что ценности, в отличие от норм, предоставляют личности большее число “степеней свободы”. Ценности не принуждают, а побуждают к деятельности [29]. В.П. Зинченко пишет, что в ценностном слое через придание со-значения, т.е. через отнесение к себе самому, через оценку сквозь призму собственной индивидуальности, идет приобретение явлением личностной ценности. В ценностном слое личностные ценности соединяются с объективными смыслами культурных явлений [14; 16]. В данном случае можно говорить о ценностной регуляции проявлений свободы, ее балансе между личностными ценностями и объективными смыслами.

Важно отметить, что автор делает особый акцент на целостности сознания. В.П. Зинченко подчеркивает, что все компоненты предложенной им структуры сознания “взаимодействуют друг с другом по горизонтали, по вертикалям и по диагоналям” [16, с. 92], а их формирование происходит одновременно и параллельно [14; 16]. При этом он отмечает, что “хотя становление всех слоев сознания следует рассматривать как единый синхронистический акт, все же духовный слой сознания в целой структуре сознания играет доминирующую роль, он одушевляет, воодушевляет или обездушевляет другие слои” [14, с. 461].

Г.В. Ожиганова разделяет позицию В.П. Зинченко о ведущей роли духовного слоя сознания, приводит в своих работах детальный теоретический анализ проблемы духовного сознания и отмечает его ведущую роль по отношению к рефлексивному и бытийному слоям, уделяет особое внимание духовному интеллекту и духовным способностям: моральным, рефлексивным, саморегулятивным, творческим, трансцендентным способностям и способностям к саморазвитию [25; 26].

Духовность автор определяет как «стремление личности к реализации своих высших возможностей

(самореализации) и способностей, ведущих к: а) претворению в жизнь личных духовных идеалов исходя из высоких моральных принципов; б) достижению гармонии с собой, миром, “надмиром” (высшей реальностью) на основе осознания вечных, абсолютных ценностей; проявлению духовного Я в профессиональной и другой деятельности, а также в любом социальном взаимодействии; в) осознанию своей духовной природы и духовного измерения действительности...» [26, с. 78–79].

Таким образом, свобода как компонент сознания представлена в бытийном, рефлексивном, ценностном и духовном слоях. Бытийный слой создает основу для свободного (полнезависимого) действия-поступка человека в мире, рефлексивный слой добавляет осознанный контроль и самоуправление, ценностный слой наделяет личностным смыслом происходящее, а духовный интегрирует свободу в высших ее проявлениях: любовь, совесть, созидание.

Опираясь на позицию В.П. Зинченко и Г.В. Ожигановой о ведущей роли духовности в развитии сознания человека, мы рассматриваем *свободу* в нашем исследовании как компонент сознания человека, продукт и результат развития духовного, ценностного, рефлексивного и бытийного слоев сознания, состоящий в осознанном преодолении внешних и внутренних препятствий в ходе жизнеосуществления с целью самореализации и духовного самосовершенствования.

Сознание, в свою очередь, понимается, как целостная система, встроенная в метасистему — психику, — представляющая единый континуум с миром, позволяющая понимать, осмысливать и переживать происходящее.

Как видно из табл. 1, критерии свободы имеют свою специфику от бытийного к духовному слою при ведущем значении последнего. При этом духовная свобода как наиболее зрелое и полное воплощение свободы человека лишь условно отделена от свободы, представленной в других слоях сознания. Духовная свобода — скорее, не вершина, а неотъемлемая составляющая сознания, присущая человеку на разных возрастных этапах жизненного пути и регулирующая свободу на уровне ценностного, рефлексивного и бытийного слоев сознания, которые, в свою очередь, “подпитывают”, обогащают, дополняют духовный слой. И только в целостном взаимодействии каждого слоя сознания порождает свободу. Поэтому, говоря о структуре свободы, важно понимать как роль и значение каждого слоя сознания в развитии ее структурных компонентов, так и целостное содержание свободы в сознании, что недостаточно представлено

Таблица 1. Место свободы в структуре сознания человека

Слои сознания	Критерии сознания	Критерии свободы
Духовный	Я–ТЫ-отношения (представленность во мне других, представленность во мне меня). Осознание любви, совести, морали	Духовная свобода, творчество, созидание. Отношение к Человеку и к Миру
Ценностный	Самореализация и самосовершенствование. Со-значение — личное понимание и отношение к сообщаемому, мыслимому, называемому, к культурным благам	Личностные цели, ценности и смыслы
Рефлексивный	Смысл высказывания, поведения, деятельности, поступка. Осознанная рефлексия. Оценка своих возможностей, стремлений и актуальной ситуации. Ощущение полноты контроля, осознанный характер поведения, отчет в своих действиях	Выбор значений и смыслов. Свобода управления собой
Бытийный	Цифровизация сознания. Неосознанная фоновая рефлексия. Овладение культурными знаками, действиями, явлениями. Произвольные движения и действия. Образы, движения, действия в привычной повседневной жизни	Свободный поступок-действие. Выбор возможностей в пространстве культуры, пространстве общественных норм и правил. Выбор вариантов движений, действий, образов

в современных исследованиях. В имеющихся работах авторы рассматривают свободу преимущественно через перечисление различных сфер личности [7], индивидуально-психологических характеристик личности [6], уровней личностного опыта [34] и т.п., что лишь отчасти имеет отношение к структуре свободы, которая связана с развитием личностных структур, но не идентична им. Несмотря на значительный вклад работ Е.И. Кузьминой в понимание свободы и ее когнитивной, эмоциональной и деятельностной составляющих, современный этап развития психологического знания требует иного масштаба исследования феномена свободы — масштаба целостного духовного человека.

СТРУКТУРА СВОБОДЫ КАК КОМПОНЕНТА СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Говоря о содержании и структуре свободы в психологии, важно отдельно выделить два ее вида — внешнюю и внутреннюю.

Внешняя свобода — определяемый в большей мере бытийным, рефлексивным, ценностным, в меньшей мере духовным слоями сознания вид свободы, отражающий стремление следовать традициям, культурным, социальным, нравственным нормам и правилам, принятым в конкретном обществе, с целью самореализации и самоактуализации.

Внутренняя свобода — определяемый в большей мере духовным, ценностным и рефлексивным, в меньшей мере бытийным слоями сознания вид свободы, отражающий жизнеосуществление на основе объективных духовных ценностей и смыслов, творчества и созидания с целью духовного самосовершенствования и личностного роста.

В табл. 2 показано, что структурные составляющие внешней и внутренней свободы различны. Спецификой внешней свободы является приверженность внешним социальным нормам и правилам, культурным, национальным традициям, что определяет большую представленность внешней свободы в бытийном, рефлексивном и ценностном слоях. Внутренняя свобода, определяемая преимущественно духовностью и духовными ценностями, меньше представлена в бытийном слое сознания. Она детерминирована совестью, моралью, любовью к ближнему — вечными абсолютными ценностями, которые могут противоречить общепринятым общественным нормам. Внутренне свободный человек опирается на объективные духовные ценности, которые для него выше общественных, социальных, культурных, национальных, поэтому действует на основе внутреннего убеждения, а не под внешним влиянием, поступает по совести, а не как принято. При этом задействованы и духовный, и ценностный, и рефлексивный слои сознания, и частично бытийный, которые мобилируются во исполнение исконно человеческого предназначения — быть выше материальных благ, соблазнов, общественного осуждения и непонимания,

Таблица 2. Теоретическая модель структуры свободы как компонента сознания человека

Слои сознания	Внешняя свобода	Субъективное благополучие	Внутренняя свобода
Духовный	Нравственные нормы и правила	Переживание свободы	Духовность, творчество, созидание, зрелые отношения
Ценностный	Общественные, общечеловеческие ценности	Психологическое и социальное благополучие	Духовные ценности
Рефлексивный	Рефлексивность. Самостоятельность, самоуправляемость	Когнитивный аспект благополучия	Осознанность и осмысленность жизни. Жизнестойкость, выдержка, надежность и ответственность
Бытийный	Социальная идентичность. Социализация — овладение культурными, социальными нормами и правилами	Эмоциональный аспект благополучия	Самодостаточность, интернальность. Устойчивость жизненного мира
Результат реализации свободы	Самореализация и самоактуализация		Духовное самосовершенствование и личностный рост

жить по совести, в любви и созидании. Поэтому результатом внешней свободы будет самореализация и самоактуализация в конкретном обществе, в конкретных культурно-исторических условиях, результатом внутренней свободы — внутреннее духовное самосовершенствование и личностный рост.

Компонент “субъективное благополучие” выбран в качестве интегрального, присущего и внутренней, и внешней свободе. Мы опираемся на современные исследования отечественных и зарубежных авторов, демонстрирующие представленность субъективного благополучия во всех слоях сознания, триединство его эмоционального, когнитивного и социального аспектов [27; 36; 41; 45]. Проявляясь на разных уровнях сознания, эмоциональный, когнитивный и социальный аспекты благополучия являются показателями удовлетворенности человека той свободой, которую он имеет, показывают особенности ее переживания и проживания.

ВЫВОДЫ

Современная психологическая наука рассматривает сознание как интегративное качество, релевантное целостному человеку, в связи с чем требуются дополнительные исследования свободы как компонента сознания человека, соответствующие интегральному подходу, изучению психологии свободы в духовном контексте.

Среди различных подходов к рассмотрению сознания оптимальным для изучения места свободы в структуре сознания представляется подход В.П. Зинченко, выделяющего пять слоев сознания с приоритетной ролью духовного.

Свобода, являясь неотъемлемым компонентом сознания человека, состоящим в осознанном преодолении внешних и внутренних препятствий в ходе жизнеосуществления с целью саморазвития и духовного самосовершенствования, является результатом работы целостного сознания, развивается во всех его слоях одновременно и параллельно при ведущем значении духовного.

Мнения авторов о содержании свободы в каждом слое сознания различны. В исследованиях отечественных и зарубежных авторов свобода представлена преимущественно в рефлексивном слое, реже в бытийном, ценностном. Духовный слой и особенности проявления в нем свободы наиболее слабо изучены в психологии.

Структура внешней и внутренней свободы как компонента сознания различна и по-разному представлена в слоях сознания. Внешняя свобода, ориентированная на самореализацию и самоактуализацию, больше представлена в бытийном, рефлексивном и ценностном слоях сознания, внутренняя, ориентированная на духовное самосовершенствование и личностный рост, — в духовном, ценностном, рефлексивном слоях.

Теоретическая модель структуры свободы как компонента сознания человека может выступать основой изучения свободы в психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопов Г.В.* Категория сознания в современной психологии: избранные работы, опубликованные в 2003–2018 гг. Самара: Порто-принт, 2019.
2. *Акопов Г.В.* Сознание и время. Апология ментальности и поэтического сознания. 2-е изд. Самара: ВЕК 21, 2013.

3. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
4. *Андреев А.В.* Историческая динамика психологии свободы в духовности советского человека: опыт 1940 — начала 1990 гг. XX века // Психолог. 2017. № 3. С. 16–34.
5. *Апресян Р.Г.* Философско-этические установки психологического изучения совести. Часть II. Совесть в моральной философии // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 44–52.
6. *Балл Г.А.* Психология в радиогуманистической перспективе: Избранные работы. Киев: Основа, 2006.
7. *Белова А.С.* Проблема свободы в психологии: методический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 6–1. С. 129–133.
8. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.
9. *Борисова Н.В.* Отечественная психология как источник знаний о духовном потенциале человека // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 24–43.
10. *Завершнева Е.Ю.* Проблема свободы как отличительной характеристики человека в работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 89–106.
11. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. М.: “Канон+”; РООИ “Реабилитация”, 2017.
12. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
13. *Зинченко В.П.* От потока к структуре сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 3–36.
14. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
15. *Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 207–231.
16. *Зинченко В.П.* Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
17. *Знаков В.В.* Новые тенденции в исследовании психологии духовности // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 20–32.
18. *Карпов А.В.* Психология сознания: метасистемный подход / Общ. ред. А.В. Карпова. М.: Издательский дом Российской академии образования, 2011.
19. *Клочко В.Е.* Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 4. С. 20–35.
20. *Крылов А.А., Юсупов И.М.* Информационный взгляд на комплементарность сознания и духовности // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2016. № 5 (72). С. 210–220.
21. *Кузьмина Е.И.* Диалектическое единство свободы и ответственности // Мир образования — образование в мире. 2015. № 1. С. 111–123.
22. *Кузьмина Е.И.* Свобода творчества и детерминизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 1. С. 21–34.
23. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / Под общ. ред. А.Н. Леонтьева. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.
24. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики: монография / Под ред. В.Ф. Петренко, А.П. Супруна. М.: URSS, 2017.
25. *Ожиганова Г.В.* Адаптация опросника “Духовная личность” на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 160–176.
26. *Ожиганова Г.В.* Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Институт психологии РАН, 2016.
27. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.
28. *Патяева Е.Ю.* Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 160–193.
29. *Петровский В.А.* Активная неадаптивность или Человек над ситуацией // Методология психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В.П. Зинченко. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 305–362.
30. *Семенов В.Е.* Российское общество, полиментальность и социальное согласие // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 98–102.
31. *Семенов И.Н.* Развитие жизнедеятельности В.П. Зинченко и его психологии рефлексивного сознания и творческого акта // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 3. С. 5–11.
32. *Степанова Н.А.* Возрастные особенности психологической свободы личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 74–91.
33. *Степанова Н.А.* Особенности понимания психологической свободы личности в подростковом, старшем школьном и студенческом возрасте // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 1. С. 91–106.

34. *Шевельдина О.В.* Опыт исследования внутренней свободы и одиночества у молодых женщин // Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции “Состояние здоровья: медицинские, социальные и психологические аспекты”. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2017. С. 514–522.
35. *Apperly I.A.* What is “theory of mind”? Concepts, cognitive processes and individual differences // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2012. V. 65. № 5. P. 825–839.
36. *Diener E., Tay L.* A Scientific Review of the Remarkable Benefits of Happiness for Successful and Healthy Living // *Happiness: Transforming the Development Landscape*. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies and GNH, 2017. P. 90–117.
37. *Grubbs J.B., Wilt J., Stauner N. et al.* Self, struggle, and soul: Linking personality, self-concept, and religious/spiritual struggle // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 101. P. 144–152.
38. *Husain A., Anas M.* The manual of spiritual personality (Revised). Agra Psychological Research Cell: Agra, 2017.
39. *Husain A.* A new approach to defining applied spirituality // *Spirituality and positive psychology* / N. Sanyal. (Ed.). Kolkata, 2015. P. 351–370.
40. *MacDonald D.A., Friedman H.L., Brewczynski J., Holland D., Salagame K.K.K., Mohan K.K., Cheong H.W.* Spirituality as a scientific construct: Testing its universality across cultures and languages // *PLoS One*. 2015. V. 10. № 3. DOI: 10.1371/journal.pone.0117701
41. *O'Connor B.P., Crawford M.R., Holder M.D.* An Item Response Theory Analysis of the Subjective Happiness Scale // *Social Indicators Research*. 2015. V. 124. № 1. P. 249–258.
42. *Piedmont R.L., Toscano M.E.* Assessment of Spirituality and Religious Sentiments (ASPIRES) Scale. 2016. URL: <https://www.researchgate.net/publication/311769356> (date of access: 09.02.2022).
43. *Preston J.L., Shin F.* Spiritual experiences evoke awe through the small self in both religious and non-religious individuals // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2017. V. 70. P. 212–221.
44. *Roemer L., Williston S., Rollins L.* Mindfulness and Emotion Regulation // *Current Opinion in Psychology*. 2015. V. 3. P. 52–57.
45. *Vittersø J.* The Feeling of Excellent Functioning: Hedonic and Eudaimonic Emotions // *Handbook of Eudaimonic Well-Being* / J. Vittersø (Ed.). Cham: Springer, 2016. P. 253–276.

THEORETICAL MODEL OF THE STRUCTURE OF FREEDOM IN PSYCHOLOGY

N. A. Stepanova

*State Budget Educational Institution of the city of Moscow, Secondary School № 1360;
107564, Moscow, Krasnobogatyrskaya str., 21A, Russia.
PhD (Psychology), Educational Psychologist.
E-mail: natalia0663@yandex.ru*

Received 30.05.2022

Abstract. The modern stage of the development of psychological knowledge reveals new opportunities for a more complete consideration of the phenomenon of freedom in psychology, primarily by studying the spiritual dimension of consciousness. There are four layers of consciousness associated with the development of freedom: spiritual, value, reflexive, and existential. It is shown that most authors consider freedom mainly in the reflexive layer of consciousness, linking it with awareness, meaningfulness of life, self-management. There are fewer studies that affect the value layer of consciousness, where freedom is associated with the desire for self-realization, the choice of personal values and meanings; studies of the existential layer, where freedom is considered as a choice of opportunities in the space of culture, the space of social norms and rules. The article presents the approach of V.P. Zinchenko and G.V. Ozhiganova, who showed the importance of the spiritual layer of consciousness, its priority role in relation to the value, reflexive and existential layers. The spiritual layer of consciousness and the corresponding spiritual freedom are poorly studied in psychology, as are the types of freedom and its structural components. Freedom is understood by the author as a component of human consciousness, a product and result of the development of spiritual, value, reflexive and existential layers of consciousness, consisting in the conscious overcoming of external and internal obstacles in the course of life for the purpose of self-realization and spiritual self-improvement. Based on the theoretical analysis of the literature, the author's model of the structure of freedom as a component of human consciousness is proposed,

which describes the structure of two types of freedom: external and internal. The appearance of freedom is determined to a greater extent by the existential, reflexive, value-based, to a lesser extent spiritual layers of consciousness, aimed at self-realization and self-actualization. Interior view of freedom is determined to a greater extent by the spiritual, value and reflexive, to a lesser extent by the existential layer of consciousness, aimed at spiritual self-improvement and personal growth. The theoretical model of the structure of freedom as a component of human consciousness proposed by the author can serve as the basis for the study of freedom in psychology.

Keywords: freedom, consciousness, structure of freedom, external freedom, internal freedom, spirituality, self-realization, self-improvement.

REFERENCES

1. *Akopov G.V.* Kategoriya soznaniya v sovremennoj psihologii: izbrannye raboty, opublikovannye v 2003–2018 gg. Samara: Porto-print, 2019. (In Russian)
2. *Akopov G.V.* Soznanie i vremya. Apologiya mental'nosti i poeticheskogo soznaniya. 2-e izd. Samara: VEK 21, 2013. (In Russian)
3. *Allahverdiv V.M.* Soznanie kak paradoks. Saint Petersburg: DNK, 2000. (In Russian)
4. *Andreev A.V.* Istoricheskaya dinamika psihologii svobody v duhovnosti sovetskogo cheloveka: opyt 1940 — nachala 1990 gg. XX veka. Psiholog. 2017. № 3. P. 16–34. (In Russian)
5. *Apresyan R.G.* Filosofsko-eticheskie ustanovki psihologicheskogo izucheniya sovesti. Chast' II. Sovest' v moral'noj filosofii. Psihologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 3. P. 44–52. (In Russian)
6. *Ball G.A.* Psihologiya v raciogumanisticheskoy perspektive: Izbrannye raboty. Kiev: Osnova, 2006. (In Russian)
7. *Belova A.S.* Problema svobody v psihologii: metodicheskij aspekt. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2008. V. 10. № 6–1. P. 129–133. (In Russian)
8. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. Ed. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. 4-e izd. Saint Petersburg: Prjam-EVROZNAK, 2009. (In Russian)
9. *Borisova N.V.* Otechestvennaya psihologiya kak istochnik znaniy o duhovnom potenciale cheloveka. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2017. V. 2. № 1. P. 24–43. (In Russian)
10. *Zavershneva E.Yu.* Problema svobody kak otlichitel'noj karakteristiki cheloveka v rabotah L.S. Vygotskogo. Voprosy psihologii. 2015. № 5. P. 89–106. (In Russian)
11. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe. Eds. E. Zavershneva, R. van der Veer. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitaciya", 2017. (In Russian)
12. *Zinchenko V.P.* Miry soznaniya i struktura soznaniya. Voprosy psihologii. 1991. № 2. P. 15–36. (In Russian)
13. *Zinchenko V.P.* Ot potoka k strukture soznaniya. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2009. V. 6. № 2. P. 3–36. (In Russian)
14. *Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskij akt. Moscow: Ya-zyki slavyanskih kul'tur, 2010. (In Russian)
15. *Zinchenko V.P.* Soznanie kak predmet i delo psihologii. Metodologiya i istoriya psihologii. 2006. V. 1. № 1. P. 207–231. (In Russian)
16. *Zinchenko V.P.* Cennosti v strukture soznaniya. Voprosy filosofii. 2011. № 8. P. 85–97. (In Russian)
17. *Znakov V.V.* Novye tendencii v issledovanii psihologii duhovnosti. Voprosy psihologii. 2018. № 4. P. 20–32. (In Russian)
18. *Karpov A.V.* Psihologiya soznaniya: metasisistemnyj podhod. Ed. A.V. Karpov. Moscow: Izdatel'skij dom Rossijskoj akademii obrazovaniya, 2011. (In Russian)
19. *Klochko V.E.* Problema soznaniya v psihologii: postneklassicheskij rakurs. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2013. № 4. P. 20–35. (In Russian)
20. *Krylov A.A., Yusupov I.M.* Informacionnyj vzglyad na komplementarnost' soznaniya i duhovnosti. Social'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizaciya. 2016. № 5 (72). P. 210–220. (In Russian)
21. *Kuz'mina E.I.* Dialekticheskoe edinstvo svobody i otvetstvennosti. Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire. 2015. № 1. P. 111–123. (In Russian)
22. *Kuz'mina E.I.* Svoboda tvorchestva i determinizm. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2016. V. 5. № 1. P. 21–34. (In Russian)
23. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Ed. A.N. Leont'ev. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1977. (In Russian)
24. Metodologicheskie peresecheniya psihosemantiki soznaniya i kvantovoj fiziki: monografiya. Eds. V.F. Petrenko, A.P. Suprun. Moscow: URSS, 2017. (In Russian)
25. *Ozhiganova G.V.* Adaptaciya oprosnika "Duhovnaya lichnost'" na russkoyazychnoj vyborke. Eksperimental'naya psihologiya. 2019. V. 12. № 4. P. 160–176. (In Russian)
26. *Ozhiganova G.V.* Duhovnye sposobnosti kak resurs zhiznedeyatel'nosti. Moscow: Institut psihologii RAN, 2016. (In Russian)
27. *Osin E.N., Leont'ev D.A.* Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya:

- psihometricheskie harakteristiki i sravnitel'nyj analiz. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2020. № 1. P. 117–142. (In Russian)
28. *Patyaeva E. Yu.* Klassicheskoe, neklassicheskoe i postneklassicheskoe znanie v sovremennoj psihologii. Psihologicheskoe znanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Institut psihologii RAN, 2018. P. 160–193. (In Russian)
  29. *Petrovskij V.A.* Aktivnaya neadaptivnost' ili Chelovek nad situacijej. Metodologiya psihologii: problemy i perspektivy. Ed. V.P. Zinchenko. Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012. P. 305–362. (In Russian)
  30. *Semenov V.E.* Rossijskoe obshchestvo, polimental'nost' i social'noe soglasie. Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 4. P. 98–102. (In Russian)
  31. *Semenov I.N.* Razvitie zhiznedeyatel'nosti V.P. Zinchenko i ego psihologii refleksiruyushchego soznaniya i tvorcheskogo akta. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2011. V. 7. № 3. P. 5–11. (In Russian)
  32. *Stepanova N.A.* Vozrastnye osobennosti psihologicheskoy svobody lichnosti. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2018. № 4. P. 74–91. (In Russian)
  33. *Stepanova N.A.* Osobennosti ponimaniya psihologicheskoy svobody lichnosti v podrostkovom, staršem shkol'nom i studencheskom vozraste. Eksperimental'naya psihologiya. 2020. V. 13. № 1. P. 91–106. (In Russian)
  34. *Shevel'dina O.V.* Opyt issledovaniya vnutrennej svobody i odinochestva u molodyh zhenshchin. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii "Sostoyanie zdorov'ya: medicinskie, social'nye i psihologicheskie aspekty". Chita: Izd-vo Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. P. 514–522. (In Russian)
  35. *Apperly I.A.* What is "theory of mind"? Concepts, cognitive processes and individual differences. The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2012. V. 65. № 5. P. 825–839.
  36. *Diener E., Tay L.* A Scientific Review of the Remarkable Benefits of Happiness for Successful and Healthy Living. Happiness: Transforming the Development Landscape. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies and GNH, 2017. P. 90–117.
  37. *Grubbs J.B., Wilt J., Stauner N., Exline J.J., Pargament K.I.* Self, struggle, and soul: Linking personality, self-concept, and religious/spiritual struggle. Personality and Individual Differences. 2016. V. 101. P. 144–152.
  38. *Husain A.* A new approach to defining applied spirituality. Spirituality and positive psychology. Ed. N. Sanyal. Kolkata, 2015. P. 351–370.
  39. *Husain A., Anas M.* The manual of spiritual personality (Revised). Agra Psychological Research Cell: Agra, 2017.
  40. *MacDonald D.A., Friedman H.L., Brewczynski J. et al.* Spirituality as a scientific construct: Testing its universality across cultures and languages. PLoSOne. 2015. V. 10. № 3. DOI: 10.1371/journal.pone.0117701
  41. *O'Connor B.P., Crawford M.R., Holder M.D.* An Item Response Theory Analysis of the Subjective Happiness Scale. Social Indicators Research. 2015. V. 124. № 1. P. 249–258.
  42. *Piedmont R.L., Toscano M.E.* Assessment of Spirituality and Religious Sentiments (ASPIRES) Scale. 2016. URL: <https://www.researchgate.net/publication/311769356> (date of access: 09.02.2022).
  43. *Preston J.L., Shin F.* Spiritual experiences evoke awe through the small self in both religious and non-religious individuals. Journal of Experimental Social Psychology. 2017. V. 70. P. 212–221.
  44. *Roemer L., Williston S., Rollins L.* Mindfulness and Emotion Regulation. Current Opinion in Psychology. 2015. V. 3. P. 52–57.
  45. *Vittersø J.* The Feeling of Excellent Functioning: Hedonic and Eudaimonic Emotions. Handbook of Eudaimonic Well-Being. Ed. J. Vittersø. Cham: Springer, 2016. P. 253–276.

УДК 159.9.07

ТРОЛЛИНГ КАК ДЕСТРУКТИВНАЯ ОНЛАЙН-ПРАКТИКА: ПОДРОСТКИ И МОЛОДЕЖЬ В РОЛИ ЖЕРТВ, АГРЕССОРОВ И НАБЛЮДАТЕЛЕЙ¹

© 2022 г. Г. У. Солдатова^{1,2,*}, Е. И. Рассказова^{1,**}, С. В. Чигарькова^{1,2,***}

¹Московский государственный университет;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.

²Московский институт психоанализа;
121170, г. Москва, Кутузовский просп., д. 34/14, Россия.

*Академик РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии, заведующий кафедрой социальной психологии.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии.

E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

***Кандидат психологических наук, младший научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии, заместитель заведующего кафедрой социальной психологии.

E-mail: chigars@gmail.com

Поступила 21.05.2022

Аннотация. Подростки и молодежь как активные онлайн-пользователи сталкиваются с различными формами деструктивного поведения в сети, среди которых лидирует киберагрессия. Цель работы — выявление социально-психологических факторов столкновения подростков и молодых людей с троллингом, а также анализ (с учетом ролевой структуры ситуации) особенностей негативных проявлений цифровой социальности как результата накопления опыта социального взаимодействия онлайн. 1554 подростка 12–17 лет, 736 молодых людей 18–30 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет из восьми федеральных округов РФ оценивали свой опыт и возможную реакцию на столкновение с ситуацией троллинга, а также заполняли методики оценки пользовательской активности, соблюдения правил общения онлайн и офлайн, интернет-зависимости, личностных черт, толерантности, эмпатии, агрессивности. Результаты выявляют роль свидетеля троллинга как наиболее распространенную у подростков и молодежи, часто недооцениваемую со стороны родителей подростков. Более высокий риск столкновения с троллингом характерен для пользователей с более высокой цифровой активностью, особенно у подростков 12–13 лет. В качестве личностных характеристик, связанных с наблюдением за троллингом, выступают меньшая готовность соблюдать этикет при общении, меньшая толерантность и сознательность, большая агрессивность и нейротизм. Выбор роли “тролля” связан с более низким уровнем доброжелательности и толерантности и высоким уровнем агрессивности, а предпочтение активной просоциальной роли — с более высокими показателями эмпатии, толерантности, доброжелательности и готовности соблюдать правила общения онлайн и офлайн.

Ключевые слова: киберагрессия, подростки, молодежь, социальные роли, троллинг, толерантность, агрессивность, личностные черты.

DOI: 10.31857/S020595920022780-4

Коммуникация сегодня является одной из ключевых деятельностей подростков и молодежи онлайн, важной настолько, что можно говорить

об общении в смешанной реальности (в которой интернет-активность дополняет широкий спектр других деятельностей офлайн, включая работу и учебу), а не об отдельном коммуникативном пространстве [8]. Особую актуальность в этом контексте обретает проблема киберагрессии и ее места в процессе цифровой социализации — как по причине все более широкой ее распространенности

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-013-00857 “Социокультурные и личностные предикторы деструктивного и аутодеструктивного поведения в интернете у подростков и молодежи”.

в структуре онлайн-рисков, так и по причине ее частого совмещения с офлайн-агрессией [7; 11].

Одним из видов киберагрессии, получившим широкую известность за последние десять лет, стал троллинг (trolling) [24]. Формы троллингового поведения многообразны и постоянно претерпевают трансформацию [21; 27]. Понимание троллинга в научной среде неоднозначно [16]. С одной стороны, он может восприниматься как просоциальная практика на основании преследуемых целей: привлечение внимания к проблемам, обнажение социальных конфликтов, вызов существующим устоям, призыв к исправлению или обучение. С другой стороны, наиболее часто данный феномен анализируется как антисоциальный, направленный на причинение вреда, издевку, злоупотребление информацией, обман по отношению к другим пользователям сети.

В рамках деструктивных онлайн-практик троллинг может определяться как девиантное, злонамеренное или антисоциальное поведение в сети с целью нарушения коммуникации и нагнетания конфликта посредством провокационных сообщений [14; 18; 22]. В одних случаях троллинг может воплощаться в достаточно простых и грубых формах, в других — носить характер специфического изощренного искусства и мастерства [20]. Специфика троллинга зачастую выражается в отсутствии необходимости диалогической коммуникации, поскольку основной задачей тролля становится привлечение внимания для получения эмоционального отклика от окружающих [25; 28]. Среди психологических механизмов, лежащих в основе поведения тролля, исследователи выделяют психопатию [19], садизм [16; 19], энергетический вампиризм [2], ориентацию на социальное доминирование [15]. Для троллей характерен более низкий уровень доброжелательности, добросовестности, честности-смирения (фактор, добавленный к Большой пятёрке личностных черт в рамках модели HEXACO), более высокий уровень экстраверсии [17; 22]. Также есть данные, что для троллей присуще сочетание когнитивной эмпатии, дающей возможность предсказывать и распознавать эмоциональные переживания своих жертв, и выраженности показателей психопатии, которая позволяет манипулировать эмоциями жертв и при этом самим не испытывать негативные переживания [28].

Важным фокусом анализа троллинга, как и других ситуаций киберагрессии, является понимание его разветвленной ролевой структуры: агрессор-троль, жертвы, активные участники и сторонние свидетели. В процессе цифровой социализации подрастающее поколение, особенно сензитивное

к столкновению с киберагрессией, в том числе в роли наблюдателей [11], получает уникальный опыт, который может оказывать влияние на личностное развитие, формируя как просоциальные конструктивные, так и пассивные или деструктивные стратегии поведения не только в онлайн-пространстве, но и офлайн.

Статья представляет продолжение исследований разных видов киберагрессии [12; 13]. *Цель* — выявление социально-психологических факторов столкновения подростков и молодых людей с троллингом, а также анализ с учетом ролевой структуры данной ситуации особенностей негативных проявлений цифровой социальности как результата накопления опыта социального взаимодействия онлайн. Проверялись следующие гипотезы.

1. В ситуации троллинга “наблюдатель” будет доминирующей ролевой позицией для всех возрастных групп, причем по мере взросления такая позиция становится все более распространенной.

2. Представители всех возрастных групп, выбирающие просоциальные, агрессивные роли и роль наблюдателя в ситуации троллинга, различаются по личностным характеристикам, опыту столкновения с киберагрессией и особенностям использования Интернета.

3. По сравнению с наблюдателями ситуации троллинга, для пользователей, не имевших такого опыта, будут характерны более высокий уровень толерантности, меньшая агрессивность, более выраженная готовность соблюдать правила онлайн-общения.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Данные собирались в ходе интервью в 20 крупных городах России (2018 г.)². Выборка включила 1029 подростков в возрасте от 14 до 17 лет (15.47 ± 1.09 года), 525 подростков в возрасте от 12 до 13 лет (12.42 ± 0.58 года), 736 респондентов юношеского возраста от 17 до 30 лет (23.33 ± 3.90 года) и 1105 родителей подростков 12–17 лет (41.21 ± 5.63 года). Распределение по полу было практически равномерным в группах подростков и молодых людей (в группе подростков — 52.3% девочек и 47.7% мальчиков, в группе молодых людей — 59.2% девушек и 40.8% юношей);

² Авторы выражают благодарность коллегам, участвовавшим в сборе данных в Ростове-на-Дону, Волгограде, Казани, Кирове, Кемерово, Новосибирске, Магадане, Петропавловске-Камчатском, Хабаровске, Махачкале, Владикавказе, Санкт-Петербурге, Вологде, Москве, городах Московской области, Тюмени, Екатеринбурге.

в группе родителей большинство составляли матери (79.4%).

Респонденты заполняли следующие *методики*.

1. Опыт троллинга измерялся на основе метода виньеток, позволяющего на примере воссоздать социальный контекст ситуаций [3]. Респонденты читали описание следующей ситуации (как примера троллинга): “Соня ела в столовой суп. Коля ее сфотографировал и сделал из этого мем. Затем он опубликовал мем на странице группы класса в социальной сети. В комментариях несколько одноклассников стали обидно насмехаться, подкалывать и провоцировать Соню. Спустя несколько дней об этом все забыли”. После прочтения задавались вопросы о том, сталкивался ли человек с такой ситуацией и в какой роли (жертвы, насмешника, поддерживающего жертву или насмешника, наблюдателя). Родителей спрашивали, сталкивался ли, по их мнению, с такой ситуацией их ребенок и как, по их мнению, он реагировал.

2. Для оценки частоты пользовательской активности задавались два вопроса: “Сколько времени в среднем вы проводите в Интернете в будни/в выходные” (варианты ответа: меньше часа, 1–3 часа, 4–5 часов, 6–8 часов, 9–12 часов, больше 12 часов), показатели по которым усреднялись (α Кронбаха 0.79–0.85). Родители отвечали на эти вопросы дважды: о своей пользовательской активности и пользовательской активности их ребенка (α Кронбаха 0.62 у родителей подростков 12–13 лет и 0.66 — у родителей подростков 14–17 лет).

3. Склонность к чрезмерному использованию Интернета оценивалась при помощи теста интернет-зависимости С.-Х. Чен в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова [6].

4. Особенности общения онлайн оценивались при помощи вопросов о количестве друзей в социальных сетях и отношениях с ними (“Сколько у вас френдов в социальной сети?” и “Сколько человек из френдов вы знаете в реальной жизни?”, варианты ответов: “меньше 10”, “11–50”, “51–100”, ..., “более 500”), а также при помощи апробированных ранее [10] девяти пунктов — правил общения (например, “Будьте вежливы со своими собеседниками”). Респондентов просили оценить по шкале Лайкерта от 1 (“Никогда”) до 5 (“Постоянно”), в какой степени они соблюдают эти правила при общении офлайн и онлайн (α Кронбаха 0.80–0.88).

5. Для диагностики уровня эмпатии использовался мультифакторный опросник эмпатии М. Дэвиса [1].

6. Экспресс-опросник “Индекс толерантности” [9].

7. Опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри [5].

8. Короткий портретный опросник Большой пятерки [4].

Методики оценки интернет-зависимости, толерантности и эмпатии заполняли только подростки 14–17 лет, молодежь и родители.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ситуацию троллинга молодые люди и подростки попадают, как правило, как наблюдатели, причем группа максимального риска — старшие подростки 14–17 лет (см. рисунок). В обеих возрастных группах один подросток из десяти сталкивался с троллингом в роли жертвы: учитывая, что эта ситуация эмоционально значимая, такие показатели распространенности следует считать высокими. Среди взрослых молодых людей эта цифра почти в два раза ниже.

Однако, по всей видимости, просоциальная мотивация в подростковом возрасте велика и превышает таковую у взрослых: каждый пятый подросток отметил, что не оставался пассивным наблюдателем, а поддерживал жертву троллинга. Для сравнения: среди молодых людей лишь один человек из десяти принимает на себя роль поддерживающего.

Вполне ожидаемо, что социально неодобряемую роль тролля и в еще большей степени роль поддерживающих троллинг подростки выбирают и/или признают крайне редко. Тем не менее в возрасте 14–17 лет один подросток из десяти сознается, что участвовал в троллинге, поддерживая агрессора или выступая агрессором сам.

Родители недостаточно осведомлены о любом столкновении детей с троллингом, независимо от их роли, причем максимально они недооценивают столкновение с троллингом в роли наблюдателя и в роли поддерживающих жертву.

Во всех возрастных группах подростки и молодые люди, сталкивавшиеся с троллингом в роли наблюдателей, по сравнению с людьми, не сталкивавшимися с троллингом, больше времени проводят онлайн ($F = 10.16, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$), более склонны к интернет-зависимости ($F = 25.87, p < 0.01, \eta^2 = 0.02$), менее склонны соблюдать правила общения онлайн ($F = 13.09, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$) и офлайн ($F = 18.61, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$). У них более выражено расхождение между тем, насколько они следуют правилам вежливости онлайн по сравнению с офлайн ($F = 4.19, p < 0.05, \eta^2 = 0.01$), а также

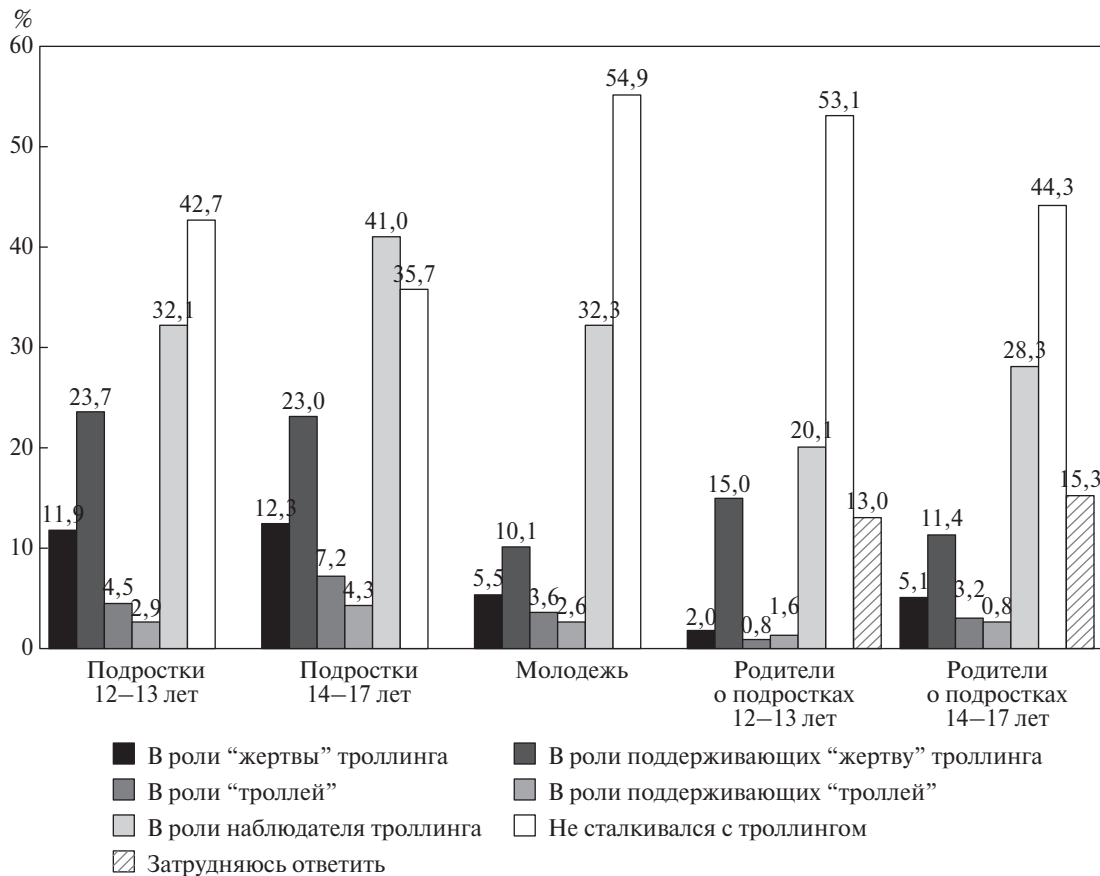

Рис. Участие в троллинге в разных социальных ролях, %

больше личных знакомых среди френдов ($F = 3.90$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$), хотя этот эффект наиболее характерен для юношеского возраста и не отмечается у подростков 12–13 лет (эффект взаимодействия: $F = 3.49$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$).

Для тех, кто наблюдал ситуации троллинга, по сравнению с теми, кто не сталкивался с ними, более характерны враждебность ($F = 7.95$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.01$), гнев ($F = 6.20$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$) и физическая агрессия ($F = 5.89$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$), а также более низкие показатели толерантности как декларируемой ценности ($F = 6.92$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.01$), которые более ярко выражены у подростков по сравнению с молодежью (эффект взаимодействия: $F = 5.68$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$).

В ситуации троллинга распространены активные роли, в первую очередь за счет выбора просоциальной роли: так, 317 подростков и молодых людей во всей выборке отметили, что поддерживали жертву, и лишь 84 человека — что выступали в роли насмешников онлайн. Дисперсионный анализ, направленный на сравнение активных ролей в ситуации троллинга с пассивной ролью наблюдателя, показывает, что показатели доброжелательности ($F = 12.75$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.03$), готовность соблюдать

правила общения офлайн ($F = 8.12$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$) и онлайн ($F = 10.34$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$), эмпатия ($F = 11.01$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.03$), включая децентрацию ($F = 5.79$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$), сопереживание ($F = 9.03$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$) и эмпатическую заботу ($F = 8.47$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$), а также индекс толерантности ($F = 4.05$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$), включая личностную толерантность ($F = 4.35$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$), максимальны у выбирающих просоциальную роль и минимальны у выбирающих агрессивную роль. Показатели сознательности минимальны у агрессоров и максимальны у выбирающих роль наблюдателя ($F = 6.67$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.01$). Склонность к интернет-зависимости ($F = 3.33$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$) и оценка опасности в разных сферах жизни ($F = 3.89$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$), особенно дома ($F = 5.85$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$), более выражены у выбирающих агрессивную роль по сравнению с просоциальной и нейтральной ролью.

Отметим, что среди подростков 12–13 лет те, у кого больше френдов (эффект взаимодействия: $F = 6.50$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$) и больше личных знакомых среди френдов (эффект взаимодействия: $F = 6.65$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.01$), чаще выбирают просоциальную роль при троллинге и реже остаются нейтральными или ведут себя агрессивно. При этом

к 14–17 годам личных друзей у агрессоров не меньше, чем у “помощников”, а в юношеском возрасте максимальное количество личных знакомых среди френдов достигают наблюдатели.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наблюдатель (свидетель) троллинга как ключевая роль онлайн. Полученные результаты подтверждают первую гипотезу: подростки и молодые люди хорошо знакомы с таким видом киберагрессии, как троллинг, в первую очередь с позиции наблюдателя, что соответствует данным исследований [23], а также полученным нами данным о другом виде киберагрессии — флейминге [13]. Предпочтение такой ролевой позиции в различных жизненных ситуациях может оцениваться как вполне продуктивный способ получения важного социального опыта, однако в ситуации агрессии может приводить к амбивалентным эффектам. С одной стороны, выбравший пассивную позицию пользователь не выступает напрямую провокатором дальнейшего распространения агрессии. С другой стороны, такое поведение не пресекается, а наоборот, молчаливое присутствие большой аудитории наблюдателей может восприниматься троллем как поощрение и одобрение своих действий, а жертвой — как подтверждение правомерности таких действий по отношению к ней, ощущению незащитности, одиночества, повышению фрустрации, особенно за счет ожидания возможного еще более широкого распространения информации о болезненной ситуации. Сам опыт наблюдения киберагрессии может приводить к снижению эмпатии и закреплению деструктивного поведения как новой нормы [23].

Социальные роли в ситуации троллинга. Как и в ситуации флейминга [13], с троллингом чаще сталкиваются люди с более выраженной пользовательской активностью и склонностью к интернет-зависимости, менее готовые соблюдать правила общения онлайн. В случае троллинга эта связь проявляется во всех возрастах. В отличие от флейминга, опыт наблюдения троллинга более характерен для тех, у кого больше личных знакомых среди френдов, чем можно объяснить тот факт, что троллинг нередко возникает в группе знакомых людей. Возможно также, что на понимание респондентами ситуации влияло содержание виньетки, где речь шла именно о знакомых людях.

Результаты сравнения пассивных наблюдателей и активных деятелей показывают картину, отличающуюся от ситуации флейминга [13], поскольку в ситуации троллинга просоциальная и агрессивная

роли более выражены. Однако и в этом случае, как и при флейминге, люди, выбирающие роль наблюдателей, оказываются “в середине” между агрессорами и “помощниками” по показателям доброжелательности, эмпатии и толерантности, а также готовности соблюдать правила общения. Отметим, что у них максимально выражены показатели сознательности: именно это, по всей видимости, является сдерживающим фактором к проявлению непосредственной реакции онлайн. Что касается выбирающих роль агрессора, ими чаще становятся те, кто считает жизнь в целом опасной, и особенно те, кто видит опасность даже дома, а также наиболее склонные к интернет-зависимости люди.

С нашей точки зрения, тот результат, что опыт наблюдения троллинга связан с меньшим количеством социально-психологических факторов по сравнению с флеймингом, в частности, он не связан с личностными особенностями и связан только с декларируемой толерантностью [13], говорит в пользу предположения о формировании особой цифровой социальности, определяемой деструктивным взаимодействием в сети, которая имеет свои нюансы. Если бы связь агрессии и толерантности с опытом деструктивных онлайн-ситуаций полностью объяснялась тем, что более агрессивные и менее толерантные подростки и молодые люди сами ищут деструктивный контент, было бы закономерно ожидать, что они предпочтут более агрессивный для жертвы контент (троллинг) менее агрессивному (флеймингу). В этом случае представлялось бы закономерным, что связи толерантности и агрессивности с опытом троллинга будут более выражены, чем с опытом флейминга. Но мы получили противоположные этим предположениям результаты. На наш взгляд, их можно объяснить следующим образом. Ситуация флейминга, в которой нет “правых” и “виноватых”, как распространенный опыт деструктивных социальных онлайн-взаимодействий, участником или свидетелем которых может стать любой пользователь сети, в большей степени сказывается на формировании представлений человека о допустимых нормах и правилах поведения в онлайн-пространствах. Напротив, если молодой человек попадает в ситуацию троллинга, выбор им социальной роли определяется его социально-психологическими особенностями в большей степени, чем в ситуации флейминга.

Важный результат мы получили при сравнении количества френдов и личных знакомых среди френдов у представителей разных возрастных групп, выбирающих разные роли в ситуации троллинга. На наш взгляд, он характеризует “успешность” той

или иной роли в разных возрастах. Можно предполагать, что в 12–13 лет более широкого круга друзей удастся достичь тем, кто занимает просоциальную позицию; к 14–17 годам агрессор становится не менее интересен другим людям, чем “помощник”. К юношескому возрасту наиболее широкий круг общения характерен для людей, занимающих нейтральные роли.

Родители недооценивают риск столкновения детей с ситуацией троллинга. Это характерно не только для оценки участия в качестве жертвы или агрессора, но даже в большей степени для ролей наблюдателей и поддерживающих троллинг. Следует подчеркнуть, что родители в большей степени затрудняются с оценкой реакции их ребенка в ситуации троллинга именно в тех случаях, когда она оказывается особенно эмоционально значимой для подростка [12]. Такой результат демонстрирует, что, вопреки важности, проблема киберагрессии попадает в “слепую зону” для большинства родителей. Это не позволяет полноценно обсуждать ее в семье, и эта тема получает как будто статус “табу” в общении по поводу онлайн-активности ребенка. Такое положение вызывает опасения, поскольку именно доверие и открытость в детско-родительских отношениях выступают важным предиктором снижения негативных последствий ситуаций киберагрессии и ее профилактики [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ролевом репертуаре в ситуации троллинга доминирующей оказывается позиция наблюдателя, приводящая к неоднозначным последствиям. Через эту наиболее доступную в сети позицию подрастающее поколение получает возможность “на условно безопасном расстоянии” осваивать навыки цифровой социальности в контексте деструктивных онлайн-практик. Анализ возрастных тенденций показывает, что в более старшем возрасте такая роль становится все более распространенной. Так, в процессе цифровой социализации происходят трансформация практик участия в ситуациях киберагрессии и освоение стратегий, например, через позицию наблюдателя, способствующих менее включенному столкновению с такими ситуациями, в том числе с троллингом.

Цифровая социальность в отличие от социальности офлайн, где с детства отрабатываются и приняты на групповом уровне механизмы социальной ответственности и регуляции агрессивного поведения, складывается главным образом на индивидуальном уровне. В условиях отсутствия сформированной позитивной культуры онлайн-

взаимодействия от подростков требуется больше усилий для саморегуляции и активных действий по поддержанию цифровой культуры, с чем они самостоятельно не всегда могут справиться. По мере взросления возрастание количества переходов в позицию наблюдателя можно рассматривать как один из способов совладания с ситуациями киберагрессии и как одну из особенностей актуальной цифровой социальности. В то же время именно присутствие множества наблюдателей в Интернете может приводить к экспоненциальному росту публичности киберагрессии, придавая социальным и психологическим последствиям больше веса, в том числе по сравнению с офлайн-ситуациями.

Еще одной особенностью цифровой социальности в контексте формирования ролевой структуры деструктивных онлайн-практик может выступать освоение наблюдателями пассивной позиции равнодушия и допустимости агрессии. При этом слабая осведомленность родителей о ситуациях киберагрессии не позволяет им выступать в качестве экспертов по негативным проявлениям цифровой социальности, продуцировать и передавать детям конструктивные стратегии поведения и совладания не только с троллингом, но и с другими видами деструктивного поведения в сети, вынуждая самостоятельно осваивать сложное культурное пространство и сталкиваться с различными сложностями в этом процессе.

Важно отметить, что опыт столкновения с ситуациями киберагрессии в роли наблюдателя может накладывать свой отпечаток на личностное развитие подростков и молодых людей в процессе социализации. В качестве подтверждения можно указать более высокий уровень толерантности и желания соблюдать традиционные правила в онлайн-общении, а также низкий уровень агрессивности у тех, кто не имел опыта столкновения с троллингом. Тем не менее нельзя не отметить, что второй по распространенности становится просоциальная роль поддерживающего жертву, характеризующаяся наиболее высокими показателями таких личностных характеристик, как доброжелательность, эмпатия, толерантность. Таким образом, в контексте распространенности киберагрессии формирующаяся цифровая социальность содержит и позитивные, и негативные векторы для развития подрастающего поколения. С одной стороны, это площадка для “выпускания пара”, для канализации враждебности, нетерпимости и грубости в общении, что способствует в том числе формированию новых агрессоров из ряда наблюдателей, с другой — пространство

для конструирования позитивных практик взаимопомощи и поддержки.

Выявленные характеристики цифровой социальности в ситуации троллинга позволяют предположить, что наиболее продуктивным путем практического воздействия на деструктивное поведение в сети являются не попытки внешнего контроля опыта столкновения с киберагрессией, а создание условий для обучения подростков как развитию саморегуляции в агрессивных онлайн-ситуациях, так и конструктивному поведению в рамках тех активных ролей, которые могут способствовать формированию позитивной культуры общения и препятствовать экспансии агрессии в Интернете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 223–227.
2. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмурдского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
3. Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 142–157.
4. Егорова М.С., Паршикова О.В. Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5–10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.12.2017).
5. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
6. Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.
7. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.
8. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
9. Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е., Шайгерова Л.А. Экспресс опросник “Индекс толерантности” // Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. С. 46–51.
10. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн: межпоколенческий анализ // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 73–84.
11. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
12. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 2. № 38. С. 3–20.
13. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Флейминг как вид киберагрессии: ролевая структура и особенности цифровой социальности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 87–96.
14. Bellmore A., Resnik F., Olson C., Calvin A., Brummer M. Trolls/Trolling // The International Encyclopedia of Media Literacy. 2019. P. 1–8.
15. Bentley L.A., Cowan D.G. The socially dominant troll: Acceptance attitudes towards trolling // Personality and Individual Differences. 2021. V. 173. P. 110628.
16. Buckels E.E., Trapnell P.D., Andjelovic T., Paulhus D.L. Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment // Journ. of Personality. 2019. V. 87. № 2. P. 328–340.
17. Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. Trolls just want to have fun. Personal // Individ. Differ. 2014. V. 67. P. 97–102.
18. Coles B.A., West M. Trolling the trolls: Online forum users constructions of the nature and properties of trolling // Comput. Hum. Behav. 2016. V. 60. P. 233–244.
19. Craker N., March E. The dark side of Facebook®: The dark tetrad, negative socialpotency, and trolling behaviours // Personality and Individual Differences. 2016. V. 102. P. 79–84.
20. Dynel M. “Trolling is not stupid”: Internet trolling as the art of deception serving entertainment // Intercultural Pragmatics. 2016. V. 13. № 3. P. 353–381.
21. Fichman P., Sanfilippo M.R. Online Trolling and Its Perpetrators: Under the Cyberbridge. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2016.
22. Gylfason H.F., Sveinsdottir A.H., Vesteinsdottir V., Sigurvinsdottir R. Haters Gonna Hate, Trolls Gonna Troll: The Personality Profile of a Facebook Troll // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. V. 18. P. 5722.
23. Machackova H., Dedkova L., Sevcikova A., Cerna A. Bystanders’ Supportive and Passive Responses to Cyberaggression // Journ. of School Violence. 2016. V. 17. № 1. P. 99–110.
24. Maltby J., Day L., Hatcher R M., Tazzyman S., Flowe H.D., Palmer E.J. et al. Implicit theories of online trolling: Evidence that attention-seeking conceptions are

- associated with increased psychological resilience // *British Journal of Psychology*. 2015. V. 107. № 3. P. 448–466.
25. *March E., Grieve R., Marrington J., Jonason P.K.* Trolling on Tinder® (and other dating apps): Examining the role of the dark tetrad and impulsivity // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 110. P. 139–143.
26. *Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F.* Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2019. № 93. P. 252–259.
27. *Phillips W.* This is why we can't have nice things: Mapping the relationship between online trolling and mainstream culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
28. *Sest N., March E.* Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 119. P. 69–72.

TROLLING AS A DESTRUCTIVE ONLINE PRACTICE: ADOLESCENTS AND YOUNG PEOPLE AS VICTIMS, AGGRESSORS AND BYSTANDERS³

G. U. Soldatova^{1,2,*}, E. I. Rasskazova^{1,**}, S. V. Chigarkova^{1,2,***}

¹*Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.*

²*Moscow Institute of Psychoanalysis;
121170, Moscow, Kutuzovsky prospect, 34/14, Russia.*

^{*}*Academician of RAO, ScD (Psychology), Professor of Personality Psychology Department,
Head of the Social Psychology Department.*

E-mail: soldatova.galina@gmail.com.

^{**}*PhD (Psychology), Associate Professor of Clinical Psychology Department.*

E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com.

^{***}*Junior Researcher of Personality Psychology Department, Deputy Head of the Social Psychology Department.*

E-mail: chigars@gmail.com.

Received 21.05.2022

Abstract. Adolescents and young people, as active online users, face various forms of destructive online behavior, among which cyberaggression dominates. The widespread use of cyberaggression as a negative manifestation of digital sociality determines the interest of psychologists to study its various forms. Yet there is a lack of research on even the most common manifestations of online aggression, particularly trolling, which is an emotionally significant online practice for the younger generation. The aim is to identify the socio-psychological factors of adolescents and young people encountering trolling and to analyze, taking into account the role structure of this situation, the features of negative manifestations of digital sociality as a result of the experience of social interaction online. 1554 adolescents aged 12–17, 736 young people aged 18–30, and 1105 parents of adolescents aged 12–17 from 8 federal districts of Russia evaluated their experiences and possible reactions to trolling and also completed questionnaires measuring user activity, compliance with online and offline communication rules, Internet addiction, personality traits, tolerance, empathy, aggressiveness. Survey results reveal the role of trolling witness as the most common among adolescents and young adults, often underestimated by parents of adolescents. A higher risk of encountering trolling is typical for users with higher digital activity, especially for adolescents aged 12–13. The personal characteristics associated with trolling are less willingness to observe communication etiquette, less tolerance and conscientiousness, more aggressiveness and neuroticism. The choice of the “troll” role was associated with lower levels of agreeableness and tolerance and higher levels of aggressiveness, while the preference for an active prosocial role was associated with higher levels of empathy, tolerance, agreeableness and willingness to comply with online and offline communication.

Keywords. cyberaggression, adolescents, youth, social roles, trolling, aggression, tolerance, personality.

³ Research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project No. 20-013-00857 “Socio-cultural and personal predictors of destructive and self-destructive behavior on the Internet in adolescents and youth”.

REFERENCES

1. *Budagovskaya N.A., Dubrovskaya S.V., Karyagina T.D.* Adaptaciya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisa. Konsul'tacionnaya psihologiya i psihoterapiya. 2013. № 1. P. 223–227. (In Russian)
2. *Vnebrachnyh R.A.* Trolling kak forma social'noï agressii v virtual'nyh soobshchestvah. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Psihologiya. Pedagogika. 2012. № 1. P. 48–51. (In Russian)
3. *Grigoryan L.K., Gorinova E.V.* Faktornyj opros: preimushchestva, oblast' primeneniya, prakticheskie rekomendacii. Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2016. V. 7. № 2. P. 142–157. (In Russian)
4. *Egorova M.S., Parshikova O.V.* Psihometricheskie harakteristiki Korotkogo portretnogo oprosnika Bol'shoj pyaterki (B5–10). Psihologicheskie issledovaniya. 2016. V. 9. № 45. P. 9. URL: <http://psystudy.ru> (In Russian)
5. *Enikolopov S.N., Cibul'skij N.P.* Psihometricheskij analiz russkoyazychnoj versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri. Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 1. P. 115–124. (In Russian)
6. *Malygin V.L., Feklisov K.A., Iskandirova A.S., Antonenko A.A., Smirnova E.A., Homeriki N.S.* Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki. Uchebnoe posobie. Moscow: MGMSU, 2011. (In Russian)
7. *Soldatova G.U.* Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. Social Psychology and Society. 2018. V. 9. № 3. P. 71–80. (In Russian)
8. *Soldatova G.U., Vojskunskij A.E.* Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. V. 18. № 3. P. 431–450. (In Russian)
9. *Soldatova G.U., Kravcova O.A., Huhlaev O.E., Shajgerova L.A.* Ekspres oprosnik "Indeks tolerantnosti". Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti. Eds. G.U. Soldatova, L.A. Shajgerova. Moscow: Smysl, 2008. P. 46–51. (In Russian)
10. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I.* Following communication rules online and offline: intergenerational analysis. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 4. P. 73–84. (In Russian)
11. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A.* Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'. Moscow: Smysl, 2017. (In Russian)
12. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V.* Types of cyberaggression: adolescents and youth experience. National Psychological Journal. 2020. V. 2. № 38. P. 3–20. (In Russian)
13. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V.* Flaming as a type of cyberaggression: the role structure and features of digital sociality. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 87–96. (In Russian)
14. *Bellmore A., Resnik F., Olson C., Calvin A., Brummer M.* Trolls/Trolling. The International Encyclopedia of Media Literacy. 2019. P. 1–8.
15. *Bentley L.A., Cowan D.G.* The socially dominant troll: Acceptance attitudes towards trolling. Personality and Individual Differences. 2021. V. 173. P. 110628.
16. *Buckels E.E., Trapnell P.D., Andjelovic T., Paulhus D.L.* Internet trolling and everyday sadism: Parallel effects on pain perception and moral judgment. Journ. of Personality. 2019. V. 87. № 2. P. 328–340.
17. *Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L.* Trolls just want to have fun. Personal. Individ. Differ. 2014. V. 67. P. 97–102.
18. *Coles B.A., West M.* Trolling the trolls: Online forum users constructions of the nature and properties of trolling. Comput. Hum. Behav. 2016. V. 60. P. 233–244.
19. *Craker N., March E.* The dark side of Facebook®: The dark tetrad, negative socialpotency, and trolling behaviours. Personality and Individual Differences. 2016. V. 102. P. 79–84.
20. *Dynel M.* "Trolling is not stupid": Internet trolling as the art of deception serving entertainment. Intercultural Pragmatics. 2016. V. 13. № 3. P. 353–381.
21. *Fichman P., Sanfilippo M.R.* Online Trolling and Its Perpetrators: Under the Cyberbridge. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2016.
22. *Gylfason H.F., Sveinsdottir A.H., Vésteinsdóttir V., Sigurvinsdóttir R.* Haters Gonna Hate, Trolls Gonna Troll: The Personality Profile of a Facebook Troll. Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. V. 18. P. 5722.
23. *Machackova H., Dedkova L., Sevcikova A., Cerna A.* Bystanders' Supportive and Passive Responses to Cyberaggression. Journ. of School Violence. 2016. V. 17. № 1. P. 99–110.
24. *Maltby J., Day L., Hatcher R M., Tazzyman S., Flowe H.D., Palmer E.J. et al.* Implicit theories of online trolling: Evidence that attention-seeking conceptions are associated with increased psychological resilience. British Journal of Psychology. 2015. V. 107. № 3. P. 448–466.
25. *March E., Grieve R., Marrington J., Jonason P.K.* Trolling on Tinder® (and other dating apps): Examining the role of the dark tetrad and impulsivity. Personality and Individual Differences. 2017. V. 110. P. 139–143.
26. *Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F.* Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents. Computers in Human Behavior. 2019. № 93. P. 252–259.
27. *Phillips W.* This is why we can't have nice things: Mapping the relationship between online trolling and mainstream culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
28. *Sest N., March E.* Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. Personality and Individual Differences. 2017. V. 119. P. 69–72.

УДК 159.9.07

СВЯЗЬ ПРАВИЛА КАТЕГОРИЗАЦИИ С КАТЕГОРИАЛЬНЫМ ЗРИТЕЛЬНЫМ ПОИСКОМ¹

© 2022 г. А. К. Ляшенко^{1,*}, Е. С. Лукьянов^{2,**}, А. А. Котов^{1,***}

¹Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”.
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

²Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова,
Россия, 117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1.

* Стажер-исследователь.

E-mail: aklyashenko@hse.ru

** Младший научный сотрудник.

E-mail: nialuk@rambler.ru

*** Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник.

E-mail: akotov@hse.ru

Поступила 22.03.2022

Аннотация. Одной из задач современных теорий категоризации является поиск когнитивных функций, связанных с категориальным научением. Проведенное за рубежом исследование продемонстрировало связь между зрительным поиском и научением континуальной категории (категориальной репрезентацией): успешность зрительного поиска на основе категориальных правил с одним признаком не менялась с увеличением количества дистракторов, но снижалась в случае категориальных правил с интеграцией признаков. Целью настоящего исследования было выявление связей между успешностью зрительного поиска и научением дискретным категориям, чтобы проверить ранее полученный эффект на другом типе категорий — вербальных правилах (эксплицитный тип) и прототипах (имплицитный тип). Предполагалось, что, поскольку репрезентация в случае прототипов будет обладать более низким уровнем осознания, успешность (поддержка) зрительного поиска на ее основе будет ниже, чем при формировании вербальных правил. Участники исследования ($N = 121$) выполняли задание на научение новой искусственной категории, принадлежащей к одному из двух типов правил, и сразу после этого выполняли задание на категориальный зрительный поиск, в котором поиск целевого объекта задавался названием категории. Мы обнаружили, что после научения вербальному правилу, а также прототипу успешность зрительного поиска не снижалась с увеличением количества дистракторов. Также мы обнаружили, что чем выше уровень успешности научения новой категории, тем более эффективным был зрительный поиск вне зависимости от типа правила. Таким образом, мы впервые показали, что зрительный поиск может поддерживаться разными типами категорий, как эксплицитными, так и имплицитными. Мы объясняем настоящие результаты и их отличие от результатов предыдущего исследования тем, что категории, основанные на дискретных признаках (в отличие от континуальных), позволяют создавать более прочные репрезентации, которые легче использовать в таких некатегориальных заданиях, как зрительный поиск.

Ключевые слова: категориальный зрительный поиск, категориальное научение, репрезентация, правила категоризации, прототип, имплицитные категории.

DOI: 10.31857/S020595920021476-9

Категоризация и категориальное научение — базовые когнитивные функции, позволяющие фокусироваться на релевантных свойствах объекта при действиях с ним или определять эти свойства, если такого знания не было в предыдущем опыте. Знание правила категоризации влияет на работу

других когнитивных функций: определяет успешность запоминания и распознавания информации [4], помогает в установлении связи между объектом и его названием в ходе развития речи [9], ускоряет перенос решения о принадлежности к категории в новом контексте и увеличивает внимание к важной контекстной информации [1]. Данные когнитивные функции являются частью так называемых систем научения — более крупных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00698.

когнитивных и нейробиологических систем, связанных с формированием адаптивного поведения и его реализацией [2; 3]. Одной из задач современных теорий категоризации является поиск других когнитивных функций, связанных с категориальным научением. В частности, недавно было обнаружено, что знание отдельных типов правил категоризации связано с эффективностью зрительного поиска объектов, относимых к этому правилу [6].

Первым исследованием, объединившим парадигмы категориального научения и зрительного поиска, было исследование Дж. Смита и коллег [13], в котором они предложили участникам после формирования категории выполнить задачу на зрительный поиск: нужно было искать среди набора изображений, который варьировался по количеству дистракторов, то изображение, которое относилось к нужной категории. В результате было обнаружено, что даже с небольшим количеством дистракторов успешность зрительного поиска фактически снижалась до уровня случайных ответов. Эти результаты интерпретировались авторами этого и последующих исследований [5] как то, что категориальная репрезентация дает незначительную поддержку для выполнения зрительного поиска.

Согласно недавнему исследованию С. Элье и коллег [6], обнаруженные ранее ограничения обусловлены не категориальной репрезентацией как таковой, а типом сформированного правила категоризации. Авторы первого исследования использовали в качестве обучения традиционную для того времени задачу (*dot-distortion paradigm* — создание прототипа для паттерна из точек) и были, таким образом, ограничены лишь одним типом правила категоризации. В исследовании С. Элье и коллег [6] был использован другой материал, так называемые решетки Габора, состоящие из двух континуальных признаков — ширины полос и их наклона. Авторы создали наборы примеров с двумя разными правилами, соответствующими разным категориальным репрезентациям: для научения дизъюнктивному правилу нужно обращать внимание на значение одного из двух признаков (ширина полос или угол наклона), а для научения другому правилу (правилу интеграции признаков) — на оба признака одновременно (т.е. корреляцию их значений: чем больше угол наклона, тем больше ширина полос). Различие между правилами определяется прежде всего когнитивными функциями, необходимыми для их вывода: для первого типа правила (с одним признаком) требуется произвольное внимание, а для второго (с несколькими признаками) нет [12]. После научения участники выполняли задачу на категориальный зрительный

поиск. В результате авторы обнаружили, что научение правилам с одним признаком приводило к успешному зрительному поиску: успешность в пробах с наличием цели и ее отсутствием (ряд примеров содержал или не содержал пример категории, который нужно было найти) была очень высокой и не снижалась с увеличением количества дистракторов. Научение правилам с корреляцией значений приводило к значительно менее успешному выполнению зрительного поиска, и, кроме того, в пробах с отсутствием цели успешность значительно снижалась с увеличением количества дистракторов. Категориальная репрезентация таких правил значительно меньше поддерживала зрительный поиск: даже при трех дистракторах его эффективность падала (коллапсировала) до уровня случайных ответов. Авторы объясняют свои результаты тем, что в случае правил с одним признаком создается более прочная, обобщенная и легко переносимая на новые примеры и другие некатегориальные задания репрезентация, чем в случае правил с корреляцией признаков. Таким образом, данное исследование впервые показало, что категориальное знание в отдельных случаях используется для выполнения зрительного поиска и разные типы категорий по-разному с этим связаны. В настоящем исследовании мы решили проверить данный эффект на другом материале, а также других правилах категоризации.

В нейробиологической теории множественных систем научения [2; 10; 12] выделяются два типа, или две широкие группы, правил: вербальные и имплицитные. Вербальные правила категоризации разделяют группы примеров по небольшому — одному или двум — числу признаков. Имплицитные правила категоризации построены на основе интеграции значений неограниченного количества признаков. В более поздних и когнитивных версиях теории множественных систем научения, например в теории В. Слущкого [12], разница в системах научения разным типам правил категоризации определяется разницей в фокусе внимания: вербальные правила в теории В. Слущкого называются статистически-неплотными категориями, которые требуют фокусировки внимания на отдельных признаках и его управления в рабочей памяти для проверки гипотез. Имплицитные правила, или статистически-плотные категории, связаны с распределением внимания по многим признакам, они, как считает В. Слущкий, не задействуют ресурсы произвольного внимания и рабочей памяти. К первому типу категорий могут относиться правила, основанные как на низкоуровневых признаках (перцептивные свойства в решетках Габора), так и на любых высокоуровневых. К ним могут

относиться, например, лексические категории, в примерах которых можно выделить отдельные части (например, категоризация птиц по цвету оперения). К второму типу категорий могут относиться также разные виды обобщений, например прототипы. Прототипы, как и правила с интеграцией значений признаков, также требуют распределения внимания на множество значений признаков, но их репрезентация лежит в основе многих естественных категорий. Разница между системами научения, как подчеркивает модель В. Слущкого, важна и в онтогенетическом плане: в первые годы жизни ребенка категоризация и создание новых категорий строятся на имплицитных категориях (преимущественно в виде прототипов), не требующих управления вниманием и его фокусировки, а позднее к ней добавляются категории, которые этого требуют.

Материал, который использовали С. Элье и коллеги [6], — решетки Габора — популярен в психофизических и нейробиологических исследованиях, где признаки не должны иметь сложную визуальную форму или вносить дополнительную семантическую информацию. Правила категоризации, сформированные на таком материале, очень трудно осознаются и переводятся в вербальную форму. А именно речь может выступать средством, позволяющим произвольному вниманию осуществлять перенос категориальной информации в решение задачи зрительного поиска. Кроме того, стимулы, состоящие из визуально сложных, континуальных признаков, не позволяют формировать в ходе научения очень важные виды других имплицитных категорий, например лежащих в основе естественных категорий человека — прототипов. В связи с этим мы решили использовать другой материал, примеры в котором различаются по дискретным признакам и позволяют создавать объектные категории с более устойчивыми репрезентациями. Мы использовали материал (рис. 1), разработанный ранее с целью создания искусственных категорий с разной структурой правил и признаками, имеющими одинаковую перцептивную различимость [11].

Изменив материал с двух континуальных признаков (решетки Габора) на пять дискретных (изображения рыб), мы создали два набора примеров с дискретными признаками для научения разным типам категорий: 1) на основе вербального правила (одно значение релевантного признака) и 2) на основе прототипа (часто предъявляемые значения нескольких признаков). Созданные нами разные типы категорий — вербальные правила и прототипы — имеют также, как и правила

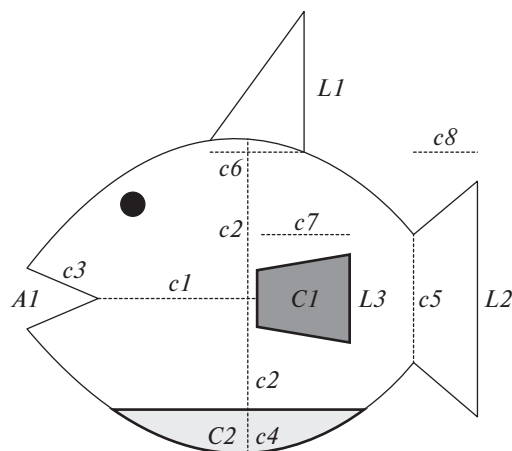

Рис. 1. Основа для стимульного материала [11]. Заглавные буквы обозначают части, которые авторы настоящего исследования использовали в качестве признаков категорий

в эксперименте С. Элье и коллег [6], разный уровень их осознания (вербальные правила могут осознаваться участником научения, а прототипы нет); а также разный вклад когнитивных функций — произвольное внимание и рабочая память участвуют в создании вербальных правил, но не в создании прототипов [12].

Согласно нашей гипотезе, наличие любой категориальной репрезентации в виде вербальных правил и прототипов будет поддерживать зрительный поиск: при любом количестве дистракторов он будет выше уровня случайных ответов. Однако, поскольку репрезентация в случае прототипов будет обладать более низким уровнем осознания, успешность (поддержка) зрительного поиска на ее основе должна быть ниже, чем при формировании вербальных правил. Таким образом, сравнивая наши предположения и результаты эксперимента С. Элье и коллег [6], мы ожидаем, что различия между разными типами категорий будут заключаться только в степени поддержки зрительного поиска без коллапса его успешности в обоих случаях.

МЕТОДИКА

Участники. Всего в исследовании принял участие 121 студент начальных курсов НИУ ВШЭ. В группу, которая формировала в ходе научения прототипы, вошло 45 человек, а в группу, которая формировала вербальные правила, — 76 человек. Позже из анализа были исключены участники, не достигшие порога обучения: средний уровень успешности во всех блоках научения должен был быть выше 60%. Уровень успешности был установлен произвольно, на 10% выше уровня случайных ответов. После исключения участников, не достигших

данного уровня, в группе, которая формировала прототипы, осталось 38 участников (28 женщин, 10 мужчин, от 18 до 24 лет, $Me = 19$), а в группе, которая формировала вербальные правила, — 48 участников (29 женщин, 19 мужчин, от 18 до 25 лет, $Me = 19$).

Материал. Примеры категорий для этапов научения и зрительного поиска (см. рис. 2) были созданы с помощью скрипта для генерации изображений в Matlab [11]. В нашем исследовании мы использовали такие категориальные признаки, как *L1* (длинный или короткий спинной плавник), *L2* (широкий или узкий хвостовой плавник), *C1* (желтый или голубой плавник), *C2* (зеленое или красное брюшко) и *A1* (большой или малый угол раскрытия рта). Прототипы для категорий *A* и *B* представлены на рис. 2.

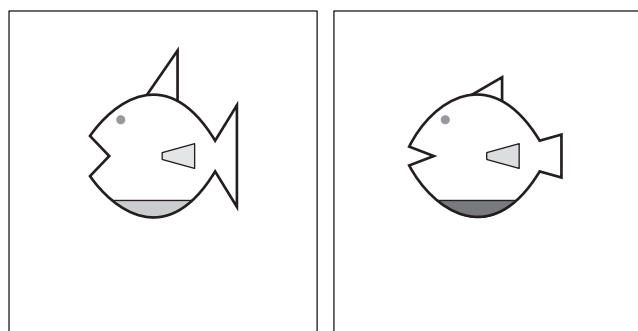

Рис. 2. Прототип категории *A* (слева) и *B* (справа)

Структура категорий для научения вербальному правилу и прототипу представлена в табл. 1: структура для категории с вербальным правилом содержит в качестве релевантного признака уровень раскрытия рта (признак *A1*: значение 1 — категория *A*, значение 0 — категория *B*). Для контроля эффекта материала для половины участников в качестве релевантного признака использовался уровень раскрытия рта, а для другой половины — ширина

хвостового плавника (*L2*). Выбор этих признаков, основанных на размере, а не цвете, был продиктован тем, что в пилотажной выборке многие участники отчитывались о том, что даже в условии научения прототипам они выделяли для себя признаки, связанные с цветом, а это могло усилить использование ими стратегии ориентации на один признак (см. раздел “Обсуждение результатов”). Кроме того, признаки, основанные на цвете, было легче вербализовать, что также могло повлиять на успешность научения вербальным правилам.

В условии с научением вербальному правилу лишь нахождение релевантного признака позволяло участникам достичь максимальной успешности категоризации. В условии с научением прототипу принадлежность к категории определялась четырьмя значениями по любым из пяти признаков.

Процедура. Процедура исследования включала прохождение каждым участником двух последовательных этапов — этапа научения и этапа категориального зрительного поиска. Все задания предъявлялись на ноутбуках, предъявление и измерение ответов обеспечивались программой PsychoPy 3 [8].

Категориальное научение. Задача на научение новой категории представляла собой классический вариант задания на категоризацию с обратной связью и сходна с таковой в эксперименте С. Элье и коллег [6]. В каждой пробе участнику предъявлялось изображение, относящееся либо к категории *A*, либо к категории *B*. Согласно инструкции, участники должны были нажать на клавиатуре стрелку “влево”, если они считали, что изображение относится к категории *A*, и стрелку “вправо” — если к *B*. У участников было 10 с на ответ. После ответа или по окончании времени на ответ изображение пропадало и на экране появлялась надпись “Правильно!” или “Неправильно!” в зависимости от того, верно ли участник определил категорию. Изображения предъявлялись в случайном порядке.

Таблица 1. Структура категорий

№	Категория <i>A</i>					Категория <i>B</i>				
	<i>L1</i>	<i>L2</i>	<i>C1</i>	<i>C2</i>	<i>A1</i>	<i>L1</i>	<i>L2</i>	<i>C1</i>	<i>C2</i>	<i>A1</i>
<i>Вербальное правило</i>										
1	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0
2	1	0	1	1	1	0	1	0	0	0
3	1	1	0	1	1	0	0	1	0	0
4	1	1	1	0	1	0	0	0	1	0
<i>Прототип</i>										
1	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0
2	1	0	1	1	1	0	1	0	0	0
3	1	1	0	1	1	0	0	1	0	0
4	1	1	1	0	1	0	0	0	1	0
5	1	1	1	1	0	0	0	0	0	1

В условии с научением вербальному правилу весь набор изображений (8 изображений) предъявлялся 10 раз. В условии с научением имплицитному правилу весь набор (10 изображений) предъявлялся 15 раз. Разница в количестве блоков обусловлена тем, что научение вербальным правилам происходит быстрее, чем научение прототипам. Увеличение количества блоков научения позволило уравнять итоговый уровень успешности научения для каждого типа категорий. В исследовании С. Элье и коллег [6] не применялось выравнивание условий по уровню успешности научения.

Категориальный зрительный поиск. Сразу после формирования категории каждый участник выполнял задание на категориальный зрительный поиск. В каждой пробе в центре экрана предъявлялись изображения от одной до четырех рыб (рис. 3).

Видите ли вы изображение
из категории А?

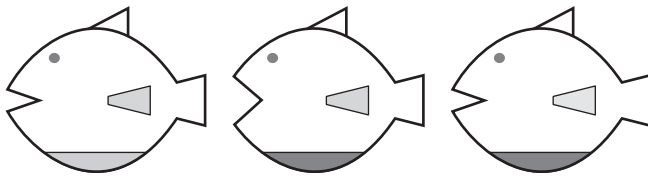

Рис. 3. Пример задачи на категориальный зрительный поиск

Вместе с изображениями сверху экрана появлялся вопрос: в половине случаев это был вопрос “Видите ли вы изображение из категории А?”, а в другой половине — “Видите ли вы изображение из категории В?”. Категория, указанная в вопросе, была целевой для данной пробы. Среди изображений на экране в половине случаев присутствовало одно изображение из целевой категории, тогда как все остальные относились к нецелевой, а в другой половине случаев все изображения относились к нецелевой категории. Согласно инструкции, участники должны были нажать на стрелку “вверх” на клавиатуре, если они считают, что на вопрос на экране нужно ответить “да”, и стрелку “вниз”, если они считают, что нужно ответить “нет”. Смена клавиш для ответа в пробах с научением и зрительным поиском была необходима для того, чтобы избежать интерференции со стороны моторного ответа, возможного в случае имплицитного научения [5]. У участников было 15 с на ответ. Всего на этапе зрительного поиска было 192 пробы (96 проб с целевым объектом и 96 без него).

Экспериментальный дизайн соответствовал смешанному факторному плану. Независимыми переменными выступали межсубъектная переменная “тип правила”, а также внутрисубъектные

переменные: “количество примеров” (количество изображений рыб, предъявлявшихся на экране в ходе категориального зрительного поиска, среди которых искалась та рыба, которая относится к целевой категории) и “тип пробы” (пробы в ходе категориального зрительного поиска, содержавшие (целевые) и не содержавшие (нецелевые) изображения рыб из целевой категории). Зависимыми переменными были средняя успешность в каждом блоке на этапе научения и успешность зрительного поиска. Экспериментальные материалы и результаты доступны по ссылке <https://osf.io/cxzjy>.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Успешность категориального научения. Для каждого участника на этапе научения новому категориальному правилу рассчитывалось среднее количество правильных ответов в каждом блоке научения. Однофакторный дисперсионный анализ (*ANOVA*) показал, что успешность научения значительно увеличивалась к концу научения (рис. 4) как у тех участников, которые формировали прототип ($F(38) = 11.9, p < 0.001$), так и у тех, которые формировали вербальное правило ($F(48) = 16.4, p < 0.001$). Как видно на графике, успешность в двух выборках участников была схожа в первом блоке приблизительно на уровне случайных ответов (0.5). При этом средняя успешность по всем блокам научения составила $M = 0.76, SD = 0.16$ для научения прототипу и $M = 0.78, SD = 0.21$ для научения вербальному правилу. Данное различие было незначимым, хотя и на уровне статистической тенденции ($t(88) = 1.18, p = 0.07$). Таким образом, различий в успешности научения разным типам правил перед выполнением задачи зрительного поиска не было обнаружено. При научении вербальным правилам успешность научения не различалась в зависимости от признака — уровня раскрытия рта или ширины хвостового плавника ($t(46) = 0.94, p = 0.17$).

Успешность зрительного поиска. На данном этапе сравнивалась успешность зрительного поиска в зависимости от типа правила, количества примеров в зрительном поиске и типа пробы (с наличием или отсутствием примера, соответствующего целевой категории). Количество правильных ответов было вычислено для каждого участника отдельно для двух типов проб (целевых и нецелевых) и для проб с разным числом дистракторов (примеров, не соответствующих целевой категории, от одного до четырех). В табл. 2 представлены результаты дисперсионного анализа (*ANOVA*).

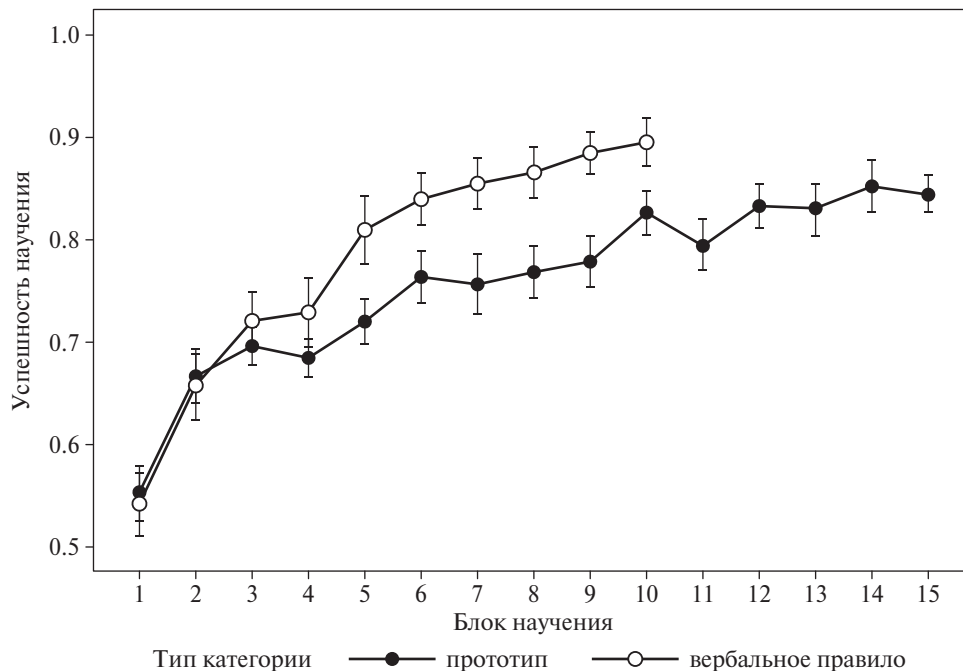

Рис. 4. Успешность научения для двух типов категорий (указана ст. ошибка измерения)

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа ANOVA успешности зрительного поиска

Независимые переменные	SS	df	MS	F	p	η_p^2
Тип правила	1.193	1	1.193	29.344	< 0.001	0.042
Количество примеров	0.051	3	0.017	0.420	0.739	0.002
Тип пробы	0.245	1	0.245	6.018	0.014	0.009
Тип правила*количество примеров	0.028	3	0.009	0.226	0.878	0.001
Тип правила*тип пробы	0.085	1	0.085	2.084	0.149	0.003
Количество примеров*тип пробы	0.233	3	0.078	1.912	0.126	0.008
Тип правила*количество примеров*тип пробы	0.034	3	0.011	0.275	0.843	0.001
Остатки	27.311	672	0.041			

Мы обнаружили различия в успешности зрительного поиска при разном типе категориального правила: успешность зрительного поиска при сформированном вербальном правиле была выше ($M = 0.848$, $SD = 0.201$), чем при сформированном прототипе ($M = 0.764$, $SD = 0.203$), $F(1, 672) = 29.344$, $p < 0.001$. Также мы обнаружили вклад фактора типа пробы: успешность поиска была ниже

в пробах с отсутствием цели ($M = 0.793$, $SD = 0.234$), чем в пробах с наличием цели ($M = 0.829$, $SD = 0.172$), $F(1, 672) = 6.018$, $p = 0.014$. Взаимодействия типа правила с количеством примеров или типом пробы не было обнаружено, поэтому в дальнейшем была проанализирована успешность зрительного поиска отдельно для каждого типа правила (табл. 3).

Таблица 3. Результаты дисперсионного анализа ANOVA успешности зрительного поиска при разном типе правил

Независимые переменные	SS	df	MS	F	p	η_p^2
<i>Прототип</i>						
Количество примеров	0.0629	3	0.0210	0.517	0.671	0.005
Тип пробы	0.2764	1	0.2764	6.809	0.010	0.022
Количество примеров*тип пробы	0.1255	3	0.0418	1.031	0.379	0.010
Остатки	12.0151	296	0.0406			
<i>Вербальное правило</i>						
Количество примеров	0.00962	3	0.00321	0.0788	0.971	0.001
Тип пробы	0.02344	1	0.02344	0.5761	0.448	0.002
Количество примеров*тип пробы	0.14330	3	0.04777	1.1742	0.319	0.009
Остатки	15.29557	376	0.04068			

Несмотря на разный паттерн результатов (рис. 5), связь успешности зрительного поиска с типом пробы была обнаружена только в выборке, которая формировала прототип: успешность поиска была ниже в пробах без целевого примера ($M = 0.734$, $SD = 0.234$), чем в пробах с целевым примером ($M = 0.833$, $SD = 0.161$), $F(1, 296) = 6.809$, $p = 0.01$. Несмотря на то что данный паттерн результатов в целом воспроизводит результаты категориального зрительного поиска в эксперименте С. Элье и коллег [6], есть существенные различия: категориальный зрительный поиск при любом количестве дистракторов и каждом типе категориального правила значимо отличался от уровня случайных ответов (0.5), $p < 0.001$ (за исключением самого низкого уровня успешности зрительного поиска в условии с прототипом, пробах с отсутствием цели и четырьмя дистракторами, $p = 0.014$).

Поскольку мы не обнаружили существенных различий в успешности зрительного поиска в зависимости от типа категориальной репрезентации — и вербальное правило, и такая имплицитная категория, как прототип, поддерживали зрительный поиск даже при максимальном количестве дистракторов, — мы дополнительно разделили данные участников, чтобы проанализировать успешность зрительного поиска в зависимости от успешности научения. Напомним, что мы оставляли для анализа данные только тех участников, которые действительно сформировали категориальную репрезентацию. В исследовании С. Элье и коллег [6] такого отбора не было. Мы решили еще раз разделить

научившихся участников на тех, кто имел высокий (по уровню успешности в среднем по всем блокам научения) уровень успешности научения, и тех, у кого этот уровень был невысокий — выше и ниже 75% соответственно (уровень 75% был подобран по медиане успешности для двух типов правил вместе, чтобы создать в каждом условии две приблизительно равные по численности выборки). Таким образом мы получили возможность оценить связь индивидуальных различий с успешностью зрительного поиска при разном типе сформированной категориальной репрезентации.

Была обнаружена прямая связь успешности научения и успешности зрительного поиска: успешность поиска у участников с невысокой успешностью научения ($M = 0.734$, $SD = 0.234$) была ниже, чем у участников с высокой успешностью научения ($M = 0.833$, $SD = 0.161$), $F(1, 504) = 79.983$, $p < 0.001$. Взаимодействия успешности научения с количеством примеров ($F(3, 504) = 0.029$, $p < 0.993$) и типом правила ($F(1, 504) = 3.442$, $p = 0.064$) обнаружено не было, однако анализ выявил взаимодействие успешности научения с типом пробы, $F(1, 504) = 11.287$, $p < 0.001$. Как видно на графике (рис. 6), участники с высокой успешностью научения имеют одинаковый уровень успешности в пробах с наличием и отсутствием цели, а участники с невысокой успешностью научения имеют более высокую успешность поиска в пробах с наличием цели, чем с отсутствием.

Таким образом, результаты показали, что успешность зрительного поиска связана не только

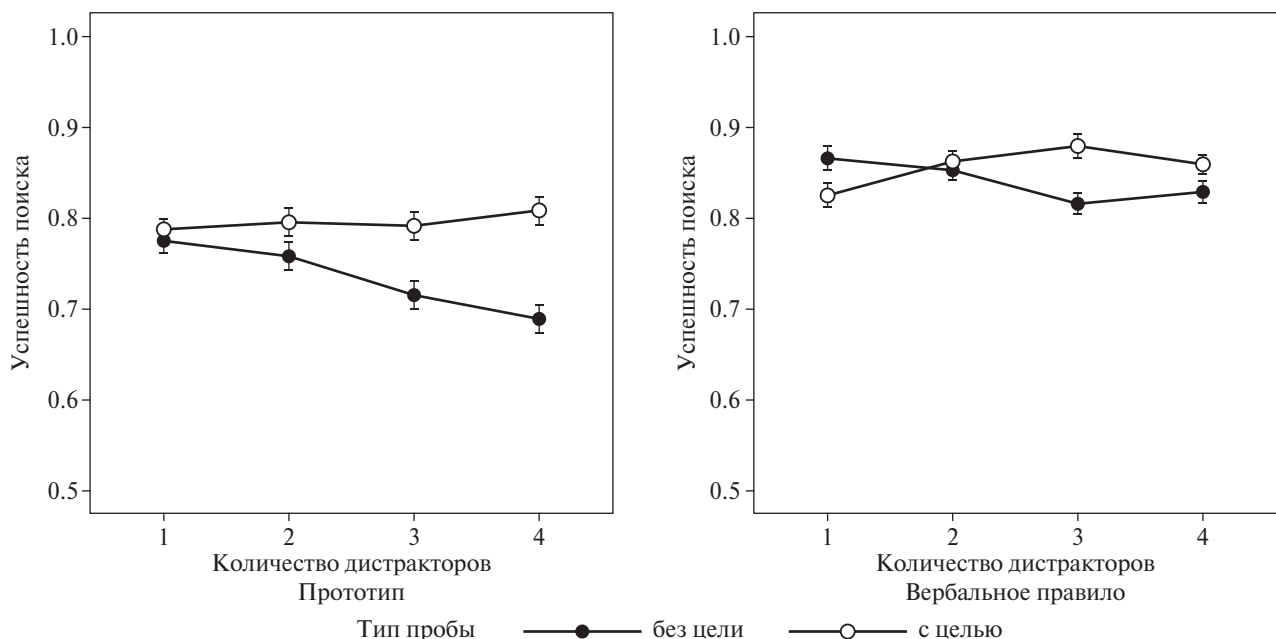
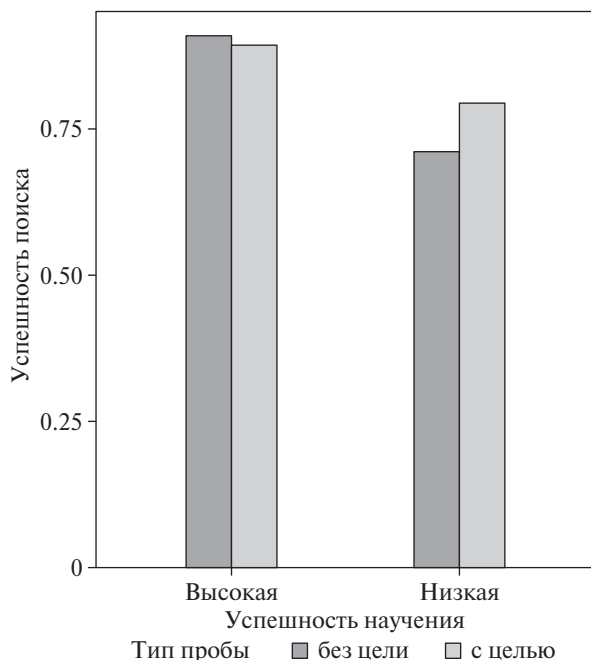

Рис. 5. Успешность зрительного поиска в двух выборках участников, одна из которых формировала прототип, а другая — вербальное правило (указана ст. ошибка измерения)

Рис. 6. Успешность зрительного поиска в пробах с наличием и отсутствием цели у участников с высокой и низкой успешностью научения

с типом сформированной категории, но и с успешностью научения категории вне зависимости от ее типа.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Целью нашего исследования было проверить, сохранится ли эффект категориальной репрезентации, полученный С. Элье и коллегами [6], на новом материале и на новых видах категорий. Мы предполагали, что в случае образования как вербального правила, так и прототипа успешность зрительного поиска не должна снижаться с увеличением количества дистракторов. В случае формирования прототипа успешность зрительного поиска должна быть ниже, чем при формировании вербальных правил. Наши результаты соответствуют данным предположениям.

Мы обнаружили, что после научения вербальным правилам успешность зрительного поиска оставалась на одном уровне вне зависимости от количества примеров в пробе. Таким образом, наличие категориальной репрезентации позволяло сохранять успешность зрительного поиска на высоком уровне. Эти результаты полностью совпадают с результатами предыдущего исследования с формированием вербального правила на другом материале [6]. Успешность выполнения задания на зрительный поиск в случае научения прототипам была ниже и различалась в пробах с наличием и отсутствием

цели, что также совпадает с результатами предыдущего исследования. Однако важное отличие наших результатов заключалось в том, что снижение успешности зрительного поиска даже при максимальном количестве дистракторов не достигало уровня случайных ответов. Таким образом, мы обнаружили, что разные имплицитные правила (прототипы и правила с корреляцией значений) по-разному связаны с успешностью зрительного поиска. Кроме того, успешность формирования категориальной репрезентации также имеет значение: чем успешнее происходило научение, тем сильнее была поддержка зрительного поиска со стороны категориальной репрезентации.

Основное различие материала нашего исследования от материала исследования С. Элье и коллег [6] — это использование дискретных, а не континуальных признаков, образующих категории. Континуальные признаки создают трудности в осознании результатов научения. Так, они допускают лишь выделение в сознании релевантного признака, но не точных значений. В случае нашего материала с дискретными признаками осознанию поддается как признак, так и его значения. В этом предположительно и заключается причина, по которой сформированная категориальная репрезентация при каждом правиле — как вербальном правиле, так и прототипе — надежно поддерживала зрительный поиск и позволяла использовать выученное правило в других задачах.

Тем не менее наши результаты не позволяют определить, за счет чего в разных типах категориальной репрезентации достигаются подобные результаты, почему один тип имплицитной категории оказывает большую поддержку зрительному поиску, чем другой. Имеются данные о том, что в случае формирования категорий по принципу прототипа взрослые участники могут использовать, особенно в начале научения, стратегию ориентации на один признак (так называемый *unidimensional bias*) и его вербализацию [2]. В этом случае эффект категориальной репрезентации на зрительный поиск будет в большей степени обусловлен не столько наличием самой обобщенной репрезентации, сколько ее речевой формой. Поскольку наше исследование не позволяет выделить стратегии научения, проверка данного предположения должна стать задачей для будущих исследований, которые будут использовать для их выявления соответствующие задания или опросник. Это также можно проверить с помощью изменения возраста участников, так как известно, что дети не полагаются на речь при формировании любых правил категоризации до 8–9 лет [10]. Таким образом,

предъявление детям задачи на категориальный зрительный поиск может позволить разделить влияние речи и категориальной репрезентации: зрительный категориальный поиск у детей должен разрушаться с увеличением количества примеров при любом типе сформированного правила.

Недавние исследования показывают, что взаимосвязь категориальной репрезентации и зрительного поиска опосредована также формой задачи, т.е. тем, какими признаками задается поиск цели: перцептивными или категориальными. Так, при определении цели с помощью низкоуровневых признаков (примера категории) различий в успешности поиска после научения имплицитным правилам и вербальным нет. А при определении цели с помощью высокоуровневых признаков (названия категории) они есть [7]. Следовательно, возможны не только сама репрезентация, но и иные факторы (структура задания, контекст, доступность подсказок) могут быть по-разному связаны с успешностью категориального зрительного поиска. В будущих исследованиях необходимо оценить вклад этих факторов и их значение для разных типов категориальной репрезентации.

В нашем исследовании присутствовали очевидные ограничения. Так, было практически невозможно добиться создания одинакового уровня научения или уровня сформированности категориальной репрезентации для разных типов правил. В нашем эксперименте мы удлиняли процедуру научения, чтобы уровень научения прототипам был не меньше уровня научения вербальным правилам. Вербальные правила формируются значительно быстрее и значительно лучше удерживаются рабочей памяти при переносе на другое задание (у взрослых участников). В отличие от эксперимента С. Элье и коллег [6], мы исключали участников, не сформировавших категориальную репрезентацию. Однако разное количество исключенных участников при научении разным типам правил (значительно больше было исключено при научении вербальным правилам), возможно, привело к тому, что группы при одинаковом уровне успешности научения могли различаться по значимым для выполнения задания параметрам, например, мотивации (большей у учащихся вербальным правилам) или наличии определенных, более эффективных стратегий научения. Эти различия могут иметь общее или специфическое влияние на выполнение таких задач, как зрительный поиск. Будущие исследования должны принять во внимание данные ограничения, например, с помощью дополнительных изменений оценивая и контролируя данные различия.

ВЫВОДЫ

В настоящем исследовании мы воспроизвели процедуру эксперимента по изучению связи разных типов правил и категориального зрительного поиска [6]. Мы изменили материал для того, чтобы проверить данный эффект на другом типе имплицитных категорий — прототипах. В результате мы обнаружили, что не только вербальные категории, но и имплицитные (прототипы) могут поддерживать зрительный поиск. Также мы обнаружили, что чем выше уровень успешности научения новой категории, тем более эффективным был зрительный поиск вне зависимости от типа правила. Мы объясняем данные результаты тем, что категории, основанные на дискретных признаках, позволяют создавать более прочные репрезентации, которые легче использовать в других, некатегориальных заданиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Комов А.А., Котова Т.Н.* Контекст как фактор переключения стратегий категоризации в ходе научения // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 109–120.
2. *Ashby F.G., Alfonso-Reese L.A., Waldron E.M.* A neuropsychological theory of multiple systems in category learning // Journ. Psychological review. 1998. V. 105. № 3. P. 442–481.
3. *Ashby F.G., Ell S.W.* The neurobiology of human category learning // Journ. Trends in cognitive sciences. 2001. V. 5. № 5. P. 204–210.
4. *De Brigard F., Brady T.F., Ruzic L., Schacter D.L.* Tracking the emergence of memories: A category-learning paradigm to explore schema-driven recognition // Journ. Memory & cognition. 2017. V. 45. № 1. P. 105–120.
5. *Ell S.W., Smith D.B., Peralta G., Hélie S.* The impact of category structure and training methodology on learning and generalizing within-category representations // Journ. Attention, Perception & Psychophysics. 2017. V. 79. № 6. P. 1777–1794.
6. *Hélie S., Turner B.O., Cousineau D.* Can categorical knowledge be used in visual search? // Journ. Acta psychologica. 2018. V. 191. P. 52–62.
7. *Killingsworth C.D., Ercolino A., Joseph S., Neider M., Bohil C.* The effects of information integration on categorical visual search // Journal of Vision. 2019. V. 19. № 10. P. 308d–308d.
8. *Peirce J., Gray J.R., Simpson S., MacAskill M., Höchenberger R., Sogo H., Kastman E., Lindeløv J.K.* PsychoPy2: Experiments in behavior made easy // Journ. Behavior research methods. 2019. V. 51. № 1. P. 195–203.
9. *Pomiechowska B., Gliga T.* Lexical acquisition through category matching: 12-month-old infants associate words

- to visual categories // Journ. Psychological Science. 2019. V. 30. № 2. P. 288–299.
10. Rabi R., Miles S.J., Minda J.P. Learning categories via rules and similarity: Comparing adults and children // Journal of experimental child psychology. 2015. V. 131. P. 149–169.
  11. Rosedahl L., Ashby F.G. A new stimulus set for cognitive research. 2018.
  12. Sloutsky V.M. From perceptual categories to concepts: What develops? // Journ. Cognitive science. 2010. V. 34. № 7. P. 1244–1286.
  13. Smith J.D., Redford J.S., Gent L.C., Washburn D.A. Visual search and the collapse of categorization // Journal of Experimental Psychology: General. 2005. V. 134. № 4. P. 443–460.

ASSOCIATIONS BETWEEN CATEGORIZATION RULES AND CATEGORICAL VISUAL SEARCH²

A. K. Liashenko^{1,*}, E. S. Lukyanov^{2,**}, A. A. Kotov^{1,***}

¹National Research University “Higher School of Economics”
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

²Pirogov Russian National Research Medical University.
117997, Moscow, Ostrovityanova str., 1, Russia.

* Research Assistant.

E-mail: aklyashenko@hse.ru

** Junior Researcher.

E-mail: nialuk@rambler.ru

*** PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher.

E-mail: akotov@hse.ru

Received: 22.03.2022

Abstract. One of the tasks of modern categorization theories is the search for cognitive functions associated with categorical learning. Foreign research has demonstrated an association between visual search and continuum category learning (categorical representation): success of the visual search based on single-feature categorical rules does not change with increasing number of distractors, but collapses when the search is supported by information integration categorical rules. The purpose of the current study was to identify links between learning discrete categories and the success of visual search in order to test the previously obtained effect on another type of categories — verbal rules (explicit type) and prototypes (implicit type). It was assumed that, since the representation based on prototypes would have a lower level of awareness, its support for the visual search based (success) would be lower than while forming verbal rules. Participants ($N = 121$) completed a task where they learnt a new artificial category belonging to one of two types of rules and immediately after that performed a categorical visual search task where they were asked to search for a target relevant to the category they learnt. We found that after learning the verbal rule as well as forming prototypes, visual search success did not collapse with increasing number of distractors. We also found that the higher the success rate in learning a new category, the more effective the visual search was, regardless of the type of rule. Thus, we have shown for the first time that visual search can be supported by different types of categories, both explicit and implicit. We explain the present results and their difference from the results of the previous study by the fact that categories based on discrete features (as opposed to continuums) allows to create more robust representations that are easier to use in non-categorical tasks such as visual search.

Keywords: categorical visual search, category learning, representation, categorization rules, prototypes, implicit categories.

REFERENCES

1. Kotov A.A., Kotova T.N. Kontekst kak faktor per-eklucheniya strategij kategorizacii v hode naucheniya. Vo-prosy psihologii. 2017. № 2. P. 109–120.

² The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-013-00698.

2. *Ashby F.G., Alfonso-Reese L.A., Waldron E.M.* A neuro-psychological theory of multiple systems in category learning. *Journ. Psychological review*. 1998. V. 105. № 3. P. 442–481.
3. *Ashby F.G., Ell S.W.* The neurobiology of human category learning. *Journ. Trends in cognitive sciences*. 2001. V. 5. № 5. P. 204–210.
4. *De Brigard F., Brady T.F., Ruzic L., Schacter D.L.* Tracking the emergence of memories: A category-learning paradigm to explore schema-driven recognition. *Journ. Memory & cognition*. 2017. V. 45. № 1. P. 105–120.
5. *Ell S.W., Smith D.B., Peralta G., Hélie S.* The impact of category structure and training methodology on learning and generalizing within-category representations. *Journ. Attention, Perception & Psychophysics*. 2017. V. 79. № 6. P. 1777–1794.
6. *Hélie S., Turner B.O., Cousineau D.* Can categorical knowledge be used in visual search? *Journ. Acta psychologica*. 2018. V. 191. P. 52–62.
7. *Killingsworth C.D., Ercolino A., Joseph S., Neider M., Bohil C.* The effects of information integration on categorical visual search. *Journal of Vision*. 2019. V. 19. № 10. P. 308d–308d.
8. *Peirce J., Gray J.R., Simpson S., MacAskill M., Höchenberger R., Sogo H., Kastman E., Lindeløv J.K.* PsychoPy2: Experiments in behavior made easy. *Journ. Behavior research methods*. 2019. V. 51. № 1. P. 195–203.
9. *Pomiczowska B., Gliga T.* Lexical acquisition through category matching: 12-month-old infants associate words to visual categories. *Journ. Psychological Science*. 2019. V. 30. № 2. P. 288–299.
10. *Rabi R., Miles S.J., Minda J.P.* Learning categories via rules and similarity: Comparing adults and children. *Journal of experimental child psychology*. 2015. V. 131. P. 149–169.
11. *Rosedahl L., Ashby F.G.* A new stimulus set for cognitive research. 2018.
12. *Sloutsky V.M.* From perceptual categories to concepts: What develops? *Journ. Cognitive science*. 2010. V. 34. № 7. P. 1244–1286.
13. *Smith J.D., Redford J.S., Gent L.C., Washburn D.A.* Visual search and the collapse of categorization. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2005. V. 134. № 4. P. 443–460.

**ПСИХОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 316.62

**ФЕНОМЕН ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РОССИЯН О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹**

© 2022 г. Д. А. Китова*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: j-kitova@yandex.ru

**Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 07.08.2022

Аннотация. Проведен анализ состояния исследований феномена ответственности в научной литературе и его места в рамках психологического знания, в том числе в контексте профессиональной и предпринимательской деятельности. Показано, что макропсихологический анализ отношения россиян к социальным аспектам ответственности как психологическому явлению — актуальная, но мало изученная проблема. Выявлены структурно-содержательные характеристики представлений пользователей социальных сетей о профессиональной ответственности как уникальном феномене, не тождественном другим видам ответственности. В соответствии с заявленной целью осуществлено обращение к нейросетевым автоматизированным методам анализа больших объемов информации по смысловым, частотным и эмоциональным критериям. Общая классификация сообщений произведена в экспертном режиме. По результатам исследования сформулирован ряд основных выводов: ответственность воспринимается как неотчуждаемый компонент профессиональной деятельности; наибольшая ответственность приписывается специалистам, отвечающим за благополучие других людей; чем больше людей находится в сфере реализации полномочий профессионала, тем выше уровень атрибутируемой ему ответственности; профессиональная ответственность порождает широкий спектр различных переживаний, в структуре которых недобросовестное отношение к исполнению своих обязательств вызывает исключительно негативные оценки. В работе раскрыты принципы персонализации и деперсонализации ответственности. В перспективе предлагается проведение анализа аналогичных представлений жителей других стран.

Ключевые слова: ответственность, профессиональная ответственность, предпринимательская деятельность, макропсихология, сообщения пользователей, автоматизированный анализ, эмоциональный фон, полномочия, атрибуция, негативные оценки, персонализация, деперсонализация.

DOI: 10.31857/S020595920022781-5

Ответственность как феномен в жизнедеятельности человека и общества рассматривается в различных отраслях современных социогуманитарных наук, в частности, в рамках *правовых* теорий (уголовной, административной, гражданско-правовой, материальной, дисциплинарной); в контексте *экономической* деятельности (государственной, коллективной, частной); в сфере *социальных* наук (экономической, политической, социальной, духовной); к ответственности обращаются также при

изучении деятельности *социальных институтов* (государства, предприятий, школы, семьи, церкви и т.д.). В границах каждого научного направления можно отметить и *специфические* особенности изучения феномена. Например, в русле правового толкования можно говорить о двойной ответственности или ответственности за бездействие — неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, к примеру ответственность за неисполнение договоров.

С точки зрения психологии ответственность также может рассматриваться с различных позиций, опираясь на различные основания [2], например,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00541.

как *осознаваемая* или *неосознаваемая*. В последнем случае так происходит, если человек *не подозревает* о своей провинности в силу своей некомпетентности (что часто наблюдается в правовой практике), *не чувствует* или *не признает* своей вины. Ответственность можно по-разному рассматривать и в связи с *мотивационной* активностью личности: в *позитивной* интерпретации — как договоренности, а в *негативной* — как сговор. Рассуждая об ответственности, можно говорить о ее роли и проявлении в проблемном пространстве различных *отраслей психологии*, например в педагогической психологии (воспитание или формирование ответственности), юридической, политической, экономической. Необходимо также указать на характер *междисциплинарных* связей психологии с такими смежными отраслями науки, как право, социология, экономика, медицина, педагогика и т.д., с которыми психология ответственности будет выступать *структурным* или *фоновым* компонентом в процессе изучения непсихологических явлений. В контексте данной статьи предпринята попытка изучения ответственности как социально-психологического явления в обыденных представлениях россиян о профессиональной и бизнес-деятельности.

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Теоретические проблемы изучения ответственности в социогуманитарных отраслях науки характеризуются разнообразием, среди которого можно выделить ключевые. В первую очередь это работы, основанные на различных теоретических подходах к изучению феномена ответственности в *отечественной* психологии (Д.С. Минюкова, Е.В. Волкова, С.А. Башкатов, В.П. Самойленко, Л.В. Чернышова), а также обзоры основных фундаментальных разработок в *зарубежной* психологии (А.Е. Березина, А.М. Жуков, Ж.В. Степаненко, С.В. Шевцова). Среди этих направлений можно отметить и наиболее конкретные, ориентированные на изучение отдельных теоретических вопросов, таких как: анализ личностной ответственности в *гуманистической* психологии (Е.В. Панькина); *экзистенциальной* психологии (А.Д. Тысячина); социогуманитарных и *психолого-педагогических* науках (Т.В. Воробьева) или еще более узко формулируемого вопроса — *экзистенциальной* ответственности личности (М.А. Фризен). В литературе выделяются и направления изучения

структурных элементов ответственности, среди них: субъекты, объекты и критерии социальной ответственности (Е.И. Тавер); принципы и механизмы ее формирования (Е.В. Киреев, А.Е. Кузнецова, Н.И. Привалов); социальная ответственность как динамический процесс (Л.Н. Морозов). С помощью *сравнительного* анализа рассматриваются соотношения личной и социальной ответственности (Ю.Е. Мужичкова); феномена свободы и ответственности (Е.Н. Андреева); психологии вины и ответственности (О.Д. Ситковская); социального и духовного аспектов психологического пространства ответственности (Е.В. Воробьева); экологического сознания и социальной ответственности (А.Ю. Гомзякова); выбора и ответственности в контексте изучения конфликтов (Е.Я. Строганова, Т.В. Ветер, Н.А. Хаймовская). Можно отметить и пристальное внимание авторов к анализу *динамики* развития этого направления, например: восприятие ответственности в современных условиях развития общества (О.В. Лукьянов); историко-обусловленные феномены ответственности (например, взяточничество — А.А. Колодкина, Т.М. Чапурко) или же анализ частных случаев — история, состояние и перспективы исследования психологии ответственности в работах ученых Омского государственного университета (Л.И. Дементий, О.Ю. Гроголева). Примечательными представляются темы, разрабатываемые в контексте *философской* парадигмы: ответственность как морально-этическая проблема (С.В. Быков); научная этика ученых (А. Лакетич, С.К. Лакетич, И.А. Монастырская) и менее разработанная ответственность в контексте клонирования (С.С. Корнеенков).

В границах предлагаемого в работе подхода важно обратить внимание на состояние исследований ответственности в *профессиональной деятельности* и *бизнесе*. В первом случае рассмотрены: структурные элементы социальной ответственности (А.С. Поляков, С.В. Быков); категориальный аппарат, механизмы реализации и диагностика уровня развития (С.Л. Богомаз); место профессиональной ответственности в психологии труда (С.В. Быков); в практической психологии (В.М. Розин); как поведенческого феномена в структуре трудовой деятельности (М.В. Муконина). Интересной представляется работа по *профессиональной* ответственности практических психологов в России (Н.А. Камнева).

Ответственность в *бизнесе* рассматривается в контекстах: устойчивой модели взаимодействия государства и бизнеса или идей упреждения возможного/ожидаемого вреда (В.А. Сергеев); этики бизнеса (В.В. Кулинченко); делового партнерства (В.П. Позняков, Т.С. Вавакина); деятельности

молодых российских предпринимателей (Н.В. Анненкова, С.М. Буянова, М.А. Гагарина); междисциплинарного анализа механизмов социальной ответственности *бизнеса* (Ю.Е. Мужичкова), а также феноменов доверия и ответственности как психологических факторов бизнеса.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве проблемы исследования предлагается поиск специфических структурных и содержательных элементов ответственности в массовых, релевантных обществу в целом представлениях россиян о психологических особенностях экономической самореализации личности, которые могут проявляться в рамках *наемной работы* или в процессе включения человека в *самостоятельную* экономическую деятельность (фондовый компонент). Первую сферу мы определили как *профессиональную деятельность*, вторую, направленную на получение дохода, — как *бизнес*.

Целью исследования выступает структурно-содержательный анализ представлений пользователей социальных сетей о профессиональной ответственности. Планируется выделить психологические характеристики профессиональной ответственности из текстов сообщений о профессии, бизнесе и ответственности, что позволит описать профессиональную ответственность как уникальную (не тождественную другим видам ответственности) психологическую категорию.

Методологические подходы. Представления личности рассматриваются в психологии как определенные содержательные и структурные элементы (рациональные и иррациональные), которые воздействуют на *поведенческую активность* личности, интегрированы в механизмы *социального взаимодействия* и упорядочивают многообразие отдельных представлений личности в единую *мировоззренческую* концепцию. Представления также сопряжены с *эмоциональной сферой* человека, подвижны в пределах *временного диапазона* и могут изменяться в соответствии с психологическими *условиями* и *ситуациями* развития самого человека, групп и общества.

Методы исследования. Предполагается, что в условиях непринужденного общения в сообщениях пользователей, направленных на описание и анализ *жизненных ситуаций*, неизбежно будут проявляться представления о профессии, бизнесе и ответственности, что позволит получить первичные

сведения из естественной среды проживания человека.

В данном исследовании произведен автоматизированный анализ уникальных (неповторяющихся) сообщений пользователей социальной сети ВКонтакте, в тексте которых присутствуют слова “профессия”, “бизнес” и “ответственность” (всего 3766 сообщений). Из этих текстов выделены сообщения, имеющие непосредственное отношение к профессиональной ответственности, т.е. в тексте которых одновременно содержатся слова “профессия” и “ответственность” и/или “бизнес” и “ответственность”, а также анализировались сообщения об “ответственности”, в которых имелись ссылки на профессию или бизнес.

В ходе исследования во всех анализируемых категориях произведен *статистический* анализ слов (рис. 1). Для исключения *stop-слов*, не несущих большой информативной нагрузки, использован *точный метод Фишера*, который удобен для анализа таблиц сопряженности на выборках маленьких размеров. Анализ сопряженности выполнен посредством тестирования с корпусным *датасетом русского языка* на основе *распределения Бернулли*. В исследовании использован русскоязычный корпус для изучения коротких текстов RuTweetCorp [6]. Далее был произведен *частотный анализ* отобранных слов с использованием программы RuMorphu2 [9]. *Классификация сообщений* произведена в экспертном режиме, особенности деления множества на характерные подмножества описаны в эмпирической части исследования.

Для анализа эмоционального фона сообщений в качестве базовой языковой модели использована нейросеть, обученная по *модели FastText*. Сеть обучалась методом максимального правдоподобия, являясь устойчивой к изменениям окончаний (подробнее см.: [3]). Оценка *эмоциональной тональности* слов произведена с использованием *модели Dostoevsky* на *датасете RuSentiment* (подробнее о тональности см.: [1]). Эмоциональный фон изучался в рамках трех модальностей — позитивный, нейтральный и негативный, в числовом диапазоне от -1 до +1, с разбиением шкалы на 20 равномерных по величине единиц — “шагов” (длина каждого “шага” равна 0.1).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Частотный анализ текстов пользователей. Как оказалось, ответственность наиболее активно дискутируется в контексте политической деятельности,

в которой пользователи выделяют два основных субъекта (табл. 1). Первый — это сами политики, причем чем больше людей находится в зоне влияния политиков (муниципальных, региональных, федеральных), тем выше ответственность, которую пользователи возлагают на представителей этой профессии. Второй субъект — это граждане, которые, по мнению пользователей, *обязаны* брать на себя ответственность за общее состояние социальной, политической и экономической жизни государства, а не пребывать “в роли потребителей социальных благ”². Вторую категорию лиц можно связывать с профессиональной ответственностью, конечно, лишь условно, хотя идея заслуживает внимания — рассматривать гражданскую ответственность в рамках долженствования и персонализации вины за состояние дел в обществе. Таким образом, политиков можно рассматривать как ведущую профессиональную группу, наделяемую максимальными обязательствами. Такое требование обосновывается как спецификой самой профессии — ответственность политиков за определенный *порядок в обществе*, так и на основе количественных критериев — *чем больше людей* вовлечено в зону профессионального влияния, тем выше ответственность должностного лица. Последнему истолкованию проблемы можно найти еще несколько подтверждений.

Так, в списке наиболее часто обсуждаемых пользователями специальностей вторую позицию, вслед за политиками, занимает профессия *инженера*, которая тесно граничит с ответственностью за жизнь и здоровье человека, так как население выражает высокое доверие представителям профессии, находясь в самолетах, поездах, автомобилях, лифтах, на детских каруселях, в жилых многоквартирных домах, на промышленных объектах и т.д. Третью по интенсивности обсуждений позицию занимает профессия *учителя*, которая превосходит (!) по уровню возлагаемой на них ответственности представителей медицинской сферы — специалистов, занятых не только сохранением здоровья пациентов, но и спасением их жизней. Такая ситуация также объясняется количеством людей, взаимодействующих с ними, — по существу, нет ни одного ребенка (человека), который не был бы на определенном жизненном этапе вовлечен в образовательную деятельность и взаимодействие с учителем. Здесь особенно выделяются функции учителя по формированию личности ребенка, ведущим среди которых (по частоте упоминаний) определяется *умение мыслить логически*. Для обоснования количественной детерминации уровня

ответственности, возлагаемого на специалистов, можно сослаться и на суждения о профессии пожарного. Характер деятельности пожарных признается пользователями чрезвычайно *опасным*, но им не столько приписывают строгую ответственность (которую они уже сами приняли на себя, став представителем “суровой профессии”), сколько выказывают высокую признательность. Таким образом, представители опасных профессий вызывают у пользователей *чувство благодарности*, а вовлеченность большого количества людей в зону ответственности профессионала *усиливает взыскательное* к нему отношение.

После выделения первых четырех профессий с опорой на количественные оценки возлагаемой на специалиста ответственности пользователями предложена следующая иерархия профессий: *психологи*, которые по роду занятий вынуждены брать на себя ответственность за самочувствие и жизненные выборы другого человека; *журналисты* — им доверено как на государственном (законодательном), так и гражданском (моральном) уровнях информировать общественность о состоянии общества; *врачи*, ежедневно борющиеся за сохранение жизни и здоровья своих пациентов; *юристы*, напрямую ответственные за разрешение правовых проблем клиентов. Выдержки из соответствующих высказываний пользователей и их количественные характеристики представлены в табл. 1.

В ходе обсуждения профессий обнаружена еще одна характерная особенность: при анализе деятельности некоторых специалистов, нередко программистов, в зону оговариваемой ответственности попадают не столько сами специалисты, сколько их работодатели (предприятия и государство). Такая ситуация обнаруживает себя и при рассмотрении профессии актера — в этом отношении достаточно показательным одно из представленных сообщений (см. табл. 1, п. 10). Таким образом, профессиональная ответственность может возлагаться не только на самого специалиста (иногда и не столько), но и на *руководителей*, наделенных полномочиями по формированию общественных целей или производственных задач.

Структурно-содержательный анализ сообщений о профессиях, ответственности и бизнесе. Анализ слов, отобранных по принципу непосредственной статистической взаимосвязи с анализируемыми феноменами, показал, что *профессиональная деятельность* ассоциируется с ее *содержанием* (дело, время, сложность, планирование), *личностными* (хороший, уважаемый) и *профессиональными* (высокий профессионализм) *качествами* специалистов, *профессиональной компетентностью* (мнение, возможности)

² Использован фрагмент текста из сообщения пользователя.

Таблица 1. Высказывания пользователей социальной сети о профессиях

№	Профессия	Выдержки из сообщений пользователей	%
1	Политики	Низкие зарплаты, слабая поддержка среднего и малого бизнеса, снижение темпов роста крупной промышленности — лишь некоторые факторы, за что несет ответственность <i>государство</i>	14.7
2	Инженеры	Профессия <i>инженера</i> — это не столько возня с сухими цифрами, сколько анализ, поиск путей решения проблем и минимизации рисков	13.9
3	Учителя	...есть вопросы к власти, к Минобру, к истерзанной и выхолощенной образовательной программе. И к <i>учителям</i> , конечно, профессия которых вымирает...	12.4
4	Граждане (условно)	... <i>граждане</i> России несут полную ответственность за нежелание участвовать в политической и экономической жизни страны	11.1
5	Психологи	...мне на протяжении всего года учителя пытаются доказать, что профессия <i>психолога</i> “ерунда полнейшая” и мне надо в мед поступать, и им все равно, что медицина мне неинтересна...	9.7
6	Журналисты	...я уважаю тех, кто видит цель и не видит преград, <i>журналист</i> — по-настоящему интересная и многогранная профессия	8.5
7	Врачи	... <i>врач</i> — сама профессия актуальна, но зарплата...	7.2
8	Юристы	...Илья, я понимаю, что юридические консультации — это сложная и высокооплачиваемая работа	5.7
9	Программисты	...никто не видит проблемы в том, что лишь одна важная профессия <i>программиста</i> оплачивается нормально, а остальные... там “всякие бездельники” и не заслужили просто???	5.1
10	Актеры	...не путайте работу <i>актера</i> (работа — это заплатили) с его личным мнением: есть “вынужденная продажность” этой профессии	2.0
11	Разные	Продавец в продуктовом нужен всем, дворник, врач, учитель, строитель — все профессии важны	9.7

и чувствами (любовь к профессии). Эти результаты свидетельствуют об адекватном понимании сущности профессиональной деятельности как рода занятий в его взаимосвязи с сопутствующими процессами и необходимой профессиональной подготовкой. В сообщениях также обсуждаются природно и социально обусловленные качества специалистов, которые могут оказывать существенное влияние на конечные результаты труда. За пределами обсуждений остаются психофизиологические характеристики, которые, как известно, проверяются заранее, перед допуском к работе, и санитарно-гигиенические условия труда, которые пользователи, видимо, никак не связывают с ответственностью за результаты труда. Они наиболее часто говорят о профессиях с высокой общественной значимостью — журналистах, психологах, учителях (школах), а также отдельно оговаривают мужественный выбор представителей опасных профессии (пожарный, спасатель, шахтер) — данные позиции обсуждались выше и еще раз подкрепляют изложенную информацию.

Ответственность как феномен в рамках обсуждения различных проблем наиболее часто отождествляют: с конкретными объектами — это страна и дети (ребенок), что можно определить как актуализацию принципа *повышенного внимания* к наиболее значимым позициям; проблемными

ситуациями и оперативными действиями специалистов (ошибки, выбор альтернативы, варианты, процессы, внимательность) — принцип ответственности за процессы, в том числе и принятия решений; с материальными ценностями (вещи, ресурсы, оборудование, материалы) — принцип материальной ответственности; чувством ответственности (слово) — принцип морали. Обращение к описываемому ряду фактов можно найти и в ряде других эмпирических исследований. Так, выявлено, что пространство профессиональной ответственности психологов неизменно рассматривается с учетом морально-нравственного аспекта деятельности [5] или же, что «профессиональная ответственность лежит в семантическом пространстве понятия “риски профессиональной деятельности”» [8, с. 172].

С позиции ответственности специалиста феномен по массовости обсуждений соотносят (материал представлен в порядке убывания частоты): с требованиями по безопасности (процессы, внимательность), с проблемными, в том числе чрезвычайными, ситуациями (проблема, ошибка, момент), с результатами деятельности (делать, понимать, поддерживать, решать), личностными и профессиональными качествами специалиста (выбор, мнение, чувство ответственности), персонализацией обязанностей (каждый, другой, любой, личный, всякий)

и неотчуждаемой, априорной интегрированностью в профессию (брать, отвечать). Неотчуждаемый характер профессиональной ответственности атрибутируется как субъекту — отвечать должен *каждый* независимо от персональных или социальных обусловленностей, так и объекту ответственности — профессионалы в ответе перед *каждым* членом общества независимо от его (представителя социума) своеобразия.

В границах сравнения бизнеса с профессиональной деятельностью и ответственностью ему (бизнесу) приписываются минимальные требования по таким позициям, как “знать”, “делать”, “думать” и “понимать”, а наиболее высоко бизнес связывают лишь с необходимостью верить в себя и видеть перспективы, что, конечно, немаловажно, но определенно недостаточно. По мнению пользователей, по трудоемкости профессиональная деятельность превосходит деятельность предпринимателя практически по всем позициям — делать, говорить (объяснять), думать, понимать, заниматься, знать, уметь, делать, зарабатывать (!), находить, выбирать, решать и т.д. Показательно также, что бизнес меньше связывают с “делом” и “временем”.

Все эти обстоятельства свидетельствуют скорее об отсутствии у пользователей *понимания* сущности и специфики предпринимательской деятельности. К примеру, выявлено, что вторым фактором в структуре *ведущих компетенций* предпринимателя выступает “забота о высоком *качестве* товара” [7], при этом качество товара (интеллектуальной продукции, технических средств, текстильных изделий, мясомолочной продукции и т.д.) *невозможно* определить без соответствующих профессиональных компетенций. В подтверждение предложенных аргументов можно сослаться и на информацию о том, что 97% россиян не имеют реального опыта предпринимательской деятельности [4].

Анализ эмоционального фона сообщений. Как оказалось, профессиональная деятельность порождает широкий спектр переживаний, эксплицированных в интервале от высоко позитивного эмоционального фона до резко негативного. *Негативный эмоциональный* фон в диапазоне от -0.2996 до -0.2004 является максимально выраженным, но его интенсивность в общем спектре негативных высказываний минимальна, занимает первый числовой промежуток из девяти возможных (диапазон от -0.2996 до -0.9638). Дополнительный частотный анализ этих сообщений показал, что такого рода переживания вызваны стабильно низким *уровнем заработной платы*. Из представленной информации можно предположить, что низкий уровень оплаты труда выступает устойчивым негативным фоном

профессиональной деятельности на протяжении многих лет [4], став традиционным явлением, а в силу своей привычности теряет эмоциональный накал и перестает вызывать острые переживания, хотя неизменно угнетает субъективное благополучие специалистов. Общий негативный фон высказываний напрямую коррелирует и с проблемой ответственного отношения к профессии — *недобросовестное* исполнение своих обязательств вызывает резко излагаемые негативные оценки. В частности, пользователи практически уравнивают безответственность или избегание ответственности с социопатией (интенсивность высказывания -0.2983), такое высказывание представлено в табл. 3 (п. 1).

Важно отметить еще несколько позиций. Во-первых, переживания пользователей распределены по всей длине шкалы (в диапазоне от -0.0901 до $+0.0993$) из 20 позиций (рис. 2, а). Во-вторых, если исключить столбец, связанный с неодобрительными оценками уровня заработных плат, то ведущий эмоциональный фон профессиональной деятельности можно определить как нейтральный или уравновешенный (диапазон от -0.0901 до $+0.0993$). В-третьих, интенсивность положительных переживаний (диапазон от 0.1997 до $+1.0000$) в целом выше, чем негативных (рис. 2, б и в).

Из табл. 2 можно сделать еще несколько дополнительных выводов. Во-первых, безответственность вызывает неизменно негативные оценки, интенсивность проявления которых практически достигает максимально возможных значений. Нейтральные высказывания больше связаны с обсуждением повседневных проблем, а позитивные — с пониманием роли ответственности в жизнедеятельности человека/общества и неизменно отождествляются с необходимостью брать (нести) ответственность за свои действия. Иными словами, удовлетворения от возможности отказаться от своих обязательств или каким-то образом избежать их исполнения не высказал ни один пользователь так же, как никто из них не отозвался позитивно о том, что такое поведение можно считать привлекательным. Исходя из этих данных, в качестве *общего вывода* можно предложить, что многочисленные претензии по поводу неисполнения обязательств в социальной практике могут быть обусловлены психологическими обстоятельствами — разными представлениями об ответственности и принципах ее распределения между участниками конфликтных ситуаций.

Полученный материал позволяет выразить и соответствующий *качественный* срез проблемы. В частности, в табл. 3 представлены выдержки из высказываний пользователей, которые позволяют оценить

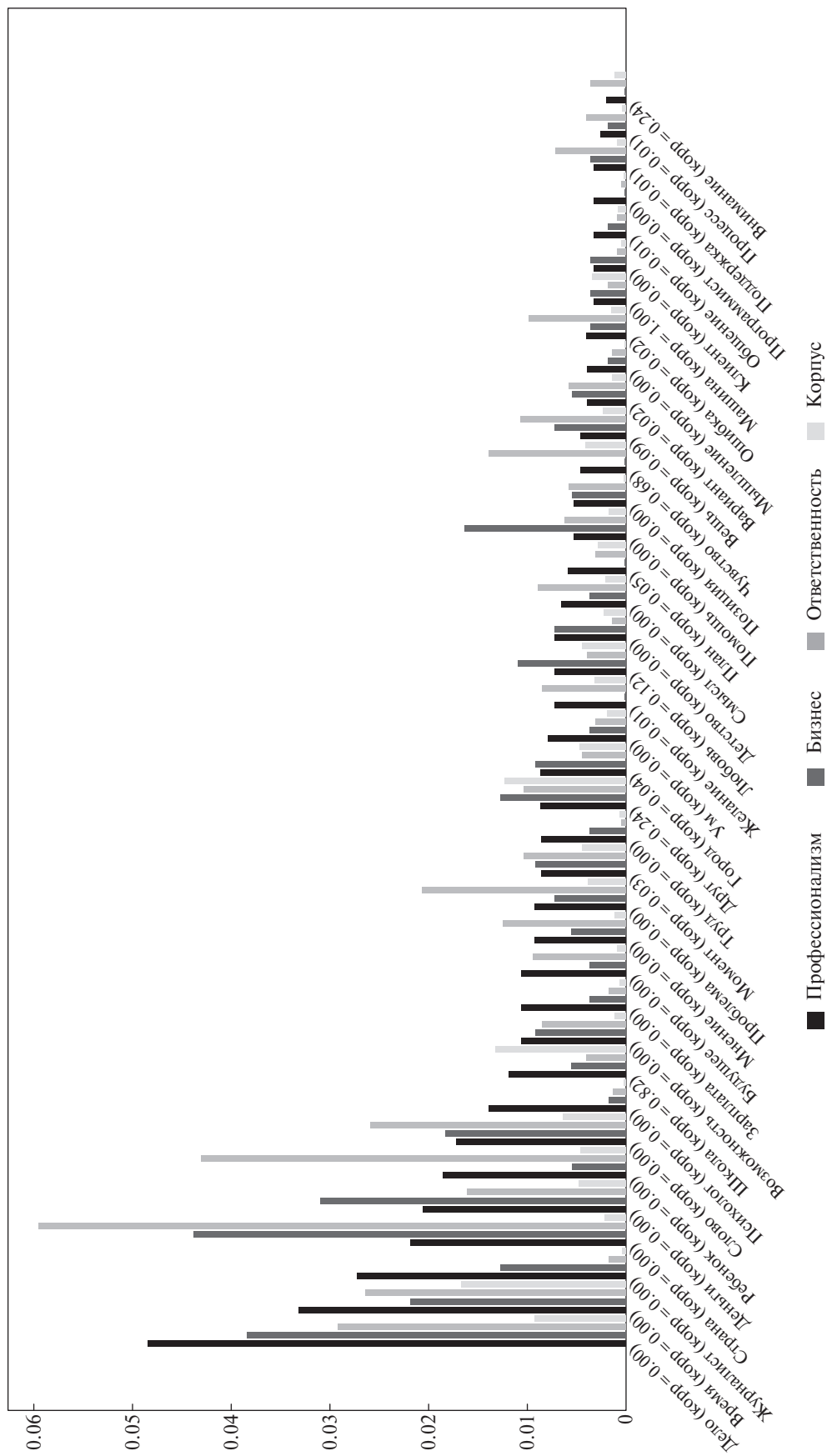

Рис. 1. Статистический анализ корреляции слов для выявления "стоп-слов"

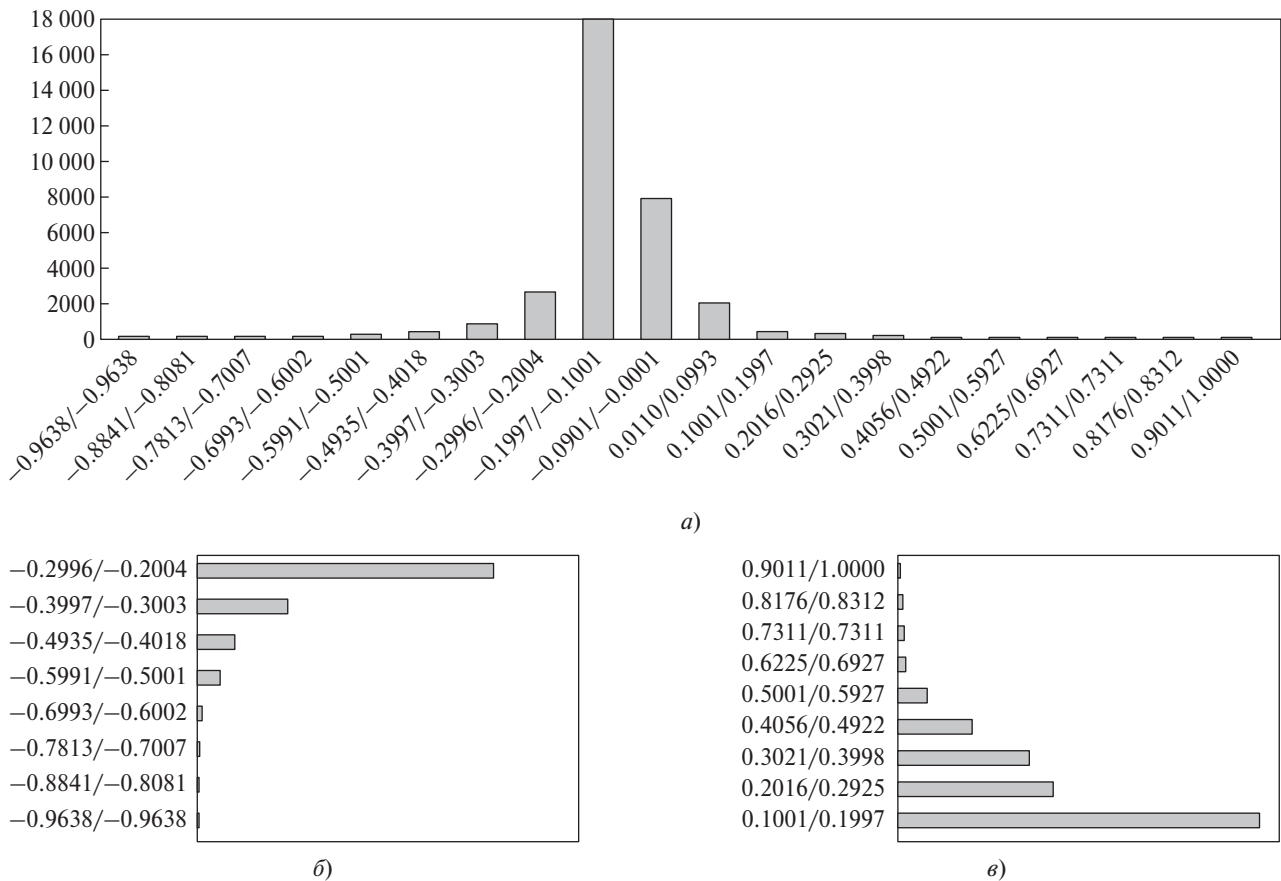

Рис. 2. Анализ эмоционального фона сообщений пользователей социальной сети о профессиях: а — общий эмоциональный фон сообщений; б — отрицательный эмоциональный фон; в — положительный эмоциональный фон

Таблица 2. Эмоциональный фон слов в сообщениях пользователей о профессиях

№	Слова	Выдержки из сообщений пользователей	Фон
1	Придумать (-0.2983)	...придумывать на работе “отмазки” — это детское поведение, а если еще проявлять нежелание брать на себя <i>ответственность</i> , — это, скорее всего, социопатия.	Негативный
2	Учить (-0.2495)	Каждому имеет смысл занять свою голову на плечах и <i>научиться</i> нести <i>ответственность</i> за свои решения самостоятельно, не ссылаясь на кого-то. Это позиция ребенка.	
3	Отличаться (-0.2237)	В <i>отличие</i> от вины, <i>ответственность</i> может быть коллективной и может быть атрибутирована всему коллективу!	
4	Подумать (-0.0011)	Вдруг <i>подумала</i> , что очень завидую <i>безответственным</i> людям, это же насколько легко им живется...представила себе — нет, уже не завидую, такой жизни не хочу.	Нейтральный
5	Спрашивать (0.0027)	Вас не будут <i>спрашивать</i> , хотите вы платить или нет. Вас заставят заплатить, если это зона вашей <i>ответственности</i> — в этом весь смысл профессионализма.	
6	Слушать (0.0082)	Но джуны <i>слушают</i> и учатся. У них и <i>ответственность</i> куда ниже. С них никогда не спрашивают много	
7	Проводить (0.1116)	...опросы надо <i>проводить</i> не со словами “одобряете ли...?”, а со словами “готовы ли вы нести <i>ответственность</i> , если...?”.	Позитивный
8	Рассказать (0.1206)	Я начала вести курс по рисованию в конце лета и <i>рассказала</i> тут о нем. Теперь я чувствую некую <i>ответственность</i> , и как бы мне ни было трудно, я его должна завершить.	
9	Надеяться (0.2071)	...ибо с большой силой приходит большая <i>ответственность</i> , и на него возлагали больше всех <i>надежд</i>	

Таблица 3. Психологическое содержание сообщений пользователей о профессиях

№	Психологический аспект	Эмоционально окрашенные высказывания из сообщений пользователей
1	Компетентность	Знание — жестокая ответственность
2	Стиль мышления	У инженеров и технарей работа строится на математике и логике, это определяет их действия и в жизни
3	Разочарования	У меня такая бесполезная профессия на самом деле. Надо было слушать бабушку и идти в мед
4	Унификация	...разделение труда ограничило жизнь человека в рамках одной профессии, с единым характером, едиными условиями...
5	Замешательство	...как же хочется заниматься всем. С одной стороны, моя профессия, которая все еще увлекает, а с другой — брат, который тянет в IT-сферу, тем, что там больше денег. Но и очень хочется фотографиями заниматься... а-а-а-а...
6	Недоумение	Моя мать учит айтишников уже кучу лет, защитила кандидатскую, а ее студенты уже на старте получают больше, чем она — КАК это?
7	Саморазвитие	...А никакая профессия не монолит и всегда есть, куда расти
8	Мотивация	Я пишу название универа на листочке и клею в заметное место, чтобы была мотивация учиться
9	Талант	Фигляры да. А АРТИСТЫ запоминаются. В любой профессии есть гении и просто специалисты...
10	Деформации	Учителя привыкли транслировать свои мысли. Профессиональная деформация: все разъяснить и всем помочь
11	Многогранность	Разве не очевидно, что человек несравненно шире, глубже того, в чем он может себя явить, будь это профессия, стихи или внешность?
12	Смятение	Я настолько потеряна, что даже четче вижу себя пандой, чем в какой-то в профессии
13	Смирение	Сначала я хотела бросить все, потому что не видела смысла в своей профессии, но... сейчас я решила закончить все это, получить диплом и выживать дальше
14	Психосоматика	...мне физически плохо от мысли, что в это десятилетие я должна: закончить универ, найти работу по профессии, устроить личную жизнь, переехать (к мужу), родить и сделать какую-то карьеру...
15	Безысходность	Я сижу час без света, на мне очки за 1.5 тысячи, я питаюсь очень ограниченно и моя будущая профессия никому не нужна...

многообразии эмоций и психологических оценок, порождаемых в профессиональной деятельности человека. Вне профессионального контекста в рамках изучения проблем ответственности или бизнеса эти эмоции, конечно, будут еще более разнообразны и могут служить основанием для дальнейшего изучения.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Из полученных результатов эмпирического исследования можно сделать несколько основных *выводов*.

1. Ответственность воспринимается пользователями как *неотчуждаемый* компонент профессиональной деятельности, а наибольшая ответственность приписывается специалистам, которые в силу профессиональной специфики призваны нести ответственность за *благополучие* других людей (не столько за производственные процессы, результаты деятельности, выбор технологий и т.д.).

Кроме того, *чем больше* людей находится в сфере реализации полномочий профессионала, тем выше уровень ответственности, который на него возлагается.

2. В соответствии с приведенными принципами, *наибольшую ответственность* респонденты возлагают на политиков, обладающих государственной и муниципальной властью, далее по мере сужения зоны ответственности представлены инженеры, учителя, психологи, журналисты и врачи — специалисты, чья деятельность также связана с благополучием человека.

3. Непосредственно в рамках *профессиональной деятельности* ответственность также максимально коррелирует с *благополучием человека*, задействованного в рамках производственных процессов, далее в иерархическом порядке ответственность пользователи связывают с *безопасностью* технологических процессов, *результатами* труда и *сбытом* продукции. Минимальный уровень ответственности приписывается специалистам за *психологическое*

благополучие в коллективе и профессиональное *самочувствие*.

4. По *объектам* максимальная ответственность возлагается за *страну* (как на политиков, так и на самих граждан) и *детей*, после чего со значительным снижением частоты актуализируются многочисленные виды профессиональной ответственности по самым разнообразным основаниям (безопасность труда, непрерывность производственных процессов, эффективность деятельности, достижение запланированных результатов, подготовка кадров, поддержание психологического климата в коллективе и т.д.).

5. Выявлены два взаимосвязанных *принципа*: первый — *персонализации* ответственности — каждый специалист по определению несет неотчуждаемую персональную ответственность за результаты своей деятельности (ответственность не может быть снята, делегирована или отчуждена) и второй — *деперсонализации* ответственности, гарантирующей всеобщую защиту людей от недобросовестного исполнения специалистами своих обязательств (каждого гражданина и любой организации).

6. Анализ эмоционального фона сообщений пользователей позволяет констатировать, что феномен ответственности в профессиональной деятельности порождает широкий спектр различных переживаний, в структуре которых недобросовестное отношение к исполнению своих обязательств вызывает исключительно негативные оценки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Структурное содержание ответственности в рамках различных видов профессиональной деятельности является проблемой, которая не получила должного отражения в современной литературе. В этом смысле представляются интересными факты, полученные при сравнении показателей, полученных в ходе изучения ответственности в профессиональной деятельности и бизнесе. На наш взгляд, детализация установленных позиций, выявленных результатов их психологических оснований может дать много полезной информации для сферы

подготовки кадров, а также управления социальными процессами и поэтому требует дальнейшего изучения. Не менее ценным представляется анализ соответствующих представлений об ответственности в предпринимательской деятельности жителей различных стран, что выступает *перспективным* планом исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двойникова А.А., Карнов А.А. Аналитический обзор подходов к распознаванию тональности русскоязычных текстовых данных // Информационно-управляющие системы. 2020. № 4 (107). С. 20–30.
2. Дементий Л.И. К проблеме меры ответственности // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. № 3 (23). С. 264–274.
3. Демидова О.А. Метод максимального правдоподобия. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (дата обращения: 28.03.2022).
4. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические ресурсы развития общества в условиях цифровых технологий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2 (30). С. 24–40. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7301
5. Кочнева Е.М., Морозова Л.Б. Профессиональная ответственность как предмет психологических исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 4 (17). С. 30.
6. Рубцова Ю.В. Автоматическое построение и анализ корпуса коротких текстов (постов микроблогов) для задачи разработки и тренировки тонового классификатора // Инженерия знаний и технологии семантического веба. 2012. Т. 1. С. 109–116.
7. Спенсер Л., Спенсер М. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы. М.: Изд-во ГИППО, 2010.
8. Чиркова Т.И., Кочнева Е.М., Мякина С.П. Профессиональные риски в структуре профессиональной деятельности психолога: контекст вузовской подготовки // Научно-методический электронный журнал “Концепт”. 2014. № 6. С. 171–175.
9. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // Communications in Computer and Information Science. 2015. V. 542. P. 330–342.

THE PHENOMENON OF RESPONSIBILITY IN THE STRUCTURE OF RUSSIANS' CONCEPTS ABOUT PROFESSIONAL ACTIVITIES³

D. A. Kitova*, A. L. Zhuravlev**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

*Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology.

E-mail: j-kitova@yandex.ru

**Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 07.08.2022

Annotation. The paper analyzes the state of research on the phenomenon of responsibility in the scientific literature and its place within the framework of psychological knowledge, including in the context of professional and entrepreneurial activities. It is shown that the macropsychological analysis of the attitude of Russians to the social aspects of responsibility as a psychological phenomenon is an actual, but little studied problem. The study is aimed at identifying the structural and content characteristics of social network users' perceptions of professional responsibility as a unique (not identical) phenomenon to other types of responsibility. In accordance with the stated goal, there is an appeal to neural network automated methods for analyzing large amounts of information according to semantic, frequency and emotional criteria. The general classification of messages is made in the expert mode. The results of the study made it possible to formulate a number of main conclusions: responsibility is perceived as an inalienable component of professional activity; the greatest responsibility is attributed to professionals responsible for the well-being of others; the more people are in the sphere of distribution of the powers of a professional, the higher the level of responsibility attributed to him; professional responsibility gives rise to a wide range of different experiences, in the structure of which a dishonest attitude to the fulfillment of one's obligations causes extremely negative assessments. The paper reveals the principles of personalization and depersonalization of responsibility. In the future, an analysis of similar ideas of residents of other countries is proposed.

Keywords: responsibility, professional responsibility, entrepreneurial activity, macropsychology, user messages, automated analysis, emotional background, authority, attribution, negative assessments, personalization, depersonalization.

REFERENCES

1. *Dvojnikova A.A., Karpov A.A.* Analiticheskij obzor podhodov k raspoznavaniyu tonal'nosti russkoyazychnyh tekstovyyh dannyh. *Informacionno-upravlyayushchie sistemy.* 2020. № 4 (107). P. 20–30. (In Russian)
2. *Dementij L.I.* K probleme mery otvetstvennosti. *Lichnost'.* Kul'tura. Obshchestvo. 2004. V. 6. № 3 (23). P. 264–274. (In Russian)
3. *Demidova O.A.* Metod maksimal'nogo pravdopodobiya. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (date of access: 28.03.2022). (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Social'no-psihologicheskie resursy razvitiya obshchestva v usloviyah cifrovyyh tekhnologiy. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika.* 2020. V. 8. № 2 (30). P. 24–40. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7301. (In Russian)
5. *Kochneva E.M., Morozova L.B.* Professional'naya otvetstvennost' kak predmet psihologicheskikh issledovaniy. *Vestnik Mininskogo universiteta.* 2016. № 4 (17). P. 30. (In Russian)
6. *Rubcova Yu.V.* Avtomaticheskoe postroenie i analiz korpusa korotkikh tekstov (postov mikroblogov) dlya zadachi razrabotki i trenirovki tonovogo klassifikatora. *Inzheneriya znaniy i tekhnologii semanticheskogo veba.* 2012. V. 1. P. 109–116. (In Russian)
7. *Spenser L., Spenser M.* Kompetencii na rabote. Modeli maksimal'noj effektivnosti raboty. M.: Izd-vo GIPPO, 2010. (In Russian)
8. *Chirkova T.I., Kochneva E.M., Myalkina S.P.* Professional'nye riski v strukture professional'noj deyatel'nosti psihologa: kontekst vuzovskoy podgotovki. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal "Koncept".* 2014. № 6. P. 171–175. (In Russian)
9. *Korobov M.* Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. *Communications in Computer and Information Science.* 2015. V. 542. P. 330–342.

³ The study was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 21-18-00541.

**ПСИХОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 316.643.2

**АЛЬТРУИСТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА ВЫПУСКНИКОВ
МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА КАК ПРЕДИКТОР ОРИЕНТАЦИЙ
В ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ**

© 2022 г. В. Ю. Хотинец^{1,*}, Е. Н. Леонова^{2,**}

¹Удмуртский государственный университет;
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, Россия.

²Ижевская государственная медицинская академия Минздрава России;
426034, г. Ижевск, ул. Коммунаров, д. 281, Россия.

*Заслуженный деятель науки УР, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий.

E-mail: khotinets@mail.ru

**Преподаватель кафедры педагогики, психологии и психосоматической медицины.

E-mail: leonova@psyman.pro

Поступила 09.02.2022

Аннотация. На выборке из 367 выпускников медицинской академии ($Me = 25$; $IQR (24; 26)$; 30% мужчин, 70% женщин) проведено исследование, посвященное проблеме факторов помогающего поведения в социально значимых сферах деятельности и помогающих профессиях. Построена и эмпирически подтверждена теоретическая модель социально-психологической детерминации помогающего поведения в трудных ситуациях: альтруистическая установка личности является предиктором ориентаций в трудных ситуациях, а именно определяет осознанный выбор ориентаций с усилением антиципационной активности, проявляющейся в избирательности ресурсов совладания и регуляции поведения в достижении цели. Эмпирически выявлено, что альтруистическая установка на основе вариативности отношений и выраженности компонентов оказывает воздействие на ориентации в трудных ситуациях оказания помощи и антиципационную активность субъекта совладания: 1) установка на истинный альтруизм ориентирует на сближение с трудными ситуациями оказания помощи для самосовершенствования и получения позитивных эмоций, актуализируя антиципационную активность субъекта совладания; 2) установка на прагматичную помощь ориентирует на оптимальные усилия в трудных ситуациях оказания помощи для получения выгоды, актуализируя антиципационную активность субъекта совладания; 3) установка на избегание помощи другим ориентирует на избирательное сближение с трудными ситуациями оказания помощи, ингибируя антиципационную активность субъекта совладания; 4) установка на бездействующий эгоцентризм ориентирует на отдаление от трудных ситуаций оказания помощи для сохранения ресурсов и минимизации усилий, ингибируя антиципационную активность субъекта совладания.

Ключевые слова: просоциальное поведение, помогающее поведение, альтруизм, альтруистическая установка, ориентации в трудных ситуациях, ресурсы совладания, антиципационная активность.

DOI: 10.31857/S020595920022784-8

В современном социальном контексте актуальность изучения помогающего поведения в трудных ситуациях связана, с одной стороны, с повышением трудности ситуаций оказания помощи, с другой — со снижением социальной активности личности по оказанию помощи другим. На доминирующие позиции у молодежи выходит социальная активность, направленная на себя, для удовлетворения собственных интересов и потребностей [4; 12],

тогда как альтруистическая активность позиционируется ниже, что предполагает ее ситуативность [12]. Для развития просоциальных практик важным становится вопрос о факторах, детерминирующих помогающее поведение в социально значимых сферах деятельности, как непосредственно связанных с профессиональной помогающей деятельностью, так и в сферах социальной активности личности, направленных на повышение благополучия других.

Помогающее поведение — социальная активность субъектов межличностного взаимодействия, целенаправленная последовательность осознанных действий по оказанию помощи для удовлетворения потребности другого [8; 14; 22; 27; 30; 31; 33]. Отмечается, что помогающее поведение детерминировано как альтруистической, так и эгоцентрической (эгоистической) мотивацией [7; 19; 21; 23; 27; 34]. При альтруистической мотивации конечная цель субъекта помогающего поведения не предполагает прямых выгод для себя [18; 19; 24; 30], и альтруистические личности в большей мере проявляют готовность помогать другим в трудных ситуациях [9; 17]. Субъекты с эгоцентрической мотивацией в большей степени сосредоточены на собственных потребностях при оказании помощи другим [7; 20; 25; 26; 29; 32]. Преодоление трудных ситуаций оказания помощи предполагает осознанный выбор субъектом ориентаций и связанных с ними копингов на сближение и дистанцирование от трудных ситуаций [2]. Субъект совладания выбирает то, что для него является значимым [5; 15; 16]: оказание помощи с использованием собственных ресурсов или игнорирование трудной ситуации и сохранение ресурсов.

Вопрос о вкладе альтруистической установки личности в детерминацию помогающего поведения в трудных ситуациях получает принципиально новое решение с позиций субъектного подхода (А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др.) и диспозиционной концепции социального поведения личности (В.А. Ядов, А.А. Семенов и др.).

Построенная теоретическая модель (рис. 1) дает возможность прогнозировать помогающее поведение

в трудных ситуациях с объяснением детерминирующих факторов [6; 8; 9; 21; 25; 28; 32; 33]. *Альтруистическая установка* как диспозиционное образование третьего уровня иерархии помогающего поведения [17] понимается как социальная установка на помогающее поведение, которая определяет меру готовности субъекта к межличностному взаимодействию: от помощи другим до бездействия по отношению к другим, и ориентирует на просоциальное поведение — от бескорыстного до эгоцентрического. На рис. 1 условные обозначения “+” и “-” отражают вариативность отношений и выраженности компонентов альтруистической установки, на основе соотношения которых возможно определение типов социальных установок на помогающее поведение. Оценка вклада альтруистической установки в детерминацию помогающего поведения производится в трудных ситуациях оказания помощи [17].

Под *трудными ситуациями оказания помощи* понимаются субъективно значимые, сознательно контролируемые ситуации, требующие повышенной целенаправленной социальной активности личности и высоких затрат ресурсов при содействии другому. *Альтруистическая установка в трудных ситуациях оказания помощи* определяет осознанный выбор субъектом ориентаций на сближение или дистанцирование от трудностей с усилением *антиципационной активности*, проявляющейся в избирательности ресурсов совладания и регуляции поведения в достижении цели [13].

Цель исследования — выявление связей компонентов альтруистической установки личности с ориентациями в трудных ситуациях оказания помощи.

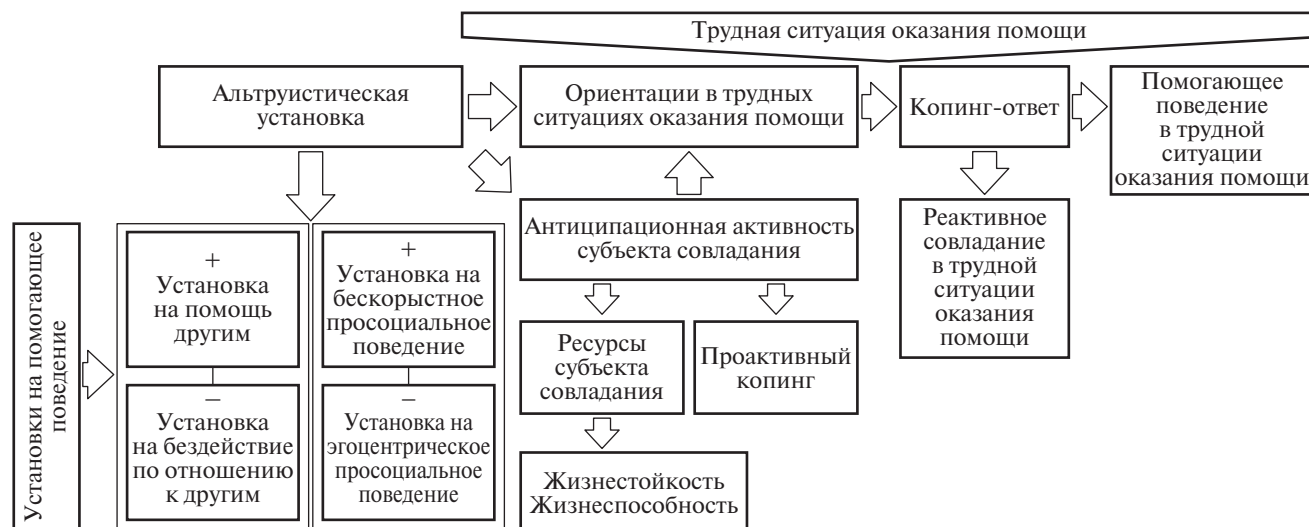

Рис. 1. Теоретическая модель социально-психологической детерминации помогающего поведения в трудных ситуациях

Задачи исследования:

1. Выявить вариативность отношений и выраженности компонентов альтруистической установки личности, образующую типы социальных установок на помогающее поведение.

2. Оценить размер эффекта альтруистической установки на показатели ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи и компоненты антиципационной активности (жизнеспособность, жизнестойкость и проактивный копинг) субъекта совладания.

3. Определить механизм прогнозирования помогающего поведения в трудных ситуациях оказания помощи.

Эмпирической гипотезой исследования выступило предположение о том, что альтруистическая установка с вариативностью отношений и выраженности компонентов оказывает воздействие на ориентации в трудных ситуациях оказания помощи с усилением ресурсности контроля поведения для достижения субъектом поставленной цели.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Выборка исследования составила 367 человек, завершающих обучение в Ижевской государственной медицинской академии по образовательным программам специалитета и ординатуры, с опытом оказания помощи в медицинской деятельности; возраст — от 22 до 55 лет ($Me = 25$; $IQR (24; 26)$), среди них 110 мужчин (30%) и 257 женщин (70%).

Процедура исследования. На первом этапе исследования опрошены 107 человек ($Me = 25$; $IQR (25; 26.5)$); 30% мужчин, 70% женщин) для выявления трудных ситуаций оказания помощи с использованием методики “Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций” [3], по результатам которого оценивались ориентации в трудных ситуациях оказания помощи. На втором этапе участвовали 260 человек ($Me = 25$; $IQR (24; 26)$); 30% мужчин, 70% женщин) для выявления связей компонентов альтруистической установки личности с ориентациями в трудных ситуациях оказания помощи.

Методики исследования. Выраженность альтруистических установок на помогающее поведение оценивалась с помощью “Методики измерения альтруистических установок” М.И. Ясина [18], утверждения которой использовались для факторизации компонентов альтруистической установки личности.

Для выявления трудных ситуаций оказания помощи использовалась методика “Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций” Е.В. Битюцкой, А.А. Корнеева [3] с авторской инструкцией: “Сформулируйте и опишите актуальную для вас ситуацию, связанную с оказанием помощи другим, которую вы воспринимаете как трудную”. К критериям когнитивного оценивания трудности ситуаций относятся: общие признаки трудных ситуаций; неподконтрольность ситуации; непонятность ситуации; необходимость быстрого реагирования; затруднения в принятии решения; трудности прогнозирования ситуации; сильные эмоции; угроза перспективе будущего [3]. Обработка первой части методики производилась с помощью контент-анализа при подсчете частоты встречаемости ситуаций, что позволило выделить группы трудных ситуаций оказания помощи; второй части — на основе средних значений показателей критериев когнитивного оценивания (≥ 4 баллов) для отнесения ситуаций к категории трудных.

Для оценивания ориентаций в выявленных трудных ситуациях оказания помощи применялся опросник “Типы ориентаций в трудных ситуациях” Е.В. Битюцкой и А.А. Корнеева [2] с выделением ориентации на сближение и отдаление от трудностей: стремление к трудностям (драйв); ориентация на высокую трудоемкость (тщательность); ориентация на препятствия; ориентация на возможности; ориентация на сигналы угрозы; ориентация на потери (избегание); ориентация на сохранение ресурсов (бездействие); ориентация на игнорирование трудности (беспечность) [2]. Подсчет показателей осуществлялся с вычислением средних значений по каждой шкале.

Для диагностики антиципационной активности, способствующей совладанию с трудными ситуациями оказания помощи, применялись: 1) методика “Жизнеспособность личности” А.А. Нестеровой, оценивающая интегральный показатель и структурные компоненты жизнеспособности: активность и инициатива; социальная компетентность и социальная поддержка; позитивные установки и гибкость; самоорганизация и планирование будущего; самомотивация и достижения; эмоциональный контроль и саморегуляция; адаптивные стили поведения; самоуважение [10]; 2) краткая версия Теста жизнестойкости в адаптации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой, оценивающего интегральный показатель и структурные компоненты жизнестойкости: вовлеченность, контроль и принятие риска [11]; 3) “Опросник проактивного копинга” в адаптации Е.П. Белинской, А.В. Вечерина, Е.Р. Агадуллиной, разработанный на основе

модели Е. Грингласс, со шкалами: проактивное совладание; рефлексивное совладание; стратегическое планирование; превентивное совладание; поиск инструментальной поддержки; поиск эмоциональной поддержки [1]. Подсчет показателей осуществлялся посредством суммирования баллов по каждой шкале.

Методы обработки данных. Статистическая обработка данных произведена в среде разработки RStudio 1.4.1717 с использованием дополнительных пакетов psych 2.1.9, GPArotation 2014.11-1, FactoMineR 2.4, factoextra 1.0.7, NbClust 3.0 и с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 25.0.

Для выявления компонентов альтруистической установки личности применялся эксплораторный факторный анализ утверждений опросника “Методика измерения альтруистических установок”. Для построения факторов использовался метод максимального правдоподобия; вращение выделенных факторов осуществлялось методом промакс с нормализацией Кайзера; количество факторов определялось методом параллельного анализа Хорна; значение факторов для каждого респондента вычислялось методом регрессии.

Для анализа связей компонентов альтруистической установки с показателями ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи и антиципационной активности субъекта совладания проводился корреляционный анализ по критерию ρ Пирсона с коррекцией на множественную проверку методом Бенджамини—Хохберга (p_{BH}).

Для выявления типов социальных установок на помогающее поведение использовался кластерный анализ методом k -средних. В качестве переменных для кластеризации были выбраны значения компонентов альтруистической установки, вычисленные методом регрессии по результатам факторного анализа.

Для установления эффектов альтруистической установки на ориентации в трудных ситуациях оказания помощи и показатели антиципационной активности (жизнеспособность, жизнестойкость и проактивный копинг) использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (F -критерий Фишера) с апостериорными попарными сравнениями групп (τ -критерий Стьюдента) с коррекцией Тьюки. Гипотеза H_1 содержала утверждение о том, что по крайней мере два средних значения зависимой переменной, соответствующие разным градациям независимой переменной, различаются. Размер эффекта рассчитывался при помощи этаквадрат (η^2), апостериорных попарных сравнений

групп d Коэна (d_{cohen}). Для проверки гипотезы о том, что все распределения зависимой переменной для сравниваемых выборок имеют одинаковые дисперсии, использовался критерий равенства дисперсий Левена ($p > 0.05$).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Компоненты альтруистической установки выявлены по результатам эксплораторного факторного анализа показателей утверждений опросника “Методика измерения альтруистических установок” [18]. В связи с низкой факторной нагрузкой в первом решении были исключены из дальнейшей процедуры п. 16 и 22, и в итоговое факторное решение вошло только 16 утверждений. Критерий сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 1009.14$, $df = 120$, $p < 0.001$) свидетельствует о пригодности полученных данных для факторизации; величина Кайзера—Мелькина—Олькина, равная 0.8, показывает высокую адекватность выборки для использования метода максимального правдоподобия.

По результатам факторного анализа выявлены два фактора с включением полярных утверждений, что позволило условно присвоить им дихотомические названия (см. приложение, табл. П.1).

Фактор 1 “Установка на помощь другим — Установка на бездействие по отношению другим” ($\alpha = 0.78$) объясняет 18% общей дисперсии, в него вошли утверждения: “Помогать другим людям — как правило, дело бесполезное” (0.69); “Тратить свое время и силы на помощь другим не имеет смысла: вряд ли они ответят тебе тем же” (0.62); “Я не люблю помогать другим: пусть сами о себе позаботятся” (0.59); “Я не верю в то, что в случае беды хоть кто-то придет мне на помощь” (0.57); “Люди достаточно добры по своей природе, и если я окажусь в беде, то кто-то мне все же поможет” (–0.51); “Увидев на улице несчастный случай, я пройду мимо, это не мое дело” (0.45); “Помогать другим людям — большая радость” (–0.43); “Я придерживаюсь принципа: помоги другому, и добро к тебе вернется” (–0.40); “В мире есть масса дел, которые стоит выполнять совершенно бескорыстно” (–0.37); “Если я вижу физические страдания другого (например, рану), я стараюсь чем-то помочь” (–0.35); “Мне бы хотелось иметь условия для того, чтобы приносить пользу людям” (–0.35).

Фактор 2 “Установка на бескорыстное просоциальное поведение — Установка на эгоцентрическое просоциальное поведение” ($\alpha = 0.73$) объясняет 13% общей дисперсии, в него вошли утверждения: “Прежде чем взяться за какую-либо работу,

я спрашиваю, сколько за это заплатят” (0.73); “Если мне предлагают что-то сделать на общественных началах, я задумываюсь, а что мне это даст” (0.67); “Я часто сперва берусь выполнить какую-то работу и не спрашиваю, какую выгоду это принесет лично мне” (–0.66); “Я считаю, что всякая работа должна оплачиваться, иначе не стоит ее предлагать” (0.53); “Если мне предлагают что-то сделать на общественных началах, я обычно отказываюсь” (0.41).

Трудные ситуации оказания помощи. По результатам когнитивного оценивания ситуаций оказания помощи по критериям трудности с использованием методики “Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций” [3] выделено четыре группы трудных ситуаций оказания помощи.

К первой группе трудных ситуаций оказания помощи отнесены *организационные трудности* (40.2%) по критериям: общие признаки трудной жизненной ситуации ($M = 4.52$; $SD = 1.01$); угроза перспективе будущего ($M = 4.58$; $SD = 1.29$), с которыми респонденты сталкиваются достаточно часто ($Mo = 6.00$; $Me = 3.50$; $M = 3.48$; $SD = 2.04$). Ко второй группе — *риск совершения профессиональной ошибки* (20.6%) по критериям: общие признаки трудной жизненной ситуации ($M = 4.67$; $SD = 0.74$); необходимость быстрого, активного реагирования ($M = 4.34$; $SD = 1.15$); затруднения в принятии решения ($M = 4.01$; $SD = 1.05$); сильные эмоции ($M = 4.16$; $SD = 0.82$); угроза перспективе будущего ($M = 4.56$; $SD = 1.21$), которые связаны у респондентов с возможностью некачественного выполнения профессиональной помогающей деятельности в будущем ($Mo = 1.00$; $Me = 2.50$; $M = 3.28$; $SD = 2.08$). К третьей группе — *чрезмерная загруженность в связи с совместительством* (16.8%) по критериям: общие признаки трудной жизненной ситуации ($M = 4.82$; $SD = 0.95$); угроза перспективе будущего ($M = 4.91$; $SD = 0.84$), в которых респонденты находятся на протяжении определенного периода времени ($Mo = 6.00$; $Me = 3.50$; $M = 3.48$; $SD = 2.04$). К четвертой группе — *эмоциональная напряженность в связи с высокой конфликтностью участников взаимодействия* (11.2%) по критериям: необходимость быстрого и активного реагирования

($M = 4.54$; $SD = 0.98$); переживание сильных эмоций ($M = 4.02$; $SD = 1.06$), которые у респондентов происходят достаточно часто ($Mo = 5.00$; $Me = 5.00$; $M = 4.75$; $SD = 0.62$).

По результатам корреляционного анализа выявлены связи компонентов альтруистической установки с показателями ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи ($p_{\text{ВН}} < 0.05$) и антиципационной активности субъекта совладания ($p_{\text{ВН}} < 0.05$) (см. приложение, табл. П.2).

Типы социальных установок на помогающее поведение выявлены при помощи кластерного анализа компонентов альтруистической установки методом *k*-средних, по результатам которого получены значения центроидов кластеров, представленных в табл. 1.

Кластер 1 “*Истинный альтруизм*” включает респондентов (28%) с выраженностью установок на помощь другим и бескорыстное просоциальное поведение; кластер 2 “*Избегание помощи другим*” (32%) — бездействие по отношению к другим и бескорыстное просоциальное поведение; кластер 3 “*Прагматичная помощь*” (25%) — помощь другим и эгоцентрическое просоциальное поведение; кластер 4 “*Бездействующий эгоцентризм*” (15%) — бездействие по отношению к другим и эгоцентрическое просоциальное поведение.

Эффекты альтруистической установки. При помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) выявлен статистически достоверный размер эффекта альтруистической установки с вариативностью отношений и выраженности компонентов на показатели:

1) *ориентации в трудных ситуациях оказания помощи*: ориентация на сохранение ресурсов (бездействие) $F(3, 255) = 6.23$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.07$; ориентация на высокую трудоемкость (тщательность) $F(3, 255) = 6.01$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.07$; стремление к трудностям (драйв) $F(3, 255) = 5.21$, $p = 0.002$, $\eta^2 = 0.06$; ориентация на возможности $F(3, 255) = 5.00$, $p = 0.002$, $\eta^2 = 0.06$ (рис. 2);

2) *жизнеспособности*: общий показатель $F(3, 256) = 7.56$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.08$; социальная компетентность и социальная поддержка

Таблица 1. Центроиды кластеров на основе компонентов альтруистической установки

Переменная	Кластер 1 ($n = 73$)	Кластер 2 ($n = 83$)	Кластер 3 ($n = 65$)	Кластер 4 ($n = 39$)
Установка на помощь другим — Установка на бездействие по отношению к другим	–0.85	0.31	–0.31	1.46
Установка на бескорыстное просоциальное поведение — Установка на эгоцентрическое просоциальное поведение	–0.92	–0.27	0.77	1.02

Примечание. Сумма квадратов кластеров — 71.8%.

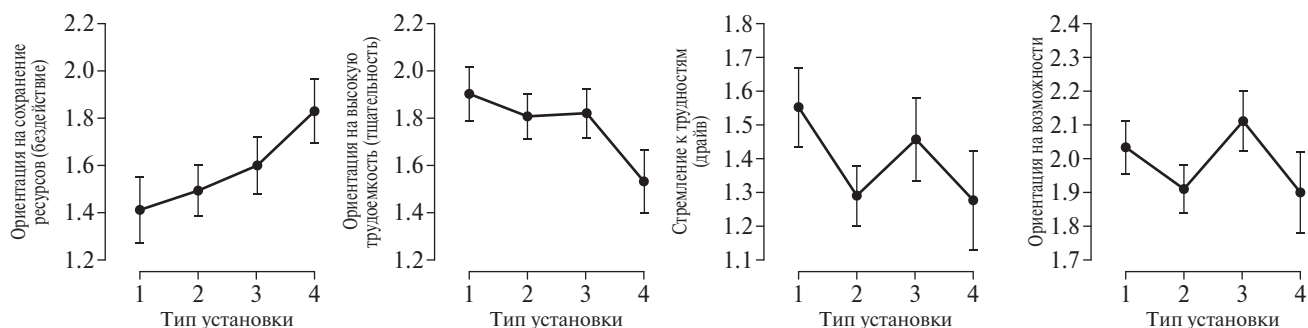

Рис. 2. Различия в выраженности показателей ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи между группами респондентов с разными типами установки на помогающее поведение: 1 — истинный альтруизм; 2 — избегание помощи другим; 3 — прагматичная помощь; 4 — бездействующий эгоцентризм

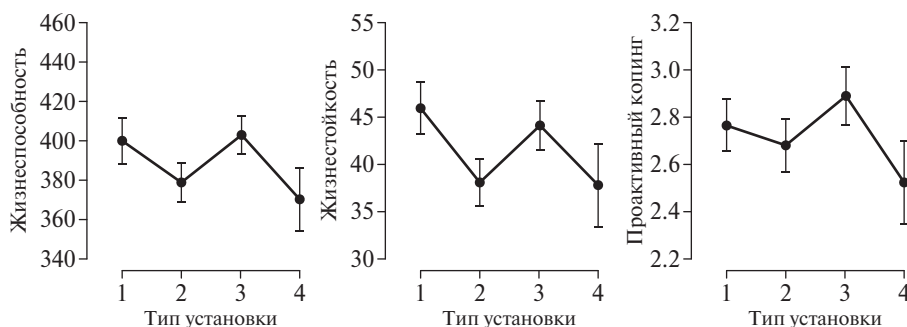

Рис. 3. Различия в выраженности показателей антиципационной активности между группами респондентов с разными типами установки на помогающее поведение

$F(3, 256) = 9.42, p < 0.001, \eta^2 = 0.10$; самоуважение $F(3, 256) = 9.04, p < 0.001, \eta^2 = 0.10$; позитивные установки и гибкость $F(3, 256) = 7.65, p < 0.001, \eta^2 = 0.08$; активность и инициатива $F(3, 256) = 5.84, p < 0.001, \eta^2 = 0.07$; самомотивация и достижения $F(3, 256) = 5.16, p = 0.002, \eta^2 = 0.06$; адаптивные стили поведения $F(3, 256) = 2.77, p = 0.042, \eta^2 = 0.03$;

3) *жизнестойкости*: общий показатель $F(3, 255) = 8.64, p < 0.001, \eta^2 = 0.09$; вовлеченность $F(3, 255) = 9.83, p < 0.001, \eta^2 = 0.10$; принятие риска $F(3, 255) = 7.16, p < 0.001, \eta^2 = 0.08$; контроль $F(3, 255) = 4.92, p = 0.002, \eta^2 = 0.06$;

4) *проактивный копинг* $F(3, 256) = 4.75, p = 0.003, \eta^2 = 0.05$ (рис. 3).

По результатам апостериорного попарного сравнения групп респондентов с разными типами установки на помогающее поведение выявлены достоверные различия (d_{cohen}) в выраженности показателей ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи и компонентов антиципационной активности субъекта совладания.

Респонденты с установками на “Истинный альтруизм” и “Избегание помощи другим” различаются по показателям:

1) *ориентации в трудных ситуациях оказания помощи*: стремление к трудностям (драйв) ($t = 3.45, d_{\text{cohen}} = 0.57, p_{\text{tukey}} = 0.004$);

2) *жизнеспособности*: общий показатель ($t = 3.02, d_{\text{cohen}} = 0.47, p_{\text{tukey}} = 0.015$), социальная компетентность и социальная поддержка ($t = 3.97, d_{\text{cohen}} = 0.64, p_{\text{tukey}} < 0.001$), позитивные установки и гибкость ($t = 3.61, d_{\text{cohen}} = 0.64, p_{\text{tukey}} = 0.002$), самоуважение ($t = 3.83, d_{\text{cohen}} = 0.63, p_{\text{tukey}} < 0.001$), активность и инициатива ($t = 2.91, d_{\text{cohen}} = 0.47, p_{\text{tukey}} = 0.021$);

3) *жизнестойкости*: общий показатель ($t = 4.31, d_{\text{cohen}} = 0.70, p_{\text{tukey}} < 0.001$), вовлеченность ($t = 4.80, d_{\text{cohen}} = 0.79, p_{\text{tukey}} < 0.001$), принятие риска ($t = 4.00, d_{\text{cohen}} = 0.66, p_{\text{tukey}} < 0.001$), контроль ($t = 2.75, d_{\text{cohen}} = 0.44, p_{\text{tukey}} = 0.033$).

Достоверных различий по показателям ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи и антиципационной активности субъекта совладания между респондентами с установками на “Истинный альтруизм” и “Прагматичная помощь” не выявлено.

Респонденты с установками на “Истинный альтруизм” и “Бездействующий эгоцентризм” различаются по показателям:

1) *ориентации в трудных ситуациях оказания помощи*: ориентация на высокую трудоемкость (тщательность) ($t = 4.19, d_{\text{cohen}} = 0.79, p_{\text{tukey}} < 0.001$), ориентация на сохранение ресурсов (бездействие) ($t = -4.14, d_{\text{cohen}} = -0.78, p_{\text{tukey}} \leq 0.001$), стремление к трудностям (драйв) ($t = 2.94, d_{\text{cohen}} = 0.56, p_{\text{tukey}} = 0.019$);

2) *жизнеспособности*: общий показатель ($t = 3.41$, $d_{\text{cohen}} = 0.62$, $p_{\text{tukey}} = 0.004$), социальная компетентность и социальная поддержка ($t = 3.93$, $d_{\text{cohen}} = 0.79$, $p_{\text{tukey}} < 0.001$), позитивные установки и гибкость ($t = 3.75$, $d_{\text{cohen}} = 0.74$, $p_{\text{tukey}} = 0.001$), активность и инициатива ($t = 3.78$, $d_{\text{cohen}} = 0.68$, $p_{\text{tukey}} = 0.001$), самоуважение ($t = 3.07$, $d_{\text{cohen}} = 0.57$, $p_{\text{tukey}} = 0.013$);

3) *жизнестойкости*: общий показатель ($t = 3.56$, $d_{\text{cohen}} = 0.66$, $p_{\text{tukey}} = 0.002$), вовлеченность ($t = 3.78$, $d_{\text{cohen}} = 0.70$, $p_{\text{tukey}} = 0.001$), принятие риска ($t = 3.64$, $d_{\text{cohen}} = 0.68$, $p_{\text{tukey}} = 0.002$).

Респонденты с установками на “Избегание помощи другим” и “Прагматичную помощь” различаются по показателям:

1) *ориентации в трудных ситуациях оказания помощи*: ориентация на возможности ($t = -3.38$, $d_{\text{cohen}} = -0.56$, $p_{\text{tukey}} = 0.005$);

2) *жизнеспособности*: общий показатель ($t = -3.32$, $d_{\text{cohen}} = -0.60$, $p_{\text{tukey}} = 0.006$), самоуважение ($t = -4.13$, $d_{\text{cohen}} = -0.73$, $p_{\text{tukey}} < 0.001$), социальная компетентность и социальная поддержка ($t = -3.46$, $d_{\text{cohen}} = -0.57$, $p_{\text{tukey}} = 0.004$), самомотивация и достижения ($t = -2.83$, $d_{\text{cohen}} = -0.48$, $p_{\text{tukey}} = 0.026$), позитивные установки и гибкость ($t = -2.84$, $d_{\text{cohen}} = -0.47$, $p_{\text{tukey}} = 0.025$);

3) *жизнестойкости*: вовлеченность ($t = -3.22$, $d_{\text{cohen}} = -0.57$, $p_{\text{tukey}} = 0.008$), принятие риска ($t = -3.23$, $d_{\text{cohen}} = -0.56$, $p_{\text{tukey}} = 0.008$), контроль ($t = -3.05$, $d_{\text{cohen}} = -0.52$, $p_{\text{tukey}} = 0.013$).

Респонденты с установками на “Избегание помощи другим” и “Бездействующий эгоцентризм” различаются по показателям *ориентации в трудных ситуациях оказания помощи*: ориентация на сохранение ресурсов (бездействие) ($t = -3.40$, $d_{\text{cohen}} = -0.70$, $p_{\text{tukey}} = 0.004$), ориентация на высокую трудоемкость (тщательность) ($t = 3.17$, $d_{\text{cohen}} = 0.64$, $p_{\text{tukey}} = 0.009$).

Респонденты с установками на “Прагматичную помощь” и “Бездействующий эгоцентризм” различаются по показателям:

1) *ориентации в трудных ситуациях оказания помощи*: ориентация на высокую трудоемкость (тщательность) ($t = 3.18$, $d_{\text{cohen}} = 0.68$, $p_{\text{tukey}} = 0.009$), ориентация на возможности ($t = 2.89$, $d_{\text{cohen}} = 0.58$, $p_{\text{tukey}} = 0.022$);

2) *жизнеспособности*: общий показатель ($t = 3.67$, $d_{\text{cohen}} = 0.77$, $p_{\text{tukey}} = 0.002$), самомотивация и достижения ($t = 3.71$, $d_{\text{cohen}} = 0.80$, $p_{\text{tukey}} = 0.001$), социальная компетентность и социальная поддержка ($t = 3.54$, $d_{\text{cohen}} = 0.70$, $p_{\text{tukey}} = 0.003$), самоуважение ($t = 3.35$, $d_{\text{cohen}} = 0.65$, $p_{\text{tukey}} = 0.005$), позитивные установки и гибкость ($t = 3.14$, $d_{\text{cohen}} = 0.57$,

$p_{\text{tukey}} = 0.01$), активность и инициатива ($t = 2.77$, $d_{\text{cohen}} = 0.56$, $p_{\text{tukey}} = 0.031$);

3) *жизнестойкости*: общий показатель ($t = 2.71$, $d_{\text{cohen}} = 0.54$, $p_{\text{tukey}} = 0.036$);

4) *проактивный копинг* ($t = 3.56$, $d_{\text{cohen}} = 0.72$, $p_{\text{tukey}} = 0.002$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

По результатам эксплораторного факторного анализа выявлены компоненты альтруистической установки личности: 1) “Установка на помощь другим — Установка на бездействие по отношению к другим” и 2) “Установка на бескорыстное просоциальное поведение — Установка на эгоцентрическое просоциальное поведение”. *Установка на помощь другим* определяет меру готовности субъекта к межличностному взаимодействию в ситуации оказания помощи в целях совершения целенаправленных, последовательных, осознанных действий (поступков) для удовлетворения потребности другого. *Установка на бескорыстное просоциальное поведение* определяет ориентацию субъекта на отсутствие/получение выгоды от межличностного взаимодействия в ситуации оказания помощи.

Для установления сознательно контролируемых трудных ситуаций оказания помощи, требующих повышенной целенаправленной социальной активности личности и усиления ее ресурсных возможностей, проведена процедура когнитивного оценивания ситуаций по критериям трудности, что позволило выделить четыре группы ситуаций: организационные трудности, риск совершения профессиональной ошибки, чрезмерная загруженность в связи с совместительством, эмоциональная напряженность в связи с высокой конфликтностью участников взаимодействия. Оценка ориентаций респондентов осуществлялась в связи с выделенными трудными ситуациями оказания помощи.

Данные корреляционного анализа показали:

1) при актуализации *установки на помощь другим* повышается готовность включения в решение трудных ситуаций оказания помощи в межличностном взаимодействии с использованием имеющихся ресурсов и регуляцией поведения в достижении целей;

2) при актуализации *установки на бескорыстное просоциальное поведение* повышается субъектная активность в сближении с трудными ситуациями оказания помощи и применении трудоемких способов для получения удовлетворения от достижения

целей. В результате было продолжено изучение альтруистической установки как предиктора ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи в согласовании с ресурсами совладания и проактивного копинга.

При помощи кластерного анализа (см. табл. 1), где в качестве переменных для кластеризации были выбраны значения факторов альтруистической установки, выявлено четыре типа социальных установок на помогающее поведение: истинный альтруизм, избегание помощи другим, прагматичная помощь, бездействующий эгоцентризм. Установка на *“Истинный альтруизм”* определяет стремление помогать другим и не ориентирует на личные выгоды. Установка на *“Избегание помощи другим”* определяет готовность к выгодному бездействию в ситуации оказания помощи. Установка на *“Прагматичную помощь”* определяет готовность на помощь при условии получения выгоды. Установка на *“Бездействующий эгоцентризм”* определяет готовность к бездействию в ситуации оказания помощи и ориентирует на личные выгоды.

Полученные типы социальных установок на помогающее поведение дополняют модель нетворкинг-стратегий личности, в исследованиях которой установлены различия в выраженности ценностных и поведенческих компонентов четырех социальных стратегий, различающихся мерой готовности к оказанию помощи другим [8; 9]. Выявленные в нашей работе установки на *“Прагматичную помощь”* и *“Бездействующий эгоцентризм”* согласуются с результатами исследований, в которых установлена эгоцентрическая ориентация личности на удовлетворение собственных потребностей и получение выгоды от взаимодействия с другими [8; 20; 23; 25; 26; 32], показана низкая эмпатия у эгоцентрических личностей, бездействующих в ситуации оказания помощи [28].

Средствами однофакторного дисперсионного анализа определен средний размер эффекта альтруистической установки на ориентации в трудных ситуациях оказания помощи (см. рис. 2) и антиципационную активность субъекта совладания (см. рис. 3). Обнаружено, что альтруистическая установка личности с различным соотношением компонентов определяет осознанный выбор субъектом направленности ориентаций как на сближение с трудными ситуациями оказания помощи с использованием ресурсов для достижения трудных целей, так и дистанцирование от трудных ситуаций с минимизацией усилий и сохранением имеющихся. Вместе с тем определены эффекты на показатели: 1) жизнеспособности, определяющей процессы саморегуляции и успешной адаптации

в трудной ситуации; 2) жизнестойкости, способствующей устойчивости в стрессовой ситуации и совладанию со стрессом; 3) проактивного копинга, регулирующего накопление и использование ресурсов для достижения целей. Это свидетельствует о том, что при актуализации альтруистической установки в трудной ситуации оказания помощи усиливается ресурсность контроля поведения для достижения поставленной цели, что подтверждает эмпирическую гипотезу с объяснением детерминации помогающего поведения в трудных ситуациях.

В ходе апостериорных попарных сравнений обнаружены различия в помогающем поведении в трудных ситуациях оказания помощи между группами респондентов с разными типами социальной установки. Установка на *“Истинный альтруизм”* ориентирует субъекта на сближение с трудными ситуациями оказания помощи для получения позитивных эмоций и самосовершенствования. Установка на *“Прагматичную помощь”* ориентирует субъекта на оптимальные усилия в трудной ситуации оказания помощи для получения выгоды. Установки на *“Истинный альтруизм”* и *“Прагматичную помощь”* актуализируют антиципационную активность субъекта совладания, свидетельствующую о готовности к реактивному совладанию в трудных ситуациях оказания помощи. Установка на *“Избегание помощи другим”* ориентирует субъекта на избирательное сближение с трудными ситуациями оказания помощи. Установка на *“Бездействующий эгоцентризм”* ориентирует субъекта на отдаление от трудных ситуаций оказания помощи для сохранения ресурсов и минимизации усилий. Установки на *“Избегание помощи другим”* и *“Бездействующий эгоцентризм”* ингибируют антиципационную активность субъекта совладания с низкой готовностью к реактивному совладанию в трудных ситуациях оказания помощи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Построена теоретическая модель социально-психологической детерминации помогающего поведения в трудных ситуациях, при эмпирическом подтверждении которой был выделен механизм прогнозирования помогающего поведения. Альтруистическая установка определяет осознанный выбор ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи с усилением антиципационной активности, детерминирующей ресурсность контроля поведения для достижения поставленной цели. Полученные результаты исследования имеют практическое значение в социально значимых сферах

и помогающих профессиях для актуализации мотивов, определяющих и задающих помогающее поведение.

Ограничения исследования распространяются на выбор: 1) предмета исследования, в частности, альтруистическая установка изучалась в работе как готовность к поступкам по регулярному оказанию помощи другим, не рассматривались ситуационные факторы в детерминации помогающего поведения; 2) стратегии построения групп (организации выборки) с привлечением выпускников медицинского вуза с неоднородностью по полу (превалированием женщин).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадулина Е.Р.* Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211.
2. *Битюцкая Е.В., Корнеев А.А.* Диагностика факторов копинга: апробация опросника “Типы ориентаций в трудных ситуациях” // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 97–111.
3. *Битюцкая Е.В., Корнеев А.А.* Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 145–161.
4. *Бочарова Е.Е.* Структурная организация регулятивных факторов различных форм социальной активности молодежи // Вестник Удмуртского университета. Серия “Философия. Психология. Педагогика”. 2018. Т. 28. № 4. С. 383–389.
5. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2013. Т. 19. № 5. С. 184–188.
6. *Кухтова Н.В.* Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 3. С. 273–287.
7. *Леонова Е.Н., Леонов И.Н.* Нарциссические черты личности как предикторы альтруистических установок у врачей-ординаторов // Научное мнение. 2021. № 5. С. 112–119.
8. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Свенцицкий А.Л., Почебут Л.Г.* Ценности и социальное поведение людей с различными нетворкинг-стратегиями // Петербургский психологический журнал. 2019. № 29. С. 60–83.
9. *Недошивина М.А.* Эффект социального доказательства и альтруистическая направленность личности как факторы просоциального поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 194. С. 230–241.
10. *Нестерова А.А.* Разработка и валидизация методики “Жизнеспособность личности” // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 93–108.
11. *Осин Е.Н., Рассказова Е.И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
12. *Психология социальной активности молодежи /* Под ред. Р.М. Шамионова. М.: Перо, 2020. 200 с.
13. *Сергиенко Е.А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.
14. *Социальная психология: традиции и современность /* Под общ. ред. А.Л. Свенцицкого, С.Д. Гуриевой; Сост. Т.Б. Позднякова. СПб.: Скифия-принт, 2020.
15. *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте /* Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
16. *Хотинец В.Ю., Коробейникова Я.П.* Психологические механизмы продуктивного копинг-поведения в проблемных коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 59–73.
17. *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013.
18. *Ясин М.И.* Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 77–85.
19. *Batson C.D.* Empathy-induced altruistic motivation // Prosocial motives, emotions, and behavior / Eds. M. Mikulincer, P.R. Shaver. Washington, DC: American Psychological Association, 2010. P. 15–35.
20. *Berman J.Z., Silver I.* Prosocial behavior and reputation: When does doing good lead to looking good? // Current Opinion in Psychology. 2022. № 43. P. 102–107.
21. *Carlson R.W., Zaki J.* Good deeds gone bad: Lay theories of altruism and selfishness // Journal of Experimental Social Psychology. 2018. № 75. P. 36–40.
22. *Everett J.A., Caviola L., Kahane G., Savulescu J., Faber N.S.* Doing good by doing nothing? The role of social norms in explaining default effects in altruistic contexts // European Journal of Social Psychology. 2015. № 45 (2). P. 230–241.
23. *Hart W., Tortoriello G.K., Richardson K.* Feeling good about oneself heightens, not hinders, the goodness in narcissism // Current Psychology. 2018. № 38 (5). P. 1399–1408.
24. *Kaltwasser L., Hildebrandt A., Wilhelm O., Sommer W.* On the relationship of emotional abilities and prosocial

- behavior // *Evolution and Human Behavior*. 2016. № 38 (3). P. 298–308.
25. *Konrath S., Ho M.-H., Zarins S.* The strategic helper: Narcissism and prosocial motives and behaviors // *Current Psychology*. 2016. № 35. P. 182–194.
26. *Konrath S., Tian Y.* Narcissism and prosocial behavior // *The handbook of trait narcissism: Key advances, research methods, and controversies* / Eds. A.D. Hermann, A.B. Brunell, J.D. Foster. N.Y.: Springer, 2018. P. 309–316.
27. *Krebs D.L.* Prosocial Behavior // *Evolutionary Perspectives on Social Psychology* / Eds. V. Zeigler-Hill, L.L.M. Welling, T.K. Shackelford. N.Y.: Springer, 2015. P. 231–242.
28. *Ning H.E., Yunli Z.H.U.* Self-love and other-love: Research on the relationships among narcissism, empathy and implicit altruism // *Acta Psychologica Sinica*. 2016. № 48 (2). P. 199–210.
29. *Palmer J.A., Tackett S.* An examination of the dark triad constructs with regard to prosocial behavior // *Acta Psychopathologica*. 2018. № 4. P. 1–3.
30. *Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I.* Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions // *Current Opinion in Psychology*. 2022. № 44. P. 124–129.
31. *Poepsel D.L., Schroeder D.A.* Helping and prosocial behavior // *HKU PSYC2020, Fundamentals of Social Psychology*. Noba Textbook Series: Psychology / Eds. R. Biswas-Diener, E. Diener. Champaign, IL: DEF Publishers, 2018. P. 141–158.
32. *Raine A., Uh S.* The selfishness questionnaire (SQ): ego-centric, adaptive, and pathological forms of selfishness // *Journal of Personality Assessment*. 2018. № 101. P. 503–514.
33. *Schroeder D.A., Graziano W.G.* Prosocial behavior as a human essence // *The Oxford handbook of the human essence* / Eds. M. Zomerren, J.F. Dovidio. Oxford University Press, 2018. P. 109–121.
34. *Wiwad D., Akinin L.B.* Motives matter: The emotional consequences of recalled self- and other-focused prosocial acts // *Motivation and Emotion*. 2017. № 41 (6). P. 730–740.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П.1. Результаты факторного анализа показателей утверждений опросника “Методика измерения альтруистических установок” М.И. Ясина ($N = 260$)

Утверждение	Фактор 1	Фактор 2	h^2	com
9. Помогать другим людям — как правило, дело бесполезное	0.69	0.05	0.50	1.0
7. Тратить свое время и силы на помощь другим не имеет смысла: вряд ли они ответят тебе тем же	0.62	0.05	0.42	1.0
3. Я не люблю помогать другим: пусть сами о себе позаботятся	0.59	0.14	0.44	1.1
21. Я не верю в то, что в случае беды хоть кто-то придет мне на помощь	0.57	−0.09	0.28	1.0
20. Люди достаточно добры по своей природе, и если я окажусь в беде, то кто-то мне все же поможет	−0.51	0.15	0.22	1.2
19. Увидев на улице несчастный случай, я пройду мимо, это не мое дело	0.45	−0.01	0.20	1.0
6. Помогать другим людям — большая радость	−0.43	−0.16	0.27	1.3
8. Я придерживаюсь принципа: “помоги другому, и добро к тебе вернется”	−0.40	−0.02	0.17	1.0
12. В мире есть масса дел, которые стоит выполнять совершенно бескорыстно	−0.37	−0.20	0.25	1.6
4. Если я вижу физические страдания другого (например, рану), я стараюсь чем-то помочь	−0.35	−0.08	0.15	1.1
10. Мне бы хотелось иметь условия для того, чтобы приносить пользу людям	−0.35	0.13	0.10	1.3
5. Прежде чем взяться за какую-либо работу, я спрашиваю, сколько за это заплатят	−0.16	0.73	0.46	1.1
15. Если мне предлагают что-то сделать на общественных началах, я задумываюсь, а что мне это даст	−0.08	0.67	0.41	1.0
18. Я часто сперва берусь выполнить какую-то работу и не спрашиваю, какую выгоду это принесет лично мне	0.01	−0.66	0.43	1.0
11. Я считаю, что всякая работа должна оплачиваться, иначе не стоит ее предлагать	−0.01	0.53	0.28	1.0
17. Если мне предлагают что-то сделать на общественных началах, я обычно отказываюсь	0.20	0.41	0.28	1.5
Сумма квадратов нагрузок	2.82	2.03		
Доля дисперсии	0.18	0.13		
Наполненная доля дисперсии	0.18	0.30		

Примечание. h^2 — общности; com — сложность; полужирный — значимые факторные нагрузки.

Таблица П.2. Связи компонентов альтруистической установки с показателями ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи и антиципационной активности субъекта совладания

Переменная	Компонент АУ 1		Компонент АУ 2	
	<i>r</i>	<i>p</i> _{ВН}	<i>r</i>	<i>p</i> _{ВН}
Ориентации в трудных ситуациях оказания помощи:				
Стремление к трудностям (драйв)	-0.21	<0.001	-0.13	0.04
Ориентация на высокую трудоемкость (тщательность)	-0.20	<0.001	-0.23	<0.001
Ориентация на возможности	-0.18	0.01	0.02	0.73
Ориентация на потери (избегание)	0.18	0.01	0.13	0.05
Ориентация на сохранение ресурсов (бездействие)	0.20	<0.001	0.30	<0.001
Ориентация на игнорирование трудности (беспечность)	0.14	0.03	0.10	0.12
Жизнеспособность и ее компоненты:				
Самомотивация и достижения	-0.21	<0.001	-0.03	0.65
Активность и инициатива	-0.29	<0.001	-0.14	0.03
Позитивные установки и гибкость	-0.34	<0.001	-0.06	0.40
Самоуважение	-0.28	<0.001	0.06	0.36
Социальная компетентность и социальная поддержка	-0.42	<0.001	-0.03	0.64
Адаптивные стили поведения	-0.16	0.01	0.02	0.73
Самоорганизация и планирование будущего	-0.15	0.02	-0.08	0.22
Жизнеспособность (общий показатель)	-0.34	<0.001	-0.05	0.42
Жизнестойкость и ее компоненты:				
Вовлеченность	-0.36	<0.001	-0.12	0.08
Контроль	-0.25	<0.001	-0.04	0.59
Принятие риска	-0.30	<0.001	-0.12	0.06
Жизнестойкость (общий показатель)	-0.34	<0.001	-0.10	0.13
Проактивные копинг-стратегии:				
Проактивный копинг	-0.20	<0.001	-0.07	0.28
Поиск инструментальной поддержки	-0.17	0.01	-0.12	0.07
Поиск эмоциональной поддержки	-0.19	<0.001	-0.11	0.09

Примечание. Компонент АУ 1 — “Установка на помощь другим — Установка на бездействие по отношению другим”; компонент АУ 2 — “Установка на бескорыстное просоциальное поведение — Установка на эгоцентрическое просоциальное поведение”.

ALTRUISTIC ATTITUDE OF MEDICAL UNIVERSITY GRADUATES AS A PREDICTOR OF ORIENTATIONS IN DIFFICULT SITUATIONS OF ASSISTANCE

V. Yu. Khotinets^{1,*}, E. N. Leonova^{2,**}

¹*Udmurt State University;
426034, Izhevsk, Universitetskaya str., 1, Russia.*

²*Izhevsk State Medical Academy;
426034, Izhevsk, Kommunarov str., 281, Russia.*

** Honored Scientist of UR, ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of General Psychology
of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Technologies.*

E-mail: khotinets@mail.ru

** Lecturer of the Department of Pedagogy, Psychology and Psychosomatic Medicine.

E-mail: leonova@psyman.pro

Received 08.02.2022

Abstract. On a sample of 367 graduates of the Medical Academy ($Me = 25$; $IQR (24; 26)$; male — 30%, female — 70%), a study was conducted aimed at solving the problem of determining factors of helping behavior in socially significant fields of activity and helping professions. The hypothesis of the study was the assumption that an altruistic attitude with a variability of attitudes and the severity of components has an effect on orientation in difficult situations of assistance with increased resource control of behavior to achieve the subject's goal. Based on the results of the study, a theoretical model of the socio-psychological determination of helping behavior in difficult situations of assistance has been constructed and empirically confirmed. The mechanism of predicting helpful behavior in difficult situations is determined: the altruistic attitude of the individual is a predictor of orientations in difficult situations, that is, it determines a conscious choice of orientations with increased anticipatory activity, manifested in the selectivity of coping resources and regulation of behavior in achieving the goal. It has been empirically revealed that an altruistic attitude based on the variability of relationships and the severity of components has an effect on the orientation in difficult situations of assistance and the anticipatory activity of the subject of coping: 1) the attitude to true altruism focuses on rapprochement with difficult situations of providing assistance for self-improvement and obtaining positive emotions, actualizing the anticipatory activity of the subject of coping; 2) the attitude to pragmatic assistance focuses on optimal efforts in difficult situations of providing assistance for profit, actualizing the anticipatory activity of the subject of coping; 3) the attitude to avoiding helping others focuses on selective rapprochement with difficult situations of assistance, inhibiting the anticipatory activity of the subject of coping; 4) the attitude to inactive egocentrism focuses on distance from difficult situations providing assistance to conserve resources and minimize efforts by inhibiting the anticipatory activity of the coping subject.

Keywords: prosocial behavior, helping behavior, altruism, altruistic attitude, orientation in difficult situations, coping resources, anticipatory activity.

REFERENCES

1. *Belinskaya E.P., Vecherin A.V., Agadullina E.R.* Oprosnik proaktivnogo kopinga: adaptatsiya na neklinicheskoy vyborke i prognosticheskie vozmozhnosti. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*. 2018. V. 7. № 3. P. 192–211. (In Russian)
2. *Bityuckaya E.V., Korneev A.A.* Diagnostika faktorov kopinga: aprobatsiya oprosnika "Tipy orientatsiy v trudnykh situatsiyah". *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 1. P. 97–111. (In Russian)
3. *Bityuckaya E.V., Korneev A.A.* Sub"ektivnoe ocenivanie trudnoj zhiznennoj situatsii: diagnostika i struktura. *Vo-prosy psihologii*. 2021. № 4. P. 145–161. (In Russian)
4. *Bocharova E.E.* Strukturnaya organizatsiya regulativnykh faktorov razlichnykh form social'noy aktivnosti molodezhi. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika"*. 2018. V. 28. № 4. P. 383–389. (In Russian)
5. *Kryukova T.L.* Psihologiya sovladayushchego povedeniya: sovremennoe sostoyanie i psihologicheskie, sociokul'turnye perspektivy. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. V. 19. № 5. P. 184–188. (In Russian)
6. *Kuhtova N.V.* Strukturnye komponenty prosocial'noj lichnosti specialistov, orientirovannykh na okazanie pomoshchi. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*. 2021. V. 3. № 3. P. 273–287. (In Russian)
7. *Leonova E.N., Leonov I.N.* Narcissicheskie cherty lichnosti kak prediktory al'truisticheskikh ustanovok u vrachej-ordinatorov. *Nauchnoe mnenie*. 2021. № 5. P. 112–119. (In Russian)
8. *Mararica L.V., Kazanceva T.V., Svencickij A.L., Pochebut L.G.* Cennosti i social'noe povedenie lyudej s razlichnymi networking-strategiyami. *Peterburgskij psihologicheskij zhurnal*. 2019. № 29. P. 60–83. (In Russian)
9. *Nedoshivina M.A.* Effekt social'nogo dokazatel'stva i al'truisticheskaya napravlenost' lichnosti kak faktory prosocial'nogo povedeniya. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2019. № 194. P. 230–241. (In Russian)
10. *Nesterova A.A.* Razrabotka i validizatsiya metodiki "Zhiznesposobnost' lichnosti". *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 4. P. 93–108. (In Russian)
11. *Osin E.N., Rasskazova E.I.* Kratkaya versiya testa zhiznestojkosti: psihometricheskie harakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*. 2013. № 2. P. 147–165. (In Russian)
12. *Psihologiya social'noj aktivnosti molodezhi*. Ed. R.M. Shamionov. Moscow: Pero, 2020. 200 p. (In Russian)
13. *Sergienko E.A.* Antitsipatsiya v rannem ontogeneze cheloveka: Dis. ... d-ra psihol. nauk. Moskva, 1997. (In Russian)
14. *Social'naya psihologiya: traditsii i sovremennost'*. Eds. A.L. Svencickij, S.D. Gurieva, sostavitel' T.B. Pozdnyakova. Saint Petesburg: Skifiya-print, 2020. (In Russian)
15. *Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste*. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Institut psihologii RAN, 2011. (In Russian)
16. *Hotinec V.Yu., Korobejnikova Ya.P.* Psihologicheskie mekhanizmy produktivnogo koping-povedeniya v

- problemnyh kommunikativnyh situacijah. *Psichologicheskii zhurnal*. 2016. V. 37. № 4. P. 59–73. (In Russian)
17. *Yadov V.A.* Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya koncepciya. 2-e rasshirennoe izd. Moscow: CSPiM, 2013. (In Russian)
  18. *Yasin M.I.* Metodika izmereniya al'truisticheskikh ustanovok. *Psichologicheskij zhurnal*. 2020. V. 41. № 1. P. 77–85. (In Russian)
  19. *Batson C.D.* Empathy-induced altruistic motivation. Prosocial motives, emotions, and behavior. Eds. M. Mikulincer, P.R. Shaver. Washington, DC: American Psychological Association, 2010. P. 15–35.
  20. *Berman J.Z., Silver I.* Prosocial behavior and reputation: When does doing good lead to looking good? *Current Opinion in Psychology*. 2022. № 43. P. 102–107.
  21. *Carlson R.W., Zaki J.* Good deeds gone bad: Lay theories of altruism and selfishness. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. № 75. P. 36–40.
  22. *Everett J.A., Caviola L., Kahane G., Savulescu J., Faber N.S.* Doing good by doing nothing? The role of social norms in explaining default effects in altruistic contexts. *European Journal of Social Psychology*. 2015. № 45 (2). P. 230–241.
  23. *Hart W., Tortoriello G.K., Richardson K.* Feeling good about oneself heightens, not hinders, the goodness in narcissism. *Current Psychology*. 2018. № 38 (5). P. 1399–1408.
  24. *Kaltwasser L., Hildebrandt A., Wilhelm O., Sommer W.* On the relationship of emotional abilities and prosocial behavior. *Evolution and Human Behavior*. 2016. № 38 (3). P. 298–308.
  25. *Konrath S., Ho M.-H., Zarins S.* The strategic helper: Narcissism and prosocial motives and behaviors. *Current Psychology*. 2016. № 35. P. 182–194.
  26. *Konrath S., Tian Y.* Narcissism and prosocial behavior. *The handbook of trait narcissism: Key advances, research methods, and controversies*. Eds. A.D. Hermann, A.B. Brunell, J.D. Foster. New York: Springer, 2018. P. 309–316.
  27. *Krebs D.L.* Prosocial Behavior. *Evolutionary Perspectives on Social Psychology*. Eds. V. Zeigler-Hill, L.L.M. Welling, T.K. Shackelford. New York: Springer, 2015. P. 231–242.
  28. *Ning H.E., Yunli Z.H.U.* Self-love and other-love: Research on the relationships among narcissism, empathy and implicit altruism. *Acta Psychologica Sinica*. 2016. № 48 (2). P. 199–210.
  29. *Palmer J.A., Tackett S.* An examination of the dark triad constructs with regard to prosocial behavior. *Acta Psychopathologica*. 2018. № 4. P. 1–3.
  30. *Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I.* Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions. *Current Opinion in Psychology*. 2022. № 44. P. 124–129.
  31. *Poepsel D.L., Schroeder D.A.* Helping and prosocial behavior. *HKU PSYC2020, Fundamentals of Social Psychology*. Noba Textbook Series: Psychology. Eds. R. Biswas-Diener, E. Diener. Champaign, IL: DEF Publishers, 2018. P. 141–158.
  32. *Raine A., Uh S.* The selfishness questionnaire (SQ): egocentric, adaptive, and pathological forms of selfishness. *Journal of Personality Assessment*. 2018. № 101. P. 503–514.
  33. *Schroeder D.A., Graziano W.G.* Prosocial behavior as a human essence. *The Oxford handbook of the human essence*. Eds. M. Zomeran, J.F. Dovidio. Oxford University Press, 2018. P. 109–121.
  34. *Wiwad D., Akinin L.B.* Motives matter: The emotional consequences of recalled self- and other-focused prosocial acts. *Motivation and Emotion*. 2017. № 41 (6). P. 730–740.

УДК 159.9.019

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ПСИХОЛОГИИ 1952 г. (К 70-ЛЕТИЮ ПРОВЕДЕНИЯ)

© 2022 г. А. Л. Журавлев^{1,*}, Н. Ю. Стоюхина^{2,**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Россия.

*Академик РАН, профессор, научный руководитель ИП РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления.

E-mail: natast0@rambler.ru

Поступила 12.08.2022

Аннотация. Авторами предпринята попытка по-новому взглянуть и оценить значимое для российской психологической науки событие — Совещание по психологии, созданное по инициативе Президиума Академии педагогических наук РСФСР (30 июня — 5 июля 1952 г.), 70-летие которого отмечается в 2022 г. Совещание организовали через два года после Объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня — 4 июля 1950 г.); перед психологами была поставлена задача — ответить на вопрос: «что сделано для перестройки психологии в свете учения И.П. Павлова и работы И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”». Проведен анализ выступлений его участников, опубликованных в специально изданных материалах совещания, проанализированы статьи из периодических изданий, предварявших начало данного памятного мероприятия. Впервые рассмотрены доклады выступавших — преподавателей психологии, приехавших из периферийных вузов, — с точки зрения волновавших их проблем: преподавание психологии в школе и вузе, вопросы преемственности психологического знания, т.е. преддверие истории психологии как научной отрасли, расширение проблемного поля психологической науки. Важным итогом проведенного анализа материалов, отраженных в материалах совещания, можно считать то, что и в текстах выступлений, и в постановлении совещания намечены реалистичные шаги по развитию психологии, большая часть которых была осуществлена. Показано, что совещание вызвало большой интерес психологов, способствовало укреплению методологических позиций психологии и ее научно-организационных структур.

Ключевые слова: история психологии, Совещание по психологии 1952 г., Академия педагогических наук РСФСР, перестройка психологии, учение И.П. Павлова, предмет психологии, методика преподавания психологии, учебники по психологии.

DOI: 10.31857/S020595920022785-9

ВВЕДЕНИЕ

Возвращаясь к памятным датам в истории психологии, нельзя не обратить внимание на то, что история послевоенной психологии так называемого периода позднего сталинизма была мало интересна историкам психологии. По мнению культуролога Е.А. Добренко, это время затерялось среди “исторических всплесков” — революционных 1920-х годов, эпохи террора 1930-х годов и оттепели 1956–1964 годов [8, с. 9], на этом фоне оно воспринимается как “эпоха политической и социальной стабильности” [Там же]. Однако важность таких периодов

несомненна, ведь «для того чтобы иметь долговременный эффект, последствия “эпохи перемен” должны пройти этап стабилизации, когда происходит своего рода оседание революционной волны и приспособление к жизни в новых условиях, когда эти новые условия рутинизируются, нормализуются. В такие стабильные периоды рождаются нации и совершается история» [Там же, с. 11].

Период 1945–1953 гг. представлен в новейшей российской истории психологии немногими статьями [9–11; 18; 23–25], но именно послевоенное восьмилетие (1945–1953 гг.) имеет большое значение

для институционализации отечественной психологии. Наиболее важным научно-организационным мероприятием, на наш взгляд, была Объединенная научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня — 4 июля 1950 г.) [3; 10; 25]. Проанализировав стенографический отчет сессии, мы не обнаружили тревожных слов об угрожающей опасности закрытия психологии, о чем написано в мемуарах советских психологов [25], поэтому решили продолжить размышления и поиски, тем более что через два года после “Павловский” сессии с 30 июня по 5 июля 1952 г. состоялось важнейшее для советских психологов событие — Совещание по психологии, созванное по инициативе Президиума Академии педагогических наук РСФСР (далее — Совещание), 70-летие которого отмечается в 2022 г.

ПОДГОТОВКА К СОВЕЩАНИЮ НА СТРАНИЦАХ ПРЕССЫ

Прежде чем писать о самом мероприятии, напомним о некоторых важных событиях в советской научной жизни того времени, относящихся не только к психологии:

— в сентябре 1946 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) “О выписке и использовании иностранной литературы”, а в июне 1947 г. — Постановление Совмина СССР “Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону” [8, с. 109–110];

— с 1 сентября 1947 г. были введены уроки психологии во всех школах Советского Союза (на основании Постановления ЦК ВКП(б) “О преподавании логики и психологии в средней школе” от 4 декабря 1946 г.), что потребовало скорого написания учебника; таковым стал учебник психологии для средних школ Б.М. Теплова, выдержавший несколько изданий (1-е издание — 1946 г., 8-е издание — 1954 г.; общий тираж — 3 200 000 экземпляров). Он подвергся резкой критике, в том числе откровенно недоброжелательной (впрочем, был еще учебник для средней школы “Психология” К.Н. Корнилова (1946), но его не обсуждали);

— летом 1950 г. (июнь—август) вышла 50-страничная брошюра И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, вынудившая лингвистов комментировать сталинские рассуждения на общие темы [8, с. 50];

— 12 сентября 1950 г. в Институте психологии АПН РСФСР состоялось расширенное заседание

Ученого совета, на котором был заслушан доклад Б.М. Теплова “Итоги научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения Павлова, и их значение для психологии”. Как писала преподаватель кафедры логики и психологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького Т.А. Козева, слова Б.М. Теплова о необходимости пересмотра системы понятий психологии до сих пор только декларируются, а на самом деле в учебнике по психологии для средней школы (1951 г.) “не содержится никакого коренного изменения системы психологических понятий” [12, с. 249] и “при такой перестройке психологии в ней вновь закрепляются отсталые, метафизические и идеалистические воззрения, с которыми как раз необходимо решительно бороться” [Там же]. Автор закончила свою заметку призывом разгромить дуалистические воззрения в психологии с помощью острой критики и самокритики, так как именно они тормозят создание научной психологии;

— в апреле 1952 г. Президиум Академии наук Грузинской ССР провел дискуссию “О некоторых вопросах психологии”, где малокомпетентные в психологии люди обвинили теорию установки Д.Н. Узнадзе в идеализме.

Целесообразно восстановить хронологию важных публикаций, предшествовавших проведению Совещания.

В феврале 1951 г., т.е. примерно через полгода после “Павловской” сессии, в газете “Правда” вышла передовая статья, где говорилось: “В исторической речи 9 февраля 1946 г. товарищ Сталин поставил перед советскими учеными задачу: не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны” [26, с. 1]. После нескольких абзацев о передовой советской науке под руководством партии Ленина—Сталина звучали настораживавшие нотки: “...Вместе с тем у нас еще есть отдельные ученые и научные учреждения, которые находятся в плену отживших традиций, остановились в своем развитии, не идут вперед. Почему, например, психология и педагогика до сих пор серьезно отстают от современных требований, мало дают научных трудов? Работники этих важных отраслей науки не проявляют активности в исследовании жизненно необходимых вопросов, мало проводят творческих обсуждений научных проблем, слабо разворачивают критику и самокритику” [Там же].

А.Н. Леонтьев в публикации в “Учительской газете” подтвердил претензии, обращенные к психологам: психология “до сих пор еще не связана должным образом с практикой и не отвечает тем

жизненным запросам, которые выдвигает перед ней передовой опыт советской школы... еще сильны отжившие традиции, которые тащат ее назад, мешают ей развиваться в верном направлении <...> наши психологи не извлекли для себя надлежащего урока из истории борьбы материализма и идеализма в психологии и не смогли до конца порвать с традициями буржуазной субъективистской психологии <...> многие из советских психологов отпавлялись от чуждых материалистической науке субъективно-психологических позиций. А это вело к тому, что павловское учение, по сути, игнорировалось психологами” [14, с. 2]. Отдадим должное действительному члену АПН РСФСР, критиковавшему и себя: “марксистские положения вносились в психологию формально, догматически” [Там же]. По мнению А.Н. Леонтьева, сосредоточие проблем науки психологии также видно в единственном учебнике по психологии для педвузов (Психология / Под ред. К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова, Л.М. Шварца. М., 1931, 1941; Психология / Под ред. К.Н. Корнилова, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова. М., 1948): “застой в психологической теории, влияние в ней отсталых субъективно-психологических традиций” [Там же], ошибочная трактовка метода самонаблюдения и такого психического процесса, как воля. Для преодоления этих ошибок советским психологам следует “более глубоко овладеть марксизмом-ленинизмом, <...> развернуть в психологии критику и самокритику, направив ее огонь против пережитков субъективистского подхода к психике, <...> развернуть глубокое изучение психологами учения И.П. Павлова и организовать плановую научную разработку крупных, жизненно важных вопросов психологии на павловской основе” [Там же], обсуждать в печати, в дискуссиях теоретические вопросы психологии, в ближайшее время провести совещания для обсуждения докладов о перестройке психологии и ее преподавания, разработать основы единого плана дальнейших научных исследований [Там же].

Статья А.Н. Леонтьева инициировала другие выступления в печати психологов, пожелавших высказаться о дальнейшем развитии психологии.

Ю.А. Самарин в своей публикации на страницах “Учительской газеты” сразу начал с причин отставания советской психологии — “неумение творчески владеть диалектическим методом при конкретном анализе психологических закономерностей, понятий, фактов” [22, с. 2]. Признав правоту А.Н. Леонтьева в его замечании о двусмысленности трактовки воли, он, аргументировав, возразил против критики метода самонаблюдения. В целом для решения задач, стоящих перед психологией,

Ю.А. Самарин предложил: “пересмотреть и уточнить основные психологические понятия, подходя к их раскрытию с позиций диалектического материализма, творчески пользуясь методом диалектики” [Там же]; обсудить важнейшие психологические понятия, закономерности, методы исследования; изучать механизмы психической деятельности на основе учения И.П. Павлова. Автор назвал и практические вопросы, которые следует срочно решить, и они были связаны с педагогической и возрастной психологией: собрать и обобщить опыт учителей психологии по руководству самовоспитанием учащихся старших классов; изучить психологические особенности отдельных возрастных периодов, знания по которым так необходимы учителям, так как в педвузах преподавание их неудовлетворительно [Там же].

П.И. Левентуев из Ташкентского вечернего педагогического института также раскритиковал А.Н. Леонтьева за его отрицание метода наблюдения в психологии и за “молчание” о работе И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” и его решающей роли в перестройке психологии. Значительное место в статье он посвятил причинам отставания психологии: психологи недостаточно овладели теорией марксизма-ленинизма; не умеют организовывать коллективную плановую работу; отсутствует центр, объединяющий силы психологов всей страны, Институт психологии Академии педагогических наук или сектор психологии Института философии Академии наук СССР не справляются с этой ролью; руководящие кадры психологов Москвы и Ленинграда замкнуты на себе, не интересуются психологами, работающими на периферии и не привлекают их к участию в дискуссиях; слабая критика и самокритика; отсутствуют связи между действующими программами и учебниками, к тому же программы меняются каждый год вместе с порядком изложения материалов. Но, по его мнению, в первую очередь надо “научно обосновать взаимоотношение между психологией, педагогикой и физиологией высшей нервной деятельности. Следует разработать вопросы психологии мышления, языка и речи на основе трудов И.В. Сталина по языкознанию и физиологического учения академика И.П. Павлова. Ждет своего решения вопрос о средствах формирования у детей качеств советского человека. Надо найти и пути ликвидации перегрузки учащихся <...>. Необходимо создать в кратчайший срок учебники по общей и детской психологии, поставив их на широкое обсуждение психологов и педагогов” [13, с. 2].

Кандидат психологических наук Ф.Н. Гонаблин сделал обзор писем читателей-психологов:

А.А. Шеин (Коми АССР), Ф.И. Черняховский (Архангельский институт усовершенствования учителей) выступили с критикой статьи А.Н. Леонтьева и Ю.А. Самарина в “Учительской газете” и учебников по психологии; профессор М.Н. Шардаков (Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена) писал о недостаточном овладении советскими психологами принципами марксизма-ленинизма и высказывался по вопросу о взаимоотношении субъективного и объективного, психического и физического; А.А. Люблинская (Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена) подчеркнула необходимость связи исследований с практикой; А.Г. Ковалев и А.И. Чухин (Крымский государственный педагогический институт им. М.В. Фрунзе) указали на “необходимость перехода в исследованиях от бесплодного описания психологических процессов к материалистическому объяснению их, на то, что психология обязана разрабатывать вопросы эффективного воздействия на психику человека в направлении формирования новых черт личности и характера” [7, с. 2]; Л.В. Стефанович (Минск) поднял вопрос о стабилизации терминов и определений в педагогике и психологии [Там же].

Таким образом, в 1951 г. в “Учительской газете” была широко представлена полемика по вопросам перестройки психологии на основе учения И.П. Павлова и работы И.В. Сталина по проблемам языкознания, инициированной статьей в газете “Правда” и конкретизированной в статье А.Н. Леонтьева [14]. Эти же вопросы также обсуждались на страницах журнала “Вопросы философии” в течение первого полугодия 1952 г. [5; 6; 12; 15; 21; 28].

В июне 1952 г., за два дня до Совещания по вопросам психологии, в “Литературной газете” вышла статья с громким названием “Преодолеть отставание психологии!”, где объяснялось понятие “перестройка”: “решительный отказ от распространенного среди наших психологов взгляда на психику, как на некий самостоятельный процесс, существующий независимо от физиологической деятельности мозга, и изучаемый в полном отрыве от реальной жизни, от деятельности человека” [19, с. 3], что можно достичь “следуя принципам диалектического и исторического материализма, учитывая запросы практики, смело вторгаясь в жизнь” [Там же]. Под удар критики попали психологи Грузии, «разрабатывающие идеалистическую по своей сущности теорию “установки”» [Там же], и психологи других городов, не обсуждающие в творческих дискуссиях актуальные проблемы науки. Негативную оценку получили труды

Н.Н. Волкова “Восприятие предмета и рисунка” (1950), М.Н. Шардакова “Очерки психологии учения” (1951), учебник “Психология” для средней школы профессора Б.М. Теплова (1951), учебник для педагогических институтов “Психология” под ред. К.Н. Корнилова, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова (1948), а также Научно-исследовательский институт психологии Академии педагогических наук РСФСР за неудовлетворительное руководство психологами. Институт философии Академии наук СССР, призванный на помощь психологам, явно не торопился. Подытоживая написанное, в адрес психологов прозвучало основное обвинение: «советские психологи не ведут настойчивой борьбы с позиций воинствующего научного материализма против антинаучных, реакционных “теорий” буржуазных психологов» [Там же].

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕЩАНИЯ

30 июня 1952 г. в Москве начало свою работу созванное Президиумом Академии педагогических наук РСФСР Совещание по вопросам психологии, завершившееся 5 июля. Присутствовавшие “свыше 400 научных работников, в том числе наиболее квалифицированные психологи РСФСР, а также и других союзных республик — Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии” [17, с. 88], представители философии и педагогики собрались, чтобы “развернуть свободный обмен мнений по коренным вопросам перестройки психологии, вскрыть основные причины отставания психологической науки от современных требований, наметить пути ее дальнейшего развития” [Там же]. Как писали участники Совещания, “в обсуждении докладов приняли участие 44 чел., из них 19 — иногородних работников” [Там же]. Опираясь на изданные материалы Совещания, можно назвать некоторых представителей кафедр психологии педагогических институтов и научно-исследовательских учреждений, приехавших из разных городов страны: А.К. Перов (Свердловск), М.А. Мазманян (Ереван), С.М. Василейский (Горький), А.А. Гайворовский (Куйбышев), С.А. Жекулин (Калинин), Х.К. Матлин (Витебск), Г.С. Костюк (Киев), П.А. Просецкий (Воронеж), В.М. Экземплярский (Челябинск), В.А. Просецкий и В.С. Мерлин (Казань), Р.Г. Натадзе и И.Т. Бжалава (Тбилиси).

Представляет интерес предисловие к материалам Совещания, где автор (или авторы) напоминает, что оно проходило до выхода в свет еще одной “классической” и “гениальной” работы Сталина

“Экономические проблемы социализма в СССР” (конец 1952 г.) и до XIX съезда КПСС (5–14 октября 1952 г.), поэтому, будто извиняясь и торопясь сказать, в предисловии отмечается то, что следует сделать советским психологам в соответствии с указаниями вождя: “отвести важнейшее место психологическим проблемам личности и прежде всего изучению развития культурных потребностей и всестороннего развития способностей в социалистическом обществе, в условиях жизни и трудовой деятельности советских людей, в процессе воспитания и обучения детей, молодежи” [16, с. 6]; решить вопросы, связанные с проблемой стирания существенного различия между умственным и физическим трудом; изучить “психологические проблемы политехнического обучения как одного из существенных и необходимых условий того серьезного культурного роста членов общества, без которого невозможен переход от социализма к коммунизму” [Там же]. Короткое предисловие не связано с последующими материалами Совещания, очевидно, что оно носило обязательный идеологический характер.

Участники Совещания заслушали два пленарных доклада действительных членов Академии педагогических наук РСФСР А.А. Смирнова “Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И.П. Павлова” и Б.М. Теплова “Об объективном методе в психологии”. Доклады были заранее обсуждены: так, 30 ноября 1951 г. на расширенном партийном бюро Института психологии АПН РСФСР разбирали доклад А.А. Смирнова “Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И.П. Павлова”, подготовленный им к Совещанию по вопросам психологии. В числе выступавших по заранее полученному тексту были Л.В. Занков, А.Н. Леонтьев, А.В. Веденов, Н.Н. Волков, А.Р. Лурия, В.Н. Колбановский, Н.А. Менчинская, Е.И. Игнатъев. Надо заметить, что интересен как сам доклад, так и стенограмма обсуждений, но объемом журнальной статьи не дает нам возможности широко осветить все мнения. Мы приведем слова Н.А. Менчинской, которая, как нам кажется, старалась объединить все точки зрения и выступить эмоционально-умеренно (в цитате сохранен авторский стиль выступления. — *Примеч. А.Ж., Н.С.*): “...Почему через полтора года после сессии АН и АМН и почти через год после появления передовой, указывающей на недостатки, на неудовлетворительное состояние нашей науки, почему так трудно подготовить доклад о состоянии и перестройке нашей науки? <...> Причиной такого положения является отсутствие широкой критики и самокритики среди психологов. Те, которые молчали, не могли помочь делу критики и самокритики, а те,

которые выступали, тоже мало помогли. <...> Критика идет в таком плане — критикуй то, что делается у соседа, о чем сам делаешь, молчи. <...> О достижениях психологии идет под флагом гром победы раздавайся, а дальше начинается полное отрицание. Я думаю, товарищи, что этот разрыв надо уничтожить, но в то же время надо поддержать докладчика в том отношении, что должны быть показаны не только те ошибки, которые сделала психология, неправильные пути, по которым она шла, но обязательно должно быть показано, что должно войти в фонд психологии, какие научные психологические факты имеют значение, но нуждаются в переосмыслении” [4, л. 43]. Несомненно, А.А. Смирнов еще раз поработал над докладом, учтя замечания соратников по институту и партии, но его это не спасло от шквала критических замечаний на Совещании. То же можно сказать и о докладе Б.М. Теплова. Не было ни одного выступавшего, у кого бы не нашлось замечаний по выступлениям А.А. Смирнова и Б.М. Теплова...

Самыми обсуждаемыми на Совещании были следующие *вопросы*:

— “отношения психической деятельности и высшей нервной деятельности, психики и механизмов мозга и тем самым вопрос об отношении между физиологией высшей нервной деятельности и психологией” [16, с. 210];

— об основных недостатках современной психологии, которые перечислялись сразу “пакетом” и начинались с “недостаточного освоения принципов марксизма-ленинизма”;

— отсутствия конкретных предложений по перестройке психологии на базе учения И.П. Павлова и в свете труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”;

— отношения к субъективным и объективным методам изучения личности;

— нехватки критики и самокритики (на самом деле, даже сами выступавшие были удивлены шквалом резких критических замечаний психологов в адрес друг друга; как заметил Х.К. Матлин, «достойно удивления, с какой легкостью разбрасываются и наклеиваются в отдельных выступлениях ярлыки “идеализма”, “позитивизма”, “бес-содержательности”, “порочный учебник” и с какими претензиями на “истину в последней инстанции” излагают оппоненты свои взгляды» [Там же, с. 148].

Обо всем этом можно прочитать в материалах Совещания [16] или же в сокращенном варианте — в своеобразном отчете участников [17].

ВАЖНЫЕ “НЕГЛАВНЫЕ” ВОПРОСЫ СОВЕЩАНИЯ

Целесообразно остановиться на тех, казалось бы, “неглавных” темах, которые поднимались в некоторых докладах выступавших.

Во-первых, следует отметить слабеющие отголоски кампании по борьбе с космополитизмом. Мало кто из докладчиков говорил о “буржуазных психологах”, которые были обязательно “реакционными”, “идеалистами”, противопоставляя их российским. М.А. Мазманян посветовал: «в наших учебниках еще излагаются мысли иностранных реакционных ученых. <...> Имена буржуазных психологов заменялись выражениями: “один из авторов указывает”, “один из авторов говорит” и т.д. Я могу в учебнике показать около 20 таких мест. Разве перестройка психологии заключается в том, чтобы только исключить фамилии иностранных авторов, в действительности же излагать идеалистические концепции как научные?» [16, с. 104]. Его поддержал Н.С. Мансуров: “до сих пор еще нетрудно заметить факты, когда отдельные советские ученые некритически заимствуют кое-что из наследия идеалистической психологии” [Там же, с. 184].

Во-вторых, обращают на себя внимание попытки оценить историко-психологическое наследие советской психологии. В выступлениях некоторых участников Совещания звучали имена ученых прошлых лет — ушедших коллег выступавших или отсылка к событиям 20-летней давности; при этом и конкретные люди, и события были неоднозначными. Так, М.А. Мазманян говорил о недооценке классического наследия русских ученых: “мы недостаточно используем замечательные высказывания Белинского, Герцена, Чернышевского, не говоря уже о том, что почти забыт Сеченов. В наших учебниках замечательные мысли Сеченова не фигурируют. А перед нами стоит задача — показать, что основы истинной психологической науки заложены в России” [Там же, с. 104]. Также он называл Аристотеля, Д. Дидро, К.Д. Ушинского, А.Н. Радищева, М.В. Ломоносова, отмечая ценность их творческого наследия для психологии. В.М. Экземплярский упомянул об использовании метода самонаблюдения в работах В. Вундта и Г.И. Челпанова. В.Н. Мясищев предлагал пересмотреть отдельные моменты развития отечественной психологии, хотя бы за период советской власти. Например, заметил он, говоря о механицизме В.М. Бехтерева, забывают “о той роли, которую он сыграл в пропаганде материалистического учения о рефлексах и объективного метода, о его борьбе с Челпановым, который стоял на позициях старой

субъективной психологии и “защищал” марксизм от теории условных рефлексов” [Там же, с. 140]. Также он предлагал говорить о событиях недавней истории — дискуссии на идеологическом фронте, Постановлении ЦК ВКП(б) о педологии, борьбе с космополитизмом, сессии ВАСХНИЛ и др. — обо всем, что формировало советскую психологию. Об уроках недавней истории вспомнил и А.А. Гайворонский: “Попытка объединить бехтеревскую рефлексологию с эмпирической психологией в свое время была сделана проф. К.Н. Корниловым в виде реактологии, которую мы все хорошо помним; мы помним также и некоторые, глубоко механистичные, заскоки рефлексологов бехтеревского типа, которые доходили до упрощенства и вульгаризации в объяснении сложнейших психических процессов” [Там же, с. 133]. И.А. Арямов, вспоминая о психологии 1920-х годов, назвал Л.С. Выготского и И.В. Эвергетова [Там же, с. 182].

В-третьих, остро обсуждались проблемы преподавания психологии в высшей школе ввиду того, что большинство присутствовавших были преподавателями психологии в педагогических институтах и университетах. С.А. Жекулин, много лет преподававший психологию в вузе, говорил: “Отдельные части курса психологии настолько разнородны, что, переходя от одной части к другой, часто находишься в положении человека, переходящего от одной дисциплины к изложению какой-то другой дисциплины. Во многих случаях остро чувствуется отсутствие внутренней связи между отдельными составными частями курса” [Там же, с. 137]. Его поддержал Г.С. Костюк: “Нужен радикальный пересмотр структур программы по психологии и содержания ее основных разделов, в которых пока не находит своей конкретной реализации понимание всех психических процессов как различных проявлений единой отражательной деятельности мозга” [Там же, с. 145]. В.М. Экземплярский сделал конкретные замечания: “С преподаванием психологии в педагогических институтах не все благополучно. Студенты, прослушав курс психологии на I курсе, затем теряют с ней всякую связь, на II курсе психология не читается, и когда на III курсе студенты подходят к психологическому анализу, то обнаруживается, что они уже забыли психологию. Необходима перестройка организации преподавания психологии” [Там же, с. 226]. Психологи понимали, что курс психологии отражал характер проблем, которые разрабатывала наука.

В-четвертых, отмечалось множество трудностей в преподавании психологии в средних школах, несмотря на пятилетний опыт. Например, М.А. Мазманян удивлялся, как можно реализовать большое

содержание курса за 60 часов, “в течение этого времени ученик не в состоянии охватить такую огромную программу, к тому же надо учесть, что в национальной школе психологии отводится не 60, а 30 часов” [Там же, с. 104]. К.М. Гуревич посвятил этому вопросу свое выступление: катастрофически не хватает учительских кадров; “нет подлинной увязки курса психологии с курсами анатомии и физиологии и основами дарвинизма” [Там же, с. 256]; методика преподавания психологии еще не разработана; учителей по психологии по-прежнему тревожит вопрос о количестве часов, отводимых на этот предмет в школе; оценка знаний по психологии не входит в аттестат, да и психология в школе — полуфакультативный предмет; “следует покончить с барски-пренебрежительным отношением некоторых психологов к учебнику психологии и к учителям” [Там же].

В-пятых, в некоторых докладах звучала претензия по поводу сужения проблем современной психологии, поэтому предлагали обратить внимание на отдельные отрасли психологии: психологию технического изобретательства (С.М. Василейский); клиническую психологию (В.Н. Мясищев); психологию труда (К.К. Платонов); психологию социалистического соревнования (Е.Д. Варнакова, П.А. Просецкий).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Летом 1952 г. состоялось важнейшее психологическое событие, удивительным образом пока остающееся вне интересов специального изучения историками психологии. Оно началось с объемного и содержательного доклада А.А. Смирнова, показавшего реальный срез состояния современной ему психологии. Надо отметить, что подобные по охвату материала научные доклады были сделаны в 1945 и 1947 гг. [1; 2; 20; 27] и за прошедшее после них пятилетие не звучали. Смирнов говорил о теоретико-методологических достижениях (“определены исходные теоретические позиции для решения ряда важнейших вопросов психологической науки”; “разоблачена порочность буржуазных психологических теорий, оказывавших влияние на некоторых советских психологов”; “экспериментально опровергнуты ложные факты, приводившиеся в обоснование ошибочных концепций; показана несостоятельность ложных объяснений правильных фактов”; “накоплен значительный фактический материал, по-новому освещающий многие вопросы, правильно вскрывающий действительные закономерности”; “найжены некоторые ценные пути связи с практикой” [16, с. 13])

и конкретно-практических (успехи в изучении познавательных процессов, в истории психологии), выделены проблемы (отставание в изучении вопросов воспитания советского человека, психологии обучения, в исследовании трудовой деятельности и т.д.). Нужно было отчитаться перед вождем, иницировавшим прошедшую два года назад Объединенную научную сессию Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященную проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня — 4 июля 1950 г.), что сделано психологией за эти два года? И психологи отчитывались.

Читая доклады, порой кажется, что они буквально тонут в клятвах верности учению И.П. Павлова, труду по языкознанию И.В. Сталина; это так и не совсем так. В текстах выступлений обнаруживается множество историко-психологических сюжетов, описать которые еще только предстоит. Один из них — спор между теми, кто стоял на основе принципа тождества психики и нервной деятельности, и теми, кто стоял на основе принципа единства психики и нервной деятельности. Или история о том, как представители Института психологии Академии наук Грузии отстаивали честь Д.Н. Узнадзе и теории установки, обвиненных в идеализме. Или эмоциональные выступления о такой, казалось бы, далекой от науки проблеме — методике преподавания психологии в школе и вузе... В многоголосице материалов Совещания слышится желание человеческого и научного общения, которое, несмотря на требовательные каноны официального мероприятия, все же состоялось.

Если говорить о результатах этого мероприятия, обозначенных в постановлении Совещания по вопросам психологии, то они были весьма своевременны, правильны и в большинстве своем были реализованы, например: “просить Президиум АПН РСФСР периодически созывать широкие научные совещания психологов как для обсуждения основных теоретических вопросов психологической науки, так и для заслушания докладов по итогам научной работы в различных областях психологии. Ближайшее совещание созвать в июне 1953 г.” [16, с. 280] — и оно прошло в 1953 г.; ходатайствовать об издании научного журнала “Вопросы психологии” — и первый номер журнала вышел в 1955 г.; организовать систематическую связь с кафедрами психологии периферийных вузов — и в последующих конференциях и совещаниях активно участвовали ученые-психологи и преподаватели психологии со всей огромной страны; пересмотреть программы по психологии и учебник для средней

школы; обеспечить издание учебников по психологии для высшей школы; организовать при кафедрах психологии экспериментальные лаборатории для проведения исследовательской работы; обеспечить высшую и среднюю школы квалифицированными кадрами преподавателей психологии — все это было реализовано в ближайшее десятилетие.

Что касается основного вопроса, ради которого собиралось Совещание, — перестройки психологии на основе учения И.П. Павлова и труда по языкознанию И.В. Сталина (говоря современным языком, методологического вопроса о предмете психологии), то теория и методология любой науки не делается быстро, по указанию свыше, и научное сообщество (тогда и сейчас) это понимало и понимает, и оно работало и продолжает работать, свидетельством чему был и остается неуклонный рост интереса к проблемам методологии психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Тридцать лет советской психологии // Советская педагогика. 1947. № 11. С. 41–55.
2. *Ананьев Б.Г.* Успехи советской психологии. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 12 декабря 1947 г. в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1948.
3. *Артемьева О.А.* К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 122–131.
4. Архив РАН. Ф. 82. Оп. 1. Д. 164.
5. *Бойко Е.И.* Некоторые вопросы перестройки психологии на основе учения И.П. Павлова в психологии // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 161–168.
6. *Варнакова Е.Д., Сахарова Т.А.* О защищенных диссертациях по психологии // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 220–224.
7. *Гоноболин Ф.* О дальнейшем развитии психологической науки // Учительская газета. 1951. № 69. 29 августа. С. 2.
8. *Добренко Е.* Поздний сталинизм: эстетика политики: В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
9. *Журавлев А.Л., Почебут Л.Г.* Направления и проблемы развития отечественной психологии в послевоенные годы (по материалам конференции в Ленинградском университете в 1947 г.) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 88–97.
10. *Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю.* “Павловская” сессия глазами психологов (к 70-летию проведения) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 4–12.
11. *Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю.* Б.М. Теплов и Б.Г. Ананьев в юбилейных докладах к тридцатилетию советской власти // Международная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Б.М. Теплова “Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм” / Под ред. М.К. Кабардова, Ю.П. Зинченко, А.К. Осницкого. М.: ПИ РАО, 2021. С. 73–77.
12. *Козева Т.А.* Против проявлений дуализма в физиологии и психологии // Вопросы философии. 1952. № 5. С. 248–249.
13. *Левентуев П.* Почему же отстает психологическая наука? // Учительская газета. 1951. № 46. 9 июня. С. 2.
14. *Леонтьев А.* Преодолеть отставание психологической науки // Учительская газета. 1951. № 17. 28 февраля. С. 2.
15. *Мансуров Н.С.* За применение и развитие учения И.П. Павлова в психологии // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 153–160.
16. Материалы совещания по психологии. Стенографический отчет. Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 45. М.: АПН РСФСР, 1953.
17. *Менчинская Н.А., Соколов В.А., Шемякин Ф.Н.* К итогам Совещания по вопросам психологии // Советская педагогика. 1952. № 8. С. 88–99.
18. *Почебут Л.Г.* Актуальные проблемы психологии в послевоенный период (1945–1946 гг.) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 129–147.
19. Преодолеть отставание психологии! // Литературная газета. 1952. 28 июня. № 78. С. 3.
20. *Рубинштейн С.Л.* Пути и достижения советской психологии (О сознании и деятельности человека) // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 4. С. 67–84.
21. *Рубинштейн С.Л.* Учение И.П. Павлова и некоторые вопросы перестройки психологии // Вопросы философии. 1952. № 3. С. 197–210.
22. *Самарин Ю.* За творческое развитие психологии // Учительская газета. 1951. № 42. 26 мая. С. 2.
23. *Стоюхина Н.Ю.* Взаимодействие и противостояние психологии и физиологии в школьных учебниках в СССР в 1950-х гг. // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 76–86.
24. *Стоюхина Н.Ю.* Психология в послевоенной советской школе: забота партии о детях // История российской психологии в лицах: дайджест. 2018. № 3. С. 49–69.
25. *Стоюхина Н.Ю., Журавлев А.Л.* “Павловская” сессия: новое прочтение // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 49–58.

26. Творческая сила советской науки // Правда. 1951. 3 февраля. № 36. С. 1.
27. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 года в Доме Союзов в Москве. М.: Изд-во “Правда”, 1947.
28. *Шемякин Ф.Н.* Вопрос о представлениях в трудах И.М. Сеченова и И.П. Павлова // Вопросы философии. 1952. № 2. С. 98–111.

MEETING ON PSYCHOLOGY IN 1952 (ON THE 70TH ANNIVERSARY OF THE EVENT)

A. L. Zhuravlev^{1,*}, N. Yu. Stoyukhina^{2,**}

¹*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

²*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
603000, Nizhny Novgorod, Universitetsky Lane, 7, Russia.*

**Academic of RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Administration Psychology.*

E-mail: natast0@rambler.ru

Received 12.08.2022

Annotation. The authors made an attempt to take a fresh look and evaluate an event significant for Russian psychological science — the Conference on Psychology, convened on the initiative of the Presidium of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR (June 30 — July 5, 1952), the seventieth anniversary of which is celebrated in 2022. The meeting was organized in two year after the Joint Scientific Session of the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Medical Sciences of the USSR, dedicated to the problems of the physiological teachings of Academician I.P. Pavlov (June 28 — July 4, 1950), and psychologists were given the task of answering the question «what has been done to restructure psychology in the light of the teachings of I.P. Pavlov and the work of I.V. Stalin “Marxism and questions of linguistics”». An analysis was made of the speeches of its participants, published in specially published materials of the meeting, and articles from periodicals that preceded the start of this commemorative event were analyzed. For the first time, the reports of the speakers — lecturers of psychology who came from peripheral universities — were considered from the point of view of the problems that worried them: teaching psychology at school and university, questions of the continuity of psychological knowledge, i.e. the threshold of the history of psychology as a scientific branch, the expansion of the problematic field of psychological science. An important result of the analysis of the materials reflected in the materials of the meeting can be considered that both the texts of the speeches and the resolution of the meeting outlined realistic steps for the development of psychology, most of which were carried out. It is shown that the meeting aroused great interest of psychologists, contributed to the strengthening of the methodological positions of psychology and its scientific and organizational structures.

Keywords: history of psychology, Meeting on psychology in 1952, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, perestroika of psychology, the teachings of I.P. Pavlov, the subject of psychology, methods of teaching psychology, textbooks on psychology.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Tridtsat' let sovetskoi psikhologii. Sovetskaya pedagogika. 1947. № 11. P. 41–55. (In Russian)
2. *Anan'ev B.G.* Uspekhi sovetskoi psikhologii. Stenogramma publichnoi lektsii, pročitannoi 12 dekabrya 1947 g. v Leningrade. Leningrad: Lenizdat, 1948. (In Russian)
3. *Artem'eva O.A.* K 70-letiyu Pavlovskoi sessii: amerikanskaya istoriografiya sovetskoi psikhologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 1. P. 122–131. (In Russian)
4. Arkhiv RAN. F. 82. Op. 1. D. 164. (In Russian)
5. *Boiko E.I.* Nekotorye voprosy perestroiki psikhologii na osnove ucheniya I.P. Pavlova v psikhologii. Voprosy filosofii. 1952. № 1. P. 161–168. (In Russian)

6. *Varnakova E.D., Sakharova T.A.* O zashchishchennykh dissertatsiyakh po psikhologii. *Voprosy filosofii*. 1952. № 1. P. 220–224. (In Russian)
7. *Gonobolin F.* O dal'neishem razvitii psikhologicheskoi nauki. *Uchitel'skaya gazeta*. 1951. № 69. 29 avgusta. P. 2. (In Russian)
8. *Dobrenko E.* Pozdний stalinizm: estetika politiki: V 2 t. T. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Pochebut L.G.* Napravleniya i problemy razvitiya otechestvennoi psikhologii v poslevoennye gody (po materialam konferentsii v Leningradskom universitete v 1947 g.). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 2. P. 88–97. (In Russian)
10. *Zhuravlev A.L., Stoyukhina N.Yu.* "Pavlovskaya" sessiya glazami psikhologov (k 70-letiyu provedeniya). Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2020. № 5. P. 4–12. (In Russian)
11. *Zhuravlev A.L., Stoyukhina N.Yu.* B.M. Teplov i B.G. Anan'ev v yubileinykh dokladakh k tridsatiletiyu sovetской vlasti. Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 125-letiyu so dnya rozhdeniya B.M. Teplova "Differentsial'naya psikhologiya i psikhofiziologiya segodnya: sposobnosti, obrazovanie, professionalizm". Eds. M.K. Kabardov, Yu.P. Zinchenko, A.K. Osnitskiy. Moscow: PI RAO, 2021. P. 73–77. (In Russian)
12. *Kozeva T.A.* Protiv proyavlenii dualizma v fiziologii i psikhologii. *Voprosy filosofii*. 1952. № 5. P. 248–249. (In Russian)
13. *Leventuev P.* Pochemu zhe otstaet psikhologicheskaya nauka? *Uchitel'skaya gazeta*. 1951. № 46. 9 iyunya. P. 2. (In Russian)
14. *Leont'ev A.* Preodolet' otstavanie psikhologicheskoi nauki. *Uchitel'skaya gazeta*. 1951. № 17. 28 fevralya. P. 2. (In Russian)
15. *Mansurov N.S.* Za primenenie i razvitie ucheniya I.P. Pavlova v psikhologii. *Voprosy filosofii*. 1952. № 1. P. 153–160. (In Russian)
16. *Materialy soveshchaniya po psikhologii. Stenograficheskii otchet. Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.* Vyp. 45. Moscow: APN RSFSR, 1953. (In Russian)
17. *Menchinskaya N.A., Sokolov V.A., Shemyakin F.N.* K itogam Soveshchaniya po voprosam psikhologii. *Sovetskaya pedagogika*. 1952. № 8. P. 88–99. (In Russian)
18. *Pochebut L.G.* Aktual'nye problemy psikhologii v poslevoennyy period (1945–1946 gg.). Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2022. V. 7. № 1 (25). P. 129–147. (In Russian)
19. *Preodolet' otstavanie psikhologii! Literaturnaya gazeta.* 1952. 28 iyunya. № 78. P. 3. (In Russian)
20. *Rubinshtein S.L.* Puti i dostizheniya sovetской psikhologii (O soznanii i deyatel'nosti cheloveka). *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1945. № 4. P. 67–84. (In Russian)
21. *Rubinshtein S.L.* Uchenie I.P. Pavlova i nekotorye voprosy perestroiki psikhologii. *Voprosy filosofii*. 1952. № 3. P. 197–210. (In Russian)
22. *Samarin Yu.* Za tvorcheskoe razvitie psikhologii. *Uchitel'skaya gazeta*. 1951. № 42. 26 maya. P. 2. (In Russian)
23. *Stoyukhina N.Yu.* Vzaimodeistvie i protivostoyanie psikhologii i fiziologii v shkol'nykh uchebnikakh v SSSR v 1950-kh gg. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2009. T. 4. Vyp. 2. P. 76–86. (In Russian)
24. *Stoyukhina N.Yu.* Psikhologiya v poslevoennoi sovetской shkole: zabota partii o detyakh. *Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: daidzhest*. 2018. № 3. P. 49–69. (In Russian)
25. *Stoyukhina N.Yu., Zhuravlev A.L.* "Pavlovskaya" sessiya: novoe prochtenie. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 5. P. 49–58. (In Russian)
26. *Tvorcheskaya sila sovetской nauki. Pravda.* 1951. 3 fevralya. № 36. P. 1. (In Russian)
27. *Teplov B.M.* Sovetskaya psikhologicheskaya nauka za 30 let. *Stenogramma publichnoi leksi, pročitannoi 13 oktyabrya 1947 goda v Dome Soyuzov v Moskve.* Moscow: Izd-vo "Pravda", 1947. (In Russian)
28. *Shemyakin F.N.* Vopros o predstavleniyakh v trudakh I.M. Sechenova i I.P. Pavlova. *Voprosy filosofii*. 1952. № 2. P. 98–111. (In Russian)

УДК 159.9(091); 159.9(092)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2022 г. А. Л. Свенцицкий

*Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия.
Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии.
E-mail: social.psychology@spbu.ru*

Поступила 10.08.2022

Аннотация. Рассматривается история возникновения и развития первой в отечественной психологической науке лаборатории социальной психологии, открытой в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете в сентябре 1962 г. на философском факультете (при отделении психологии) во главе с Е.С. Кузьминым. Первые задачи лаборатории состояли в разработке методов социально-психологического исследования и их освоении с целью изучения взаимоотношений в трудовых коллективах. Расширение тематики исследований началось с 1965 г., когда в Ленинградском государственном университете был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) и лаборатория полностью вошла в его состав. Ее сотрудники включились в научно-практическую работу по социальному планированию, основная идея которого состояла в регулировании жизнедеятельности трудовых коллективов на научной основе исходя из задач развития советского общества. Соответствующие разработки лаборатории экспонировались на ВДНХ СССР в 1969 и 1970 гг. Многие научные данные вошли в кандидатские диссертации сотрудников. С целью повышения эффективности управления руководство НИИКСИ ввело штатную должность заведующего лабораторией. Начался новый этап ее деятельности.

Ключевые слова: история психологии, лаборатория социальной психологии, изучение взаимоотношений в трудовых коллективах, комплексные социальные исследования, социальное планирование.

DOI: 10.31857/S020595920022786-0

Отечественная социальная психология прошла нелегкий путь своего становления и развития, прежде чем занять полноправное место в ряду наук о поведении и деятельности людей. Теоретическая мысль российских философов, социологов и психологов конца XIX — начала XX в., затрагивавших социально-психологические проблемы, не привела к выделению социальной психологии в качестве самостоятельной науки. Попытки формирования “марксистской социальной психологии” в 1920–1930-е годы не увенчались успехом по целому ряду объективных и субъективных причин. Это произошло вполне закономерно, поскольку “реальную разработку науки заменяли декларации” [7, с. 174]. Вместе с тем нельзя не отметить и отсутствие достаточной четкости в понимании предмета социальной психологии. С конца 1920-х — начала 1930-х годов начинается заметное уменьшение, а затем и полное исчезновение работ по социально-психологической проблематике. В это время возобладала точка зрения о ненужности социальной психологии в виде отдельной науки, поскольку в соответствии с теорией марксизма сознание

человека является осознанным бытием, а бытие человека всегда социально, так как любой человек входит в состав того или иного общества.

Период начала 1930-х — конца 1950-х годов с полным основанием можно считать временем перерыва в развитии отечественной социальной психологии, хотя многие наши авторы в своих работах мимоходом отмечают, что разработка социально-психологической проблематики продолжалась в сфере других наук (в основном педагогических). Тем не менее неоспоримым фактом является то, что в течение 1930–1950-х годов не было опубликовано ни одной книги, в которой бы рассматривались те или иные проблемы социальной психологии. В течение нескольких десятилетий социальная психология у нас считалась одной из ветвей буржуазной психологии и потому чуждой марксистской науке.

Общественно-политические перемены второй половины 1950-х — начала 1960-х годов, известные в наше время как “хрущевская оттепель”, привели к некоторой либерализации и в сфере научной мысли. Возможным стало возрождение отечественной

социальной психологии (естественно, на марксистском фундаменте). В 1959 г. профессор Б.Г. Ананьев (подробнее о нем см. [10]), в то время заведующий кафедрой психологии на философском факультете Ленинградского университета, в рецензии на монографию С.Л. Рубинштейна писал: «Нет оснований полагать, что “социальная психология” может быть только идеалистической и реакционной. Существование общественной психологии не менее бесспорно, чем существование идеологии» [1, с. 155].

Это заключение было для тех лет исключительно смелым, поскольку многие ортодоксальные обществоведы расценивали подобную мысль как попытку психологизировать марксистскую социологию. В своих устных выступлениях того времени Б.Г. Ананьев многократно обосновывал не только возможность, но и необходимость разработки социальной психологии как научной дисциплины, в которой чувствовалась большая общественная необходимость.

Именно благодаря научным и организационным усилиям Б.Г. Ананьева открывается в сентябре 1962 г. первая в стране лаборатория социальной психологии на философском факультете Ленинградского госуниверситета (при отделении психологии). Возглавил эту лабораторию доцент кафедры психологии Е.С. Кузьмин. Следует отметить, что в течение трех лет лаборатория не имела даже отдельного помещения и располагала первоначально двумя ставками — лаборанта (им был автор этих строк А.Л. Свенцицкий) и старшего лаборанта (Э.С. Чугунова). Е.С. Кузьмин осуществлял руководство на общественных началах, выполняя полную преподавательскую нагрузку доцента.

В это же время среди ведущих отечественных психологов растет интерес к социальной психологии как науке, ее актуальным теоретическим и прикладным проблемам. В 1962–1965 гг. на страницах журнала “Вопросы психологии” развернулась дискуссия о предмете социальной психологии, ее задачах на ближайшее время и на перспективу. Были опубликованы статьи инициаторов развития отечественной социальной психологии А.В. Баранова, Б.Д. Парыгина, Е.С. Кузьмина, Е.В. Шороховой, Н.С. Мансурова и К.К. Платонова. Каждый из них высказывал свою точку зрения на предмет социальной психологии, ее место в системе общественных наук, основные понятия и положения, факторы микро- и макросреды, обуславливающие закономерности поведения и деятельности людей. Несмотря на существенные различия по многим научным вопросам, все участники дискуссии сходились в одном: без разработки социально-

психологической проблематики познание человеческой жизнедеятельности будет страдать явной неполнотой. Вопрос о необходимости социальной психологии в системе психологических наук назрел.

Тем временем численность сотрудников лаборатории, возглавляемой Е.С. Кузьминым, постепенно увеличивалась, что вызвало необходимость четко определить ближайшие задачи и грядущие перспективы общей работы. Первые задачи лаборатории состояли в разработке методов социально-психологического исследования и их освоении с целью изучения взаимоотношений в трудовых коллективах.

Наряду с изучением методического опыта западных исследователей были установлены деловые контакты с руководителями ряда ленинградских промышленных предприятий, на базе которых стали постепенно разворачиваться эмпирические исследования социально-психологических аспектов жизнедеятельности производственных бригад. Активное участие в этих исследованиях принимали Н.В. Голубева, К.М. Замберг, Э.С. Чугунова под руководством Е.С. Кузьмина [3].

Полученные данные показали прежде всего, что особенности взаимоотношений в производственных коллективах непосредственно связаны с количеством и качеством выпускаемой продукции, а также с рядом других показателей жизнедеятельности коллективов [3]. Важную в прикладном плане научную работу проводила в эти годы Э.С. Чугунова. В содружестве с Научно-исследовательским институтом профессионально-технического образования она изучала социально-психологические факторы профессиональной устойчивости молодых рабочих и развития их технического творчества. Обнаружено, что рабочие с высоким уровнем профессиональной устойчивости характеризуются не только большей удовлетворенностью трудом, но также уверенностью в возможности для проявления интеллекта в своей работе и стремлением к поиску разнообразных путей непрерывного самосовершенствования [11].

Первые сотрудники лаборатории, еще не имея научных степеней и званий (за исключением Е.С. Кузьмина), постепенно, шаг за шагом приобретали социально-психологические знания и исследовательский опыт. Силами сотрудников лаборатории в 1965 г. был впервые прочитан лекционный курс по социальной психологии для студентов философского факультета университета.

Расширение тематики социально-психологических работ стало происходить с осени того же 1965 г., когда в Ленинградском госуниверситете был

создан научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Лаборатория социальной психологии полностью вошла в состав этого института. Первой комплексной работой, в которой сотрудники лаборатории приняли участие (совместно с другими лабораториями), было исследование эффективности управления Ленинградским университетом. С тех пор изучение социально-психологических проблем управления трудовыми коллективами становится одной из главных научных проблем лаборатории, а затем и кафедры социальной психологии.

Важным стимулом развития отечественной социальной психологии послужило открытие в 1966 г. факультета психологии в Ленинградском государственном университете (одновременно с Московским государственным университетом). Немалое значение имело и то, что факультет психологии и НИИКСИ, куда входила лаборатория социальной психологии, оказались в одном и том же здании. Тогда же ряд сотрудников лаборатории начал заниматься также и преподавательской работой в рамках специализации по социальной психологии. Стала очевидной необходимость дальнейшего организационного оформления социальной психологии на факультете. В итоге 28 августа 1968 г. был отдан приказ о создании первой кафедры социальной психологии в СССР. Ее руководителем стал Е.С. Кузьмин, защитивший вскоре докторскую диссертацию «Основы социальной психологии».

Возглавляемые Е.С. Кузьминым кафедра и лаборатория представляли собой своеобразный единый организм. Преподаватели кафедры проводили исследования совместно с сотрудниками лаборатории, а те, в свою очередь, читали лекции и руководили научной работой студентов.

Первые итоги научной деятельности сотрудников лаборатории были представлены в монографии Е.С. Кузьмина «Основы социальной психологии», вышедшей в издательстве Ленинградского университета в 1967 г. [4]. Обстоятельно рассматривались данные исследований на базе 19 производственных бригад (787 человек). Задача состояла в том, чтобы выяснить, как характер взаимоотношений рабочих влиял на уровень производительности труда, дисциплину и проявления инициативы.

С целью изучения подчас внешне скрытых взаимоотношений впервые в отечественных исследованиях была использована социометрическая техника выявления симпатий и антипатий членов бригад друг к другу. Рабочие в специальной инструкции были предупреждены, что их ответы останутся в тайне, а полученные данные могут быть продуктивными только при условии искренних

ответов. Сопоставление данных по всем изученным бригадам говорило о том, что уровень доброжелательных взаимоотношений непосредственно влияет на производительность труда, развитие рационализации, инициативность и другие компоненты поведения рабочих на предприятии.

Проводимые сотрудниками лаборатории исследования в первую очередь были направлены на изучение различных сторон отношения работников к труду и факторов его производительности. Уделялось также серьезное внимание вопросам мотивации трудовой деятельности людей в связи с их положением в формальных и неформальных группах. При этом исследования охватывали не только рабочие бригады, но и учебно-трудоустроенные группы в производственно-технических училищах (ПТУ). Рассматривалась, например, связь между опытом общения молодого человека в общеобразовательной школе и его поведением в ПТУ.

Рассматривая деятельность лаборатории начиная с середины 1960-х годов, нельзя не отметить большую исследовательскую работу, которая проводилась по хозяйственному договору с научно-производственным объединением (НПО) «Светлана», который длился в течение почти четверти века (руководитель А.А. Русалинова). Здесь можно выделить широкий круг проблем, разрешение которых было важно как с точки зрения науки, так и в прикладном смысле. Перечислим основные из них:

1) структура и характер взаимоотношений в производственных группах по горизонтали и по вертикали (А.А. Русалинова);

2) эффективность нисходящих коммуникаций, т.е. обеспечения рабочих социально-производственной информацией (В.Е. Семенов) и эффективность восходящих коммуникаций, т.е. обращений, направленных от рабочих к их цеховым руководителям различного ранга — от мастера до начальника цеха (А.Л. Свенцицкий);

3) социально-психологический анализ конфликтов в производственном коллективе и их регулирование. Получены данные, говорящие об объективной обусловленности межличностных конфликтов особенностями социально-производственной среды. Установлена также необходимость устранения субъективных условий их возникновения (Н.В. Гришина);

4) социальные потребности руководителей на промышленном предприятии. Выявление сравнительной значимости удовлетворения этих потребностей в зависимости от места в структуре управления, пола, возраста и стажа работы (А.Л. Свенцицкий);

5) другие насущные задачи научной организации труда и управления: социально-психологические факторы адаптации новичков на производстве; характерологические особенности личности в связи с ее социально-психологической позицией в производственной группе; пространственная организация рабочих мест взаимодействующих участников единого трудового процесса; социально-психологические особенности устойчивости работников к монотонии производственных операций; “психологический барьер” у работников при осуществлении нововведений на предприятии (как у рабочих, так и инженерно-технических работников); социально-психологическая специфика позиции мастера в производственной организации.

В этих исследованиях принимали участие почти все сотрудники лаборатории социальной психологии и ряд аспирантов кафедры (Н.В. Бахарева, М.П. Будякина, С.Ф. Буйнова, И.П. Волков, З.А. Линькова, И.Н. Гурвич, Е.А. Ермолаева, Н.А. Ильина, А.А. Мастаков, О.С. Михалюк, М.П. Пикельникова, А.А. Прохвятилов, С.А. Рас-торгуева, А.Н. Рождественский, Ю.П. Степкин, Ю.Т. Тимофеев, Р.Н. Хавская, Н.Ю. Хрящева, А.Ю. Шалыто). Полученные данные вошли в их научные статьи и кандидатские диссертации.

Многие материалы исследований, проведенных в Ленинградском научно-производственном объединении “Светлана”, а также на других предприятиях, нашли свое отражение в монографии А.Л. Свенцицкого “Социально-психологические проблемы управления”, изданной в 1975 г. [9]. Спустя два года эта работа была опубликована на японском языке в Токио.

Продолжая анализ научно-исследовательской деятельности лаборатории социальной психологии, следует упомянуть ее включение в работу по социальному планированию, которая была основным направлением деятельности НИИКСИ в течение ряда лет и носила комплексный характер. В ней принимали участие почти все лаборатории института. Основная идея социального планирования состояла в регулировании жизнедеятельности трудовых коллективов на научной основе исходя из задач развития советского общества. Немаловажная роль отводилась социально-психологическим аспектам такого планирования.

Методика комплексного планирования социального развития производственного коллектива содержала целый социально-психологический раздел, охватывавший широкую проблематику. В основе рекомендуемых мероприятий находились данные исследований сотрудников лаборатории в НПО “Светлана” и на других предприятиях

Ленинграда. В состав этих мероприятий входили следующие: совершенствование подбора и расстановки кадров с учетом данных психологических исследований личности работников; совершенствование взаимоотношений работников; оптимизация процесса адаптации новых рабочих (особенно молодежи) в коллективах предприятия; социально-психологическое просвещение руководителей всех рангов; повышение эффективности различных служб информации на предприятии; широкое использование общественного мнения в решении стоящих перед коллективом задач; совершенствование стиля управления на основе использования социально-психологических средств и ряд других [5; 8].

Разработки сотрудников лаборатории по социальному планированию экспонировались на ВДНХ СССР в 1969 и 1970 гг. Конечно, с высоты сегодняшнего дня нельзя не отметить элементов кампаний в движении по составлению планов социального развития предприятий и других организаций, а затем городов, районов и областей. Тогда руководители различных рангов спешили отчитаться перед вышестоящими партийными органами о том, что у них есть план социального развития подведомственных организаций. В гораздо меньшей степени их волновало то, насколько он был “научным”. Но разве не нужны были на самом деле проводимые социальными психологами исследования взаимоотношений в коллективе, адаптации новичков на предприятии, отношения к труду и других “вечных” проблем любой социальной организации? Предлагаемые учеными рекомендации действительно помогали людям успешнее работать и лучше чувствовать себя в коллективе.

В то же время важным направлением научных исследований лаборатории стали поиски в области использования аппаратных методик. Так, была применена техническая установка “гомеостат” (Ф.Д. Горбов), позволявшая моделировать групповую взаимозависимую деятельность людей в процессе решения экспериментальной задачи.

В качестве испытуемых выступали добровольцы, состоявшие из студентов и сотрудников университета, абитуриентов и школьников 11-го класса. Все они были разбиты на 20 групп по три человека в каждой. Решение экспериментальной задачи зависело от согласованности действий трех операторов. Каждый из них, находясь в такой группе, должен был вращать рукоятку своего прибора, решая совместную задачу установления стрелок всех трех приборов на определенных экспериментатором пунктах. Сложность задачи была обусловлена тем, что двигательные действия каждого из участников

влияти на показания других членов группы. Таким образом, эффективность работы группы в значительной степени зависела от коммуникативных свойств ее членов.

При этом были выявлены четыре типа коммуникативного поведения испытуемых исходя из особенностей их активности. Н.В. Голубева и М.И. Иванюк обнаружили, что успешность решения экспериментальных задач во многом зависела от сочетания в одной группе представителей каждого из этих типов поведения. Обнаружен и ряд других факторов, благоприятствовавших или, наоборот, мешавших решению общей задачи [2].

Разрабатывались также различные технические средства для сбора и обработки первичной информации в социально-психологических исследованиях, основанных на опросах больших групп людей (В.В. Бойко, Н.А. Васильев, И.П. Волков).

Начиная с самых первых лет создания лаборатории социальной психологии научные интересы ее сотрудников были сосредоточены не только на прикладных исследованиях, основная задача которых состояла в выработке рекомендаций по оптимизации трудовой деятельности работников предприятий и организаций. Большое и постоянное внимание уделялось освоению и разработке современных методов социально-психологического исследования, методик сбора и анализа первичной информации. Здесь можно отметить подготовку и защиты следующих кандидатских диссертаций: А.Л. Свенцицкий “Интервью как метод социальной психологии” (1966), И.П. Волков “Социометрия как метод социальной психологии” (1968), В.Е. Семенов “Применение метода контент-анализа в социально-психологических исследованиях” (1975). Неудивительно, что первая отечественная монография, посвященная рассмотрению методов социальной психологии, была написана сотрудниками лаборатории и кафедры социальной психологии [6]. Между тем в 1977 г. факультет психологии переехал в другое здание, за несколько километров от НИИКСИ, в состав которого входила лаборатория. С целью повышения эффективности управления ею руководство НИИКСИ решило ввести штатную должность руководителя лаборатории. Им стал выпускник

кафедры, кандидат, а затем и доктор психологических наук В.Е. Семенов.

Профессор Е.С. Кузьмин, до этого руководивший лабораторией на общественных началах, сосредоточил свои усилия на руководстве кафедрой. Начался новый период в деятельности лаборатории социальной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Бытие и сознание (о новой книге С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 1959. № 1. С. 149–156.
2. *Голубева Н.В., Иванюк М.И.* Различия в коммуникативном поведении при решении групповых задач // Человек и общество. НИИКСИ. Ученые записки. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 98–102.
3. *Голубева Н.В., Кузьмин Е.С.* Опыт изучения производственных коллективов // Социология в СССР. М.: Мысль. 1966. Т. 2. С. 389–409.
4. *Кузьмин Е.С.* Основы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.
5. *Кузьмин Е.С., Волков И.П., Свенцицкий А.Л., Русалинова А.А.* Совершенствование социально-психологических отношений в коллективе // Методика планирования социального развития коллектива промышленного предприятия. Л.: Лениздат, 1970. С. 210–226.
6. Методы социальной психологии / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
7. *Петровский А.В.* История советской психологии. М.: Просвещение, 1967.
8. Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Профиздат, 1975.
9. *Свенцицкий А.Л.* Социально-психологические проблемы управления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
10. *Тарабрина Н.В., Головей Л.А., Журавлев А.Л.* Б.Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
11. *Чугунова Э.С.* О некоторых социально-психологических условиях профессиональной устойчивости молодых рабочих // Человек и общество. НИИКСИ. Ученые записки. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 35–44.

REVIVAL OF DOMESTIC SOCIAL PSYCHOLOGY

A. L. Svenciczki

*St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7/9, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Department of Social Psychology.
E-mail: social.psychology@spbu.ru*

Received 10.08.2022

Abstract. The history of origin and development of the first Russian psychological laboratory of social psychology opened at St. Petersburg (Leningrad) State University in September 1962 at the Philosophy Department (under the Psychology Department) headed by E.S. Kuzmin is considered. The first tasks of the laboratory were to develop methods for socio-psychological research and to master them in order to study relationships in labor collectives. The research topic began to expand in 1965 when the Research Institute for Complex Social Research (NIIKSI) was created at Leningrad State University and the laboratory was fully integrated into it. Its staff became involved in scientific and practical work on social planning, the basic idea of which was to regulate the life of work collectives on a scientific basis, based on the objectives of Soviet society. Relevant developments from the laboratory were exhibited at the All-Union Exhibition of Achievements of the USSR in 1969 and 1970. Many of the scientific findings were included in the staff's PhD theses. In order to increase the efficiency of its management, NIIKSI's leadership introduced a full-time position of Head of Laboratory. A new stage of its activity began.

Keywords: history of psychology, laboratory of social psychology, study of relations in labour collectives, complex social research, social planning.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Bytie i soznanie (o novoj knige S.L. Rubinshtejna). *Voprosy psihologii*. 1959. № 1. P. 149–156.
2. *Golubeva N.V., Ivanjuk M.I.* Razlichija v kommunikativnom povedenii pri reshenii gruppovyh zadach. *Chelovek i obshhestvo*. NIIKSI. *Uchenye zapiski*. V. 1. Leningrad.: Izd-vo LGU, 1966. P. 98–102.
3. *Golubeva N.V., Kuz'min E.S.* Opyt izuchenija proizvodstvennyh kollektivov. *Sociologija v SSSR*. Moscow: Mysl'. 1966. V. 2. P. 389–409.
4. *Kuz'min E.S.* *Osnovy social'noj psihologii*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1967.
5. *Kuz'min E.S., Volkov I.P., Svencickij A.L., Rusalina A.A.* Sovershenstvovanie social'no-psihologicheskikh otnoshenij v kollektive. *Metodika planirovanija social'nogo razvitija kollektiva promyshlennogo predpriyatija*. Leningrad: Lenizdat, 1970. P. 210–226.
6. *Metody social'noj psihologii*. Eds. E.S. Kuz'min, V.E. Semenov. Leningrad: Izd-vo LGU, 1977.
7. *Petrovskij A.V.* *Istorija sovetskoj psihologii*. Moscow: Prosveshhenie, 1967.
8. *Planirovanie social'nogo razvitija kollektiva predpriyatija*. *Metodicheskie rekomendacii*. 2-e izd., dop. i pererab. Moscow: Profizdat, 1975.
9. *Svencickij A.L.* *Social'no-psihologicheskie problemy upravlenija*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1975.
10. *Tarabrina N.V., Golovej L.A., Zhuravlev A.L.* B.G. Anan'ev i mezhdisciplinarnye issledovanija v psihologii (k 110-letiju so dnja rozhdenija). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 5. P. 108–117.
11. *Chugunova Je.S.* O nekotoryh social'no-psihologicheskikh uslovijah professional'noj ustojchivosti molodyh rabochih. *Chelovek i obshhestvo*. NIIKSI. *Uchenye zapiski*. V. 1. Leningrad: Izd-vo LGU, 1966. P. 35–44.

УДК 159.9.072

АДАПТАЦИЯ И ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА МЕТОДИКИ “КОРОТКИЙ ОПРОСНИК ТЕМНОЙ ТЕТРАДЫ”^{1,2}

© 2022 г. Д. С. Корниенко*, В. К. Вязовкина**, И. С. Горностаев***

Институт общественных наук РАНХиГС;

119602, проспект Вернадского, д. 82, стр. 3, Москва, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: dscorney@mail.ru

** Менеджер научно-исследовательской лаборатории когнитивных исследований.

E-mail: vuzovkinav@yandex.ru

*** Магистрант факультета психологии.

E-mail: igorgorn23@gmail.com

Поступила 03.06.2022

Аннотация. Исследование посвящено адаптации русскоязычной версии Короткого опросника Темной тетрады (Short Dark Tetrad questionnaire, SD4), позволяющего диагностировать черты личности: макиавеллизм, субклинические нарциссизм, психопатию и садизм. Опросник является диагностическим инструментом модели Темной тетрады — продолжением исследований модели Темной триады личностных черт. Выборка исследования составила 765 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19.97$; $SD = 1.87$; 71.8% женщин) из которых 366 (47.84%) участвовали в ретестовой серии. Помимо исследуемого опросника, респондентам предлагались методики на оценку аналогичных черт модели Темной триады, опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри, Краткий опросник Большой пятерки. На основе конфирматорного анализа была подтверждена четырехфакторная структура опросника, которая имеет индексы пригодности, сравнимые с индексами оригинального опросника и других адаптаций. Шкалы опросника демонстрируют достаточные показатели надежности, хорошую конвергентную (при сопоставлении с опросниками, диагностирующими черты макиавеллизма, нарциссизма и психопатии) и дивергентную валидность. Шкала садизма обнаруживает связи с характеристиками агрессии (физическая агрессия, враждебность, гнев). Шкалы опросника показали устойчивость результатов во времени. С чертами Большой пятерки были обнаружены: положительные взаимосвязи — нарциссизма с экстраверсией, открытостью опыту и эмоциональной стабильностью, отрицательные — макиавеллизма с согласием, психопатии и садизма с согласием и добросовестностью. Результаты психометрической проверки русскоязычного варианта Короткого опросника Темной тетрады свидетельствуют о его надежности и валидности, возможности его использования как диагностического инструмента.

Ключевые слова: Темная тетрада, Темная триада, адаптация, валидизация, проверка надежности, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, садизм.

DOI: 10.31857/S020595920022787-1

Термин “Темная триада” был введен в психологический научный дискурс канадскими исследователями Д. Полхусом и К. Уильямсом в 2002 г. Они продемонстрировали, что такие личностные черты, как макиавеллизм, субклиническая психопатия и субклинический нарциссизм, могут быть

объединены в единый симптомокомплекс, характеризующий “негативные” стороны личности [30]. Макиавеллизм характеризует склонность манипулировать другими, эмоциональную холодность, цинизм и низкую эмпатию [22]. Неклинический нарциссизм описывается как чувство превосходства, грандиозности и стремление к использованию других в собственных целях [30]. По результатам исследований нарциссизм в сравнении с двумя другими чертами может рассматриваться как положительный аспект Темной триады, так как обнаруживает позитивные связи с экстраверсией, открытостью

¹ Выражаем благодарность в помощи при проведении исследования студентам факультета психологии ИОН РАНХиГС: Бедрий В.О., Варенову М.А., Селивановой А.И., Третьяковой С.А.

² Исследование выполнено при поддержке ИОН РАНХиГС, проект 1994 (тема 13.15).

новому опыту, вербальным интеллектом и толерантностью к неопределенности [13]. Неклиническая психопатия включает такие характеристики, как импульсивность, агрессивность, жестокость, низкая тревожность, склонность к обману. Конструкт “Темная триада” был воспроизведен в разных странах и на разных группах [6; 17; 28]. Черты Темной триады находятся во взаимосвязи друг с другом, при этом каждая из них представляет собой самостоятельный конструкт, не сводимый к остальным. В основе взаимосвязи данных черт лежат такие личностные характеристики, как эмоциональная холодность, низкая доброжелательность, склонность к обману, первичная психопатия и высокая самооценка [7].

Впоследствии к выделенным факторам Темной триады была добавлена еще одна черта личности — субклинический садизм [29]. В отечественной науке феномен садизма изучается в большей степени с позиции психопатологии. Например, в юридической психологии, судебной психиатрии и криминологии феномен садизма рассматривается с точки зрения предикторов насильственного поведения и характеристики личности преступников (см., например, [2]). Также феномен садизма рассматривается в связи с такими проявлениями личности, как жестокость, агрессивность, мазохизм, парафилии [1; 4; 14].

В настоящий момент в отечественной психологии разрабатывается понятие субклинического (обыденного) садизма, получившее широкое распространение в западных исследованиях последних лет. Обзор исследований показывает, что последнее время феномен обыденного, повседневного садизма рассматривается как нормативная черта личности, характеризующая склонность к унижению других людей, причинению физического, сексуализированного или психологического страдания ради собственного удовлетворения [8].

В связи с наличием сходства в паттернах проявления субклинического садизма, субклинического нарциссизма, субклинической психопатии и макиавеллизма рассматриваемые черты были объединены в термине “Темная тетрада”, общим ядром которой являются дефицит эмпатии и манипулятивность [4; 29].

Методы исследования Темной триады. С момента обозначения Темной триады возник вопрос о методе измерения данного симптомокомплекса. Зарубежными исследователями модели Темной триады были разработаны методы, позволяющие диагностировать все черты, которые составляют Темную триаду: “Краткий опросник Темной

триады” (Short Dark triad measure, SD3) [21] и опросник “Темная дюжина” (Dirty dozen, DD), [20]. “Короткий опросник Темной триады” (содержит 28 пунктов) был адаптирован в России [5]. Также адаптация “Краткого опросника Темной триады” (18 пунктов) была проведена Д.С. Корниенко и Ф.В. Деришем [10] на основе IRT (Item response theory). Опросник “Темная дюжина” (содержит 12 пунктов) был адаптирован Т.В. Корниловой с коллегами [11] и является коротким вариантом диагностики выраженности черт Темной триады. Данный опросник обладает достаточными показателями валидности и надежности.

В связи с развитием модели негативных черт личности “Темная триада” и расширением ее за счет добавления черты “садизм” также встал вопрос о новом методе диагностики. В 2021 г. Д. Полхусом и коллегами был предложен Короткий опросник Темной тетрады (The Short Dark Tetrad, SD4) [29], состоящий из 28 пунктов, по 7 на каждую из четырех шкал.

Целями данного исследования стали адаптация русскоязычной версии опросника Темной тетрады, проверка структуры опросника, надежности шкал опросника, дискриминантной и конвергентной валидности, устойчивости во времени, а также связей с базовыми личностными чертами.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Всего было опрошено 964 респондента. После исключения неполных ответов и ответов респондентов, которые прошли только ретестовую серию опроса, была сформирована выборка из 765 человек — они приняли участие в тестовой серии. Из них 366 (47.84%) приняли участие в ретестовой серии. Возраст участников исследования составляет от 18 до 25 лет (тест: $M = 19.97$; $SD = 1.89$; ретест: $M = 19.97$; $SD = 1.85$). Распределение по полу для выборки тестовой серии: 549 (71.8%) женщин, 216 (28.2%) мужчин, для ретестовой серии 274 (74.9%) женщины, 92 (25.1%) мужчины. Большинство респондентов проживают в Москве (тест 78.9%; ретест 82%) и являются студентами высших учебных заведений (тест 54.5%; ретест 57.9% — студенты РАНХиГС).

Методики. В тестовой серии исследования были использованы следующие методики.

Опросник “Темной тетрады”, разработанный Д. Полхусом с коллегами и состоящий из четырех шкал: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм [29]. В опросник входит 28 пунктов. Участнику необходимо оценить степень своего согласия

по 5-балльной шкале (где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен). Примеры пунктов шкалы садизма: “Я люблю жестокие фильмы и видеоигры”, “Некоторые люди заслуживают страданий”, “Я знаю, как причинить боль только одними словами”. Опросник основан на модели Темной тетрады, которая является развитием модели Темной триады, включающей макиавеллизм, неклинические нарциссизм и психопатию. В Темную тетраду в качестве новой черты включен неклинический садизм, который характеризует сниженную эмпатию и бессердечное отношение к другим, в чем проявляется его сходство с уже имеющимися чертами, а также добавляет аспект, связанный с получением удовольствия от причинения вреда другим, что является расширением модели [29].

Перевод опросника был осуществлен авторами статьи, затем произведена верификация обратного перевода, в которой участвовали трое специалистов, имеющих филологическое и психологическое образование и регулярную практику использования английского языка в профессиональной деятельности. Текст опросника приводится в приложении.

Для установления конвергентной валидности черт макиавеллизма, нарциссизма и психопатии использовались два опросника, диагностирующие черты “Темной триады”:

— *Короткий опросник Темной триады* [5]. Методика состоит из 27 вопросов. Три шкалы охватывают факторы макиавеллизма, нарциссизма и психопатии. Респонденты оценивают степень своего согласия по 5-балльной шкале (где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен);

— *Опросник “Темная дюжина”* [11]. Содержит 12 пунктов, респонденту необходимо оценить степень своего согласия по 5-балльной шкале (где 1 — не нужно, а 5 — согласен). Включает три шкалы: макиавеллизм, нарциссизм и психопатия.

Для установления конвергентной валидности черты “садизм” использовался *опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри* [9]. Опросник содержит три шкалы: физическая агрессия, гнев и враждебность. В состав входит 24 пункта. Участник оценивает степень своего согласия по 5-балльной шкале (где 1 — очень на меня не похоже, а 5 — очень на меня похоже).

Для установления взаимосвязей черт Темной тетрады с базовыми свойствами личности использовался *Краткий опросник Большой пятерки (КОБП)* [12]. В опросник входит 10 пунктов, разбитых на пять шкал: экстраверсия, доброжелательность, сознательность, нейротизм и открытость новому

опыту. Участнику необходимо оценить степень своего согласия по 7-балльной шкале (где 1 — полностью не согласен, а 7 — полностью согласен).

В ретестовой серии был повторно размещен опросник Темной тетрады.

В каждой серии была предложена к заполнению социально-демографическая анкета. Чтобы сопоставить данные одного и того же участника, каждый респондент оставлял последние 4 цифры мобильного телефона. В анкету также входили вопросы о годе рождения, городе проживания, месте обучения (если участник являлся студентом), а также согласие на обработку, систематизацию, накопление и хранение персональных данных, полученных при проведении психологического исследования. Опросники были размещены на платформе 1КА.

Процедура. Исследование проводилось с октября 2021 по январь 2022 г. Сбор данных осуществлялся через Интернет, респонденты получали ссылку на сайт 1sk.si с адресом опроса. Респонденты, прошедшие первый опрос (тест), через месяц получали аналогичную ссылку на повторное прохождение опроса (ретест). При первом опросе респондентам предъявлялись следующие методики: Короткий опросник Темной тетрады, Короткий опросник Темной триады, опросник “Темная дюжина”, КОБП, опросник агрессии Басса—Перри; при повторном прохождении — Короткий опросник Темной тетрады. Сбор данных осуществлялся шестью исследователями, у которых была своя ссылка, после прохождения респондентами обеих частей опроса все данные отдельных исследователей были объединены в единый массив. Для анализа результатов применялись методы корреляционного, сравнительного и конфирматорного факторного анализа, расчеты проводились в среде статистического анализа *R*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Структура опросника Темной тетрады. Для проверки структуры опросника был проведен конфирматорный анализ. Процедура конфирматорного анализа воспроизводила описанную авторами методику [29], а также была основана на работах по использованию конфирматорного анализа при проверке опросников [24; 25]. Было сформировано 12 парселов³ (кумулятивных подшкал) для

³ Парселинг является процедурой создания групп пунктов опросника (промежуточных субшкал) и использования этих групп пунктов в качестве экзогенных переменных для эндогенного (латентного) фактора [25].

каждой черты; по два парсела, состоящих из двух пунктов и один из трех. Также был проведен контроль внутренней согласованности пунктов в парселе для избежания сильного расхождения значений [23]. Первоначальная модель продемонстрировала достаточную пригодность, однако после добавления ковариаций на основе индексов модификаций модель обнаружила более высокие индексы пригодности, которые близки к индексам, полученными авторами опросника (табл. 1).

Кроме того, была сделана проверка модели без парселов, в которой рассматривались отдельные пункты опросника. Модель с отдельными пунктами показала значительно меньшие индексы пригодности, также сравнимые с индексами в оригинальной версии, хотя при проверке структуры опросника в другом исследовании пригодность модели, состоящей из пунктов, оказалась выше [19].

При адаптации Короткого опросника Темной тетрады на немецкий язык также были повторены процедуры, использованные авторами при разработке оригинальной версии. Конфирматорный анализ с использованием отдельных пунктов показал низкие значения индекса *CFI*, как и в нашем случае, но аналогичные значения индексов *RMSEA* и *SRMR*. Конфирматорный анализ с использованием парселов также показал более высокие значения индексов пригодности, близкие как к нашим результатам, так и к результатам авторов опросника [16]. Это позволяет рассматривать полученную нами структуру как соответствующую оригинальной версии опросника.

Надежность шкал опросника Темной тетрады.

Далее была подсчитана надежность шкал опросника для результатов теста и ретеста. Рассматривалось несколько коэффициентов: α Кронбаха, ω Макдональда и коэффициент расчета надежности по методу точной нижней границы. Обращение к нескольким коэффициентам связано с критикой использования α Кронбаха как единственного метода расчета надежности [33], недооценкой надежности при использовании α Кронбаха и возможностями использования других методов, в частности, при асимметрии в распределении данных [34]. Проверка асимметрии распределения пунктов каждой шкалы показала, что они отклоняются от нормального, и в этом случае более применимым будет метод точной нижней границы [34]. По результатам данных тестовой серии надежность (коэффициент *glb*) трех шкал превышает 0.7, для Макиавеллизма 0.6, а по результатам данных ретестовой серии оказывается ближе к значению 0.8 (табл. 2). Полученные коэффициенты надежности являются сопоставимыми по величине с другими исследованиями [16], но оказываются ниже коэффициентов, полученных авторами оригинального опросника [29]. Учитывая неоднозначность в характеристике пороговых значений надежности [33], полученные коэффициенты можно рассматривать как хорошие.

При сравнении полученных коэффициентов с результатами Блотнера [16] можно обнаружить близость в значениях α Кронбаха. По результатам исследования Л. Форсайта и коллег [18] значения коэффициента α для садизма (0.88) и макиавеллизма

Таблица 1. Показатели согласованности конфирматорных моделей для опросника Темной тетрады

Модель	χ^2	<i>df</i>	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i> [90% CI]	<i>SRMR</i>
Модель исходная (парселы)	178.71*	48	0.943	0.06 90% CI [0.05–0.07]	0.048
Модель с индексами модификациям (парселы)	135.8*	44	0.960	0.052 90% CI [0.04–0.06]	0.041
Модель (парселы), Paulhus et al., 2020 [29]	132*	48	0.97	0.05 95% CI [0.04–0.07]	0.04
Модель (парселы), Blötner et al., 2021 [16]	157.5*	48	0.92	0.06 90% CI [0.05–0.07]	0.04
Модель отдельных пунктов	1446.35*	344	0.74	0.065 90% CI [0.06–0.07]	0.071
Модель отдельных пунктов, Paulhus et al., 2020 [29]	1691*	344	0.88	0.077 95% CI [0.07–0.08]	0.07
Модель отдельных пунктов, Blötner et al., 2021 [16]	963.12*	344	0.78	0.06 90% CI [0.05–0.06]	0.07
Модель отдельных пунктов, Furnham, Horne, 2021 [19]	1275.28*	344	0.94	0.074 95% CI [0.07–0.08]	0.08

Примечание. χ^2 — критерий хи-квадрат; *df* — число степеней свободы; *CFI* — сравнительный индекс согласия Бентлера; *RMSEA* — корень среднев квадратической ошибки аппроксимации; 90%, 95% CI — границы доверительного интервала для *RMSEA*; *SRMR* — стандартизованный среднев квадратический остаток. * — $p < 0.001$.

Таблица 2. Показатели надежности для шкал опросника Темной тетрады

Показатель	Тест ($n = 765$)			Ретест ($n = 366$)			Paulhus et al., 2020 [29]		Blötner et al., 2021 [16]
	α	ω	glb(a)	α	ω	glb(a)	α	ω	α
Макиавеллизм	0.61	0.74	0.69	0.69	0.78	0.77	0.83	0.84	0.70
Нарциссизм	0.72	0.79	0.78	0.75	0.81	0.81	0.78	0.80	0.77
Психопатия	0.67	0.77	0.75	0.73	0.79	0.80	0.82	0.83	0.74
Садизм	0.74	0.87	0.78	0.74	0.89	0.81	0.82	0.85	0.69

Примечание. α — альфа Кронбаха; ω — омега Макдональда; glb(a) — greatest lower bound algebraic, точная нижняя граница алгебраическая.

(0.81) являются наиболее высокими, ниже — для психопатии (0.75) и нарциссизма (0.64). В турецкой адаптации были получены значения α Кронбаха от 0.651 (макиавеллизм) до 0.784 (нарциссизм) [15]. В целом за исключением авторов опросника значения коэффициентов надежности выше 0.8 встречаются редко.

Конвергентная и дискриминантная валидность. Коэффициенты конвергентной валидности для макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма превышают пороговое значение 0.7 [36]. Расчет дискриминантной валидности также показал значения ниже пороговых 0.8 [31] (табл. 3). Далее были подсчитаны корреляции между шкалами опросника, также по результатам теста и ретеста. Корреляции между значениями шкал по результатам теста и ретеста следующие ($p < 0.01$): макиавеллизм ($r(n = 366) = 0.67$), нарциссизм ($r(n = 366) = 0.75$), психопатия ($r(n = 366) = 0.78$), садизм ($r(n = 366) = 0.80$). Все шкалы обнаруживают значимые взаимосвязи друг с другом, при этом наиболее высокие значения коэффициента корреляции обнаруживают психопатия и садизм, а наиболее низкие — нарциссизм и садизм. Учитывая более высокие значения коэффициентов для психопатии и садизма,

можно предполагать большее содержательное сходство в данных конструктах.

Наши данные согласуются с авторскими, демонстрируя наименьшие значения для связей между нарциссизмом и садизмом ($r = 0.16; p < 0.01$) и наибольшие значения между психопатией и садизмом ($r = 0.49; p < 0.01$), отличием являются более высокие коэффициенты корреляции по нашим данным между макиавеллизмом и нарциссизмом ($r = 0.11; p < 0.01$) (значения в скобках приводятся по [29]).

Сравнение результатов теста и ретеста для шкал опросника Темной тетрады. При сравнении средних значений между респондентами, прошедшими обе серии тестирования, не было получено значимых различий (t -критерий для связанных выборок с поправкой Бонферрони), что позволяет констатировать устойчивость результатов опросника при измерении на той же группе людей (табл. 4).

Конвергентная валидность. Корреляции шкал опросника Темной тетрады с аналогичными шкалами Короткого опросника Темной триады и опросника “Темная дюжина”. Анализ конвергентной валидности проводился с использованием Краткого опросника Темной триады [5] и опросника “Темная дюжина” [11]. Так как для черты “садизм”

Таблица 3. Коэффициенты конвергентной и дискриминантной валидности и коэффициенты корреляции между шкалами опросника Темной тетрады по результатам теста и ретеста

Показатель	CV	Коэффициент дискриминации			Коэффициент корреляции			
		1	2	3	1	2	3	4
Макиавеллизм	0.714					0.36**	0.19**	0.40**
Нарциссизм	0.888	0.32			0.27**		0.29**	0.22**
Психопатия	0.800	0.34	0.38		0.20**	0.27**		0.58**
Садизм	0.852	0.44	0.20	0.66	0.37**	0.18**	0.55**	

Примечание. Ниже центральной диагонали результаты для теста ($n = 765$), выше для ретеста ($n = 366$); * — $p < 0.05$. ** — $p < 0.01$; CV — конвергентная валидность.

Таблица 4. Средние и стандартные отклонения для шкал опросника Темной тетрады по результатам теста и ретеста

Переменная	Тест ($n = 765$)		Ретест ($n = 366$)	
	M	SD	M	SD
Макиавеллизм	3.13	0.55	3.16	0.58
Нарциссизм	3.08	0.60	3.11	0.61
Психопатия	2.38	0.61	2.42	0.66
Садизм	2.30	0.72	2.33	0.71

не существует адаптированного метода измерения, данные по садизму рассматриваются отдельно в связи с опросником диагностики агрессии А. Басса и М. Перри [9]. Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия обнаружили корреляции с одноименными показателями по методикам диагностики Темной триады (табл. 5). Кроме того, черты, составляющие модель Темной триады, независимо от метода диагностики обнаруживают взаимосвязи друг с другом. Например, макиавеллизм значимо связан со всеми шкалами Короткого опросника Темной триады и шкалами Темной дюжины. В отношении связей садизма обнаружены корреляции со всеми шкалами опросников, измеряющих Темную триаду, при этом более высокое значение корреляции обнаруживается для связей садизма и психопатии. Интерес для дальнейших исследований представляет более высокое значение корреляции для макиавеллизма и садизма. В случае опросника “Темная дюжина” значение корреляции садизма и макиавеллизма сравнимо с корреляцией садизма и психопатии.

Конвергентная валидность. Корреляции шкал опросника Темной тетрады со шкалами опросника

Таблица 5. Корреляционные взаимосвязи шкал опросника Темной тетрады со шкалами Короткого опросника Темной триады и опросника “Темная дюжина”

Показатель	Опросник Темной тетрады ($n = 765$)			
	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия	Садизм
<i>Короткий опросник Темной триады</i>				
Макиавеллизм	0.75**	0.29**	0.23**	0.44**
Нарциссизм	0.22**	0.75**	0.20**	0.14**
Психопатия	0.29**	0.23**	0.76**	0.67**
<i>Опросник “Темная дюжина”</i>				
Макиавеллизм	0.57**	0.36**	0.36**	0.47**
Нарциссизм	0.35**	0.52**	0.17**	0.18**
Психопатия	0.33**	0.13**	0.42**	0.49**

Примечание. ** — $p < 0.01$.

Таблица 6. Корреляционные взаимосвязи шкал опросника Темной тетрады и опросника агрессии Басса—Перри

Показатель	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия	Садизм
Физическая агрессия	0.16**	0.15**	0.56**	0.53**
Гнев	0.21**	0.05	0.32**	0.24**
Враждебность	0.24**	0.02	0.36**	0.33**

Примечание. ** — $p < 0.01$.

Таблица 7. Корреляционные взаимосвязи шкал опросника Темной тетрады и Краткого опросника Большой пятерки

Показатель	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия	Садизм
Экстраверсия	-0.04	0.39**	0.19**	-0.00
Согласие	-0.18**	0.04	-0.24**	-0.27**
Добросовестность	-0.03	0.16**	-0.21**	-0.15**
Эмоциональная стабильность	0.02	0.11**	-0.13**	0.05
Открытость опыту	-0.02	0.16**	0.39**	0.17**

Примечание. ** — $p < 0.01$.

агрессии Басса—Перри. При рассмотрении корреляции шкалы садизма со шкалами опросника агрессии Басса—Перри [9] были обнаружены значимые положительные корреляции со шкалами (в порядке уменьшения коэффициента корреляции) физической агрессии, враждебности, гнева. Это позволяет говорить о том, что инструментальный, аффективный и когнитивный компоненты агрессии будут более выражены при более высоких значениях садизма. Кроме того, обнаружены связи шкал опросника агрессии со шкалой психопатии и шкалы враждебности с макиавеллизмом (табл. 6).

Взаимосвязи черт, диагностируемых по опроснику Темной тетрады, с чертами Большой пятерки. Корреляционные связи с чертами Большой пятерки, диагностированные по Краткому опроснику Большой пятерки (ТІРІ, КОБТ) [12], обнаружены для макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма (табл. 7). При этом макиавеллизм обнаруживает только отрицательную связь с согласием, нарциссизм демонстрирует положительные связи с добросовестностью, эмоциональной стабильностью и открытостью опыту, а психопатия положительно связана с экстраверсией

и открытостью, отрицательно — с согласием, добросовестностью и эмоциональной стабильностью.

Сопоставляя полученные результаты с результатами авторов опросника, которые рассматривали корреляции черт Темной тетрады с чертами по опроснику Большой пятерки (BFI), обнаруживаются аналогичные связи для: макиавеллизма и доброжелательности ($r = -0.31$; $p < 0.01$); нарциссизма с экстраверсией ($r = 0.49$; $p < 0.01$), сознательностью ($r = 0.11$; $p < 0.01$) и открытостью ($r = 0.30$; $p < 0.01$); для психопатии с экстраверсией ($r = 0.20$; $p < 0.01$), доброжелательностью ($r = -0.39$; $p < 0.01$), сознательностью ($r = -0.24$; $p < 0.01$) и открытостью ($r = 0.10$; $p < 0.01$); садизма с доброжелательностью ($r = -0.24$; $p < 0.01$) и сознательностью ($r = -0.23$; $p < 0.01$) [29]. При сопоставлении с результатами корреляционного анализа черт Темной триады с чертами Большой пятерки по опроснику КОБТ (PIPI) обнаруживаются аналогичные факты в отношении связей макиавеллизма и согласия ($r = -0.15$; $p < 0.01$), нарциссизма и экстраверсии ($r = 0.22$; $p < 0.01$), психопатии с согласием ($r = -0.34$; $p < 0.01$) и добросовестностью ($r = -0.16$; $p < 0.01$) [12].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Данное исследование ставило своей целью адаптировать русскоязычный вариант Короткого опросника Темной тетрады, направленного на измерение четырех черт — макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма. Опросник является результатом развития модели Темной триады, к которой была добавлена еще одна черта — садизм.

Надежность (коэффициент glb) шкал опросника — нарциссизма, психопатии и садизма — составляет 0.7–0.8, а для макиавеллизма — 0.6–0.7. Сравнение коэффициентов надежности альфа с исследованиями, проведенными по психометрической проверке Короткого опросника Темной триады по трем свойствам (макиавеллизм, нарциссизм и психопатия), также показывают близкие значения: макиавеллизм (0.67; 0.72), нарциссизм (0.72; 0.74), психопатия (0.65; 0.7) [6; 10]. Значения коэффициента надежности ω близки к значениям, полученным при адаптации опросника “Темная дюжина”: макиавеллизм (0.74), нарциссизм (0.73), психопатия (0.64) [11].

Опросник Темной тетрады демонстрирует хорошую конвергентную и дискриминантную валидность. Шкалы опросника обнаруживают умеренные корреляции между собой, за исключением шкал психопатии и садизма. Сходный паттерн

корреляций также обнаруживается и в других исследованиях с применением методики Короткого опросника Темной тетрады, например [18; 19], а также в немецкой и турецкой версиях опросника [15; 16]. Сравнение корреляций трех черт (макиавеллизма, нарциссизма и психопатии) с результатами русских адаптаций опросника Темной триады также обнаруживает близкие значения ($r = 0.31-0.42$) [5].

Обнаружены корреляции макиавеллизма, нарциссизма и психопатии с одноименными чертами, диагностированными Коротким опросником Темной триады и опросником “Темная дюжина”. Это позволяет рассматривать черты, диагностируемые по адаптируемому опроснику, как близкие к чертам модели Темной триады. Также установлено, что черты, диагностированные опросником Темная тетрада, обнаруживают с чертами Краткого опросника Темной триады аналогичные связи, например, макиавеллизм ($T4^4$) связан с нарциссизмом ($T3^5$) и психопатией ($T3$) так же, как макиавеллизм из Краткого опросника Темной триады. Связи черты “садизм” обнаруживаются со всеми чертами Темной триады, диагностированными по другим опросникам, при этом коэффициенты связи психопатии и садизма оказываются сравнимыми с корреляциями для разных измерений психопатии. Возможным объяснением этого является следующее: в шкалу садизма включены пункты, описывающие не только жестокость, но и получение удовольствия от причинения вреда другим, которые также представлены в содержании пунктов шкалы психопатии опросников Темной триады [29], а пункты, характеризующие импульсивность, составляют основное содержание шкалы психопатии в опроснике “Темная тетрада”. Изменение содержания пунктов, относящихся к шкале психопатии и садизму в Темной тетраде, вероятно, объясняет и наличие более высоких корреляций между макиавеллизмом, измеренным опросниками Темной триады, и садизмом. Однако данные утверждения требуют дополнительного исследования.

В качестве черт для проверки внешней валидности шкалы садизма рассматривались характеристики, диагностируемые при помощи опросника агрессии Басса—Перри. Обнаружены связи садизма с показателями физической агрессии, враждебности и гнева. При этом аналогичные взаимосвязи обнаружены и для шкалы психопатии, что согласуется с результатами других авторов [3]. Более высокие значения коэффициента корреляции садизма с физической агрессией связаны с содержательной

⁴ $T4$ — Темная тетрада.

⁵ $T3$ — Темная триада.

близостью вопросов относительно непосредственного негативного воздействия на другого человека или положительным отношением к наблюдаемой агрессии. Связи со шкалой враждебности могут быть основаны на сходстве содержания вопросов относительно убеждений в недоброжелательности других или негативной установкой в отношении других. Связи со шкалой “гнев” скорее отражают особенности импульсивности, и, вероятно, поэтому коэффициент корреляции выше для шкалы психопатии, чем для шкалы садизма. Вместе с тем обнаруженные связи обозначают перспективный вопрос исследования специфики психопатии и садизма, в частности, вероятно, что психопатия может обнаруживать больше импульсивных проявлений агрессии, тогда как садизм в большей степени связан с проявлениями агрессии, возникающими в результате негативных эмоций относительно поведения других. Также следует отметить корреляцию шкалы макиавеллизма со шкалой враждебности, что исходя из содержания вопросов скорее отражает общую недоброжелательность в отношении других.

Были рассмотрены взаимосвязи черт опросника Темной тетрады с чертами модели Большая пятерка, диагностированные Кратким опросником Большой пятерки (ТІРІ, КОБТ). Обнаруженные взаимосвязи нарциссизма и экстраверсии являются известным фактом и отмечались в исследованиях при использовании других методов измерения нарциссизма (см., например, [26]), положительную связь с нейротизмом обнаруживает преимущественно чувствительный нарциссизм [32]. В отношении связей психопатии и садизма отрицательные связи с чертами “доброжелательность” и “сознательность” (“добросовестность”) были установлены ранее [27; 35].

ВЫВОДЫ

1. При проверке конструктивной валидности русскоязычной версии опросника Темной тетрады была воспроизведена процедура авторов оригинальной версии, в результате чего была получена аналогичная структура, включающая четыре фактора: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм. Это совпадает с теоретическим конструктом и другими адаптациями опросника.

2. Надежность шкал опросника Темной тетрады является достаточной и согласуется с результатами других исследований и апробаций опросника.

3. Короткий опросник Темной тетрады обладает устойчивостью во времени: респонденты

демонстрируют аналогичные результаты при ответах на опросник, предъявленный в разные периоды времени.

4. Анализ конвергентной и дискриминантной валидности показал, что шкалы опросника диагностируют различные черты. Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия, диагностируемые по опроснику Темной тетрады, обнаруживают аналогичные взаимосвязи, что и черты, диагностируемые с помощью опросников для модели Темной триады.

5. Шкала садизма, являющаяся новой по сравнению с моделью Темной триады, характеризует более высокий уровень инструментального, аффективного и когнитивного компонентов агрессии. В целом можно констатировать, что шкала садизма измеряет сходные характеристики в отношении причинения вреда другому, жестокости и получения удовольствия от собственных агрессивных действий. Однако наличие аналогичных связей у шкалы психопатии ставит вопрос об изучении специфики черт садизма и психопатии.

6. Связи черт опросника Темной тетрады с диспозиционными чертами модели Большой пятерки позволяют говорить о том, что при более высоком макиавеллизме обнаруживается более низкое согласие, при высоких значениях нарциссизма — более высокая экстраверсия, открытость опыту и эмоциональная стабильность, а при более высоких значениях психопатии и садизма — низкие согласие и добросовестность.

7. На основании полученных результатов адаптированный опросник Темной тетрады можно использовать на русскоязычных выборках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонян Ю.М.* Криминология садизма // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 41–48.
2. *Артемова Ж.Г., Класен М.А.* Криминологический портрет серийного сексуального убийцы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 7–12.
3. *Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.* Апробация методики диагностики психопатии К. Патрика на российской выборке // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 4. С. 75–85.
4. *Дериш Ф.В.* Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. С. 222–235.
5. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43.

6. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д.* Меняются ли показатели Темной триады с возрастом? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43.
7. *Егорова М.С., Ситникова М.А.* Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38.
8. *Ениколопов С.Н., Атаджыкова Ю.А.* Феномен обиденного садизма // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 38–56.
9. *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
10. *Корниенко Д.С., Дерюш Ф.В.* Психометрические характеристики “Короткого опросника Темной триады” // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 525–538.
11. *Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С.* Методика диагностики личностных черт “Темной триады”: апробация опросника “Темная дюжина” // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.
12. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (ТІРІ, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46.
13. *Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В.* Нарциссизм как “светлый” аспект в Темной Триаде // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 4. Р. 65–80.
14. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В.* Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3–20.
15. *Аytaç M.B.* Karanlık dörtlü (The short dark tetrad-SD4) ölçeğinin türkçeye adaptasyonu ve karanlık dörtlünün pazarlama araştırmalarındaki yerinin tartışılması // İşletme Ekonomi ve Yönetim Araştırmaları Dergisi. 2022. V. 5. № 1. P. 129–149.
16. *Blömer C., Ziegler M., Wehner C., Back M.D., Grosz M.P.* The nomological network of the Short Dark Tetrad scale (SD4) // European Journal of Psychological Assessment. 2021. P. 1–11.
17. *Dinić B.M., Petrović B., Jonason P.K.* Serbian adaptations of the dark triad dirty dozen (DTDD) and short dark triad (SD3) // Personality and Individual Differences. 2018. V. 134. P. 321–328.
18. *Forsyth L., Anglim J., March E., Bilobrck B.* Dark Tetrad personality traits and the propensity to lie across multiple contexts // Personality and Individual Differences. 2021. V. 177. P. 110792.
19. *Furnham A., Horne G.* The Tetradic Heart of Darkness: Comparing three dark-side instruments // Personality and Individual Differences. 2021. V. 179. P. 110918.
20. *Jonason P.K., Webster G.D.* The dirty dozen: a concise measure of the dark triad // Psychological assessment. 2010. V. 22. № 2. P. 420–432.
21. *Jones D.N., Paulhus D.L.* Introducing the short dark triad (SD3) a brief measure of dark personality traits // Assessment. 2014. V. 21. № 1. P. 28–41.
22. *Jones D.N., Paulhus D.L.* Machiavellianism // Handbook of Individual Differences in Social Behavior / Eds. M.R. Leary, R.H. Hoyle. N.Y.: The Guilford Press, 2009. P. 93–108.
23. *Landis R.S., Beal D.J., Tesluk P.E.* A comparison of approaches to forming composite measures in structural equation models // Organizational Research Methods. 2000. V. 3. № 2. P. 186–207.
24. *Little T.D., Cunningham W.A., Shahar G., Widaman K.F.* To parcel or not to parcel: Exploring the question, weighing the merits // Structural equation modeling. 2002. V. 9. № 2. P. 151–173.
25. *Matsunaga M.* Item parceling in structural equation modeling: A primer // Communication methods and measures. 2008. V. 2. № 4. P. 260–293.
26. *Miller J.D., Back M.D., Lynam D.R., Wright A.G.* Narcissism today: What we know and what we need to learn // Current Directions in Psychological Science. 2021. V. 30. № 6. P. 519–525.
27. *Miller J.D., Hyatt C.S., Maples-Keller J.L., Carter N.T., Lynam D.R.* Psychopathy and Machiavellianism: A distinction without a difference? // Journal of personality. 2017. V. 85. № 4. P. 439–453.
28. *Özsoy E., Rauthmann J.F., Jonason P.K., Ardiç K.* Reliability and validity of the Turkish versions of dark triad dirty dozen (DTDD-T), short dark triad (SD3-T), and single item narcissism scale (SINS-T) // Personality and Individual Differences. 2017. V. 117. P. 11–14.
29. *Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N.* Screening for dark personalities // European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 37. № 3. P. 208–222.
30. *Paulhus D.L., Williams K.M.* The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of research in personality. 2002. V. 36. № 6. P. 556–563.
31. *Rönkkö M., Cho E.* An updated guideline for assessing discriminant validity // Organizational Research Methods. 2022. V. 25. № 1. P. 6–14.
32. *Sedikides C.* In search of narcissus // Trends in Cognitive Sciences. 2021. V. 25. № 1. P. 67–80.
33. *Taber K.S.* The use of Cronbach’s alpha when developing and reporting research instruments in science education // Research in science education. 2018. V. 48. № 6. P. 1273–1296.
34. *Trizano-Hermosilla I., Alvarado J.* Best alternatives to cronbach’s reliability in realistic conditions: Congeneric and asymmetrical measurements // Frontiers in Psychology. 2016. № 7.

35. *van Geel M., Goemans A., Toprak F., Vedder P.* Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism // *Personality and individual differences*. 2017. V. 106. P. 231–235.
36. *Vogt W.P.* Quantitative research methods for professionals. Boston: Allyn & Bacon, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ “ТЕМНАЯ ТЕТРАДА”

Инструкция: прочитайте утверждения ниже. Оцените степень своего согласия по 5-балльной шкале (где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен) с каждым из утверждений.

1. Делиться своими секретами с другими людьми неразумно.	14. Я знаю, что я особенный, потому что другие постоянно говорят мне об этом.
2. Люди считают меня прирожденным лидером.	15. Я склонен сначала делать, а потом думать.
3. Люди часто говорят, что я неуправляемый.	16. Мне нравится смотреть жестокие виды спорта.
4. Мне нравится наблюдать за потасовкой, дракой.	17. Планирование необходимо, чтобы использовать ситуацию в свою пользу.
5. Нужно сделать все, чтобы влиятельные люди были на твоей стороне.	18. У меня есть уникальные качества.
6. У меня уникальный талант убеждать людей.	19. У меня бывали неприятности с законом.
7. Я склонен сомневаться в авторитетах и нарушать их правила.	20. Некоторые люди заслуживают страданий.
8. Я люблю жестокие фильмы и видеоигры.	21. Лесть — хороший способ привлечь людей на свою сторону.
9. Следует избегать открытого конфликта с другими людьми, так как они могут быть полезны в будущем.	22. Скорее всего я добьюсь славы и признания в какой-то области.
10. В компаниях без меня скучно.	23. Иногда я попадаю в опасные ситуации.
11. Я участвовал в большем количестве склок, заварушек, чем большинство людей моего возраста и пола.	24. Я писал обидные вещи в социальных сетях ради забавы.
12. Забавно наблюдать, когда идиоты садятся в лужу.	25. Мне нравится, когда срабатывает хитрый план.
13. Если хочешь добиться своего, лучше держаться в тени.	26. Мне нравится показывать себя в выгодном свете при любом удобном случае.
	27. Любой, кто встанет у меня на пути, пожалеет об этом.
	28. Я знаю, как причинить боль только одними словами.

Ключ:

Макиавеллизм 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25.

Нарциссизм 2, 6, 10, 14, 18, 22, 26.

Психопатия 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27.

Садизм 4, 8, 12, 16, 20, 24, 28.

ADAPTATION AND PSYCHOMETRIC PROPERTIES OF THE DARK TETRAD SHORT QUESTIONNAIRE

D. S. Kornienko*, V. K. Vyazovkina**, I. S. Gornostaev***

*Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
119602, Moscow, Av. Vernadskogo, 82/3, Russia.*

*ScD (Psychology), Professor of the Department of General psychology.

E-mail: dscorney@mail.ru

**Cognitive Research laboratory manager.

E-mail: vyazovkinav@yandex.ru

***Master's Student in the Faculty of Psychology.

E-mail: igorgorn23@gmail.com

Received 03.06.2022

Abstract. The research focuses on the Russian-language adaption of the Short Dark Tetrad questionnaire (SD4), which allows for the evaluation of four personality traits: machiavellianism, subclinical narcissism, psychopathy, and sadism. The questionnaire is a diagnostic tool for the Dark Tetrad model of personality characteristics, which is a refinement of the Dark Triad model. The study sample included 765 people between the ages of 18 and 25 ($M = 19.97$; $SD = 1.87$; 71.8% female), with 366 (47.84%) taking part in the retest series. In addition to the SD4 questionnaire, respondents were given two questionnaires of the Dark Triad model, the Buss-Perry Aggression questionnaire and the Ten Item Personality Measure. The four-factor structure of the questionnaire was found to have appropriateness indices equivalent to those of the original SD4 questionnaire and other SD4 adaptations based on confirmatory analysis. The questionnaire's scales demonstrate adequate reliability, good convergent validity (when compared to questionnaires diagnosing machiavellian, narcissistic, and psychopathic characteristics), and divergent validity. The sadism scale revealed associations with aggressive characteristics (physical aggression, hostility, anger). The SD4 questionnaire scales showed that the responses were stable over time. Positive correlations between narcissism and extraversion were discovered, as were negative associations between Machiavellianism and agreeableness, openness to experience, and emotional stability, and psychopathy and sadism with agreeableness and conscientiousness. The results of psychometric testing of the Russian-language Short Questionnaire Dark Tetrad indicates its reliability and validity, as well as the possibilities of using it as a diagnostic tool.

Keywords: dark tetrad, dark triad, adaptation, validation, reliability testing, machiavellianism, narcissism, psychopathy, sadism.

REFERENCES

1. Antonjan Ju.M. Kriminologija sadizma. Obshhestvo i pravo. 2020. № 2 (72). P. 41–48. (In Russian)
2. Artem'eva Zh.G., Klassen M.A. Kriminologicheskij portret serijnogo seksual'nogo ubijcy. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2016. V. 16. № 4. P. 7–12. (In Russian)
3. Atadzhykova Ju.A., Enikolopov S.N. Aprobacija metodiki diagnostiki psihopatii K. Patrika na rossijskoj vyborke. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2015. V. 20. № 4. P. 75–85. (In Russian)
4. Derish F.V. Temnaja tetrada lichnosti: obzor sovremennyh issledovanij. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2021. № 2. P. 222–235. (In Russian)
5. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptacija Korotkogo oprosnika Temnoj triady. Psihologicheskie issledovanija. 2015. V. 8. № 43. (In Russian)
6. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V., Chertkova Ju.D. Menjajutsja li pokazateli Temnoj triady s vozrastom? Psihologicheskie issledovanija. 2015. V. 8. № 43. (In Russian)
7. Egorova M.S., Sitnikova M.A. Temnaja triada. Psihologicheskie issledovanija. 2014. V. 7. № 38. P. 12. (In Russian)
8. Enikolopov S.N., Atadzhykova Ju.A. Fenomen obydenno-go sadizma. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14: Psihologija. 2021. № 1. P. 38–56. (In Russian)
9. Enikolopov S.N., Cibul'skij N.P. Psihometricheskij analiz ruskojazychnoj versii Oprosnika diagnostiki agresсии A. Bassa i M. Perri. Psihologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 1. P. 115–124. (In Russian)
10. Kornienko D.S., Derish F.V. Psihometricheskie harakteristiki "Korotkogo oprosnika Temnoj triady". Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2019. № 4. P. 525–538. (In Russian)

11. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A., Tal-mach M.S. Metodika diagnostiki lichnostnyh chert "Tem-noj triady": aprobacija oprosnika "Temnaja djuzhina". Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 2. P. 99–112. (In Russian)
12. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Aprobacija kratkogo oprosnika Bol'shoj pjaterki (TIPI, KOBT). Psiho-logicheskie issledovanija. 2016. V. 9. № 46. (In Russian)
13. Krasavceva Ju.V., Kornilova T.V. Narcissizm kak "svetlyj" aspekt v Temnoj Triade. Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2019. V. 27. № 4. P. 65–80. (In Russian)
14. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigar'kova S.V. Vidy kibragressii: opyt podrostkov i molodezhi. Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal. 2020. № 2 (38). P. 3–20. (In Russian)
15. Aytac M.B. Karanlik dortlu (The short dark tetrad-SD4) olceginin turkceye adaptasyonu ve karanlik dortlunun pazarlama arastirmalarindaki yerinin tartisilmasi. İşletme Ekonomi ve Yönetim Arastirmaları Dergisi. 2022. V. 5. № 1. P. 129–149.
16. Blömer C., Ziegler M., Wehner C., Back M.D., Grosz M.P. The nomological network of the Short Dark Tetrad scale (SD4). European Journal of Psychological Assessment. 2021. P. 1–11.
17. Dinić B.M., Petrović B., Jonason P.K. Serbian adaptations of the dark triad dirty dozen (DTDD) and short dark triad (SD3). Personality and Individual Differences. 2018. V. 134. P. 321–328.
18. Forsyth L., Anglim J., March E., Bilobrk B. Dark Tetrad personality traits and the propensity to lie across multiple contexts. Personality and Individual Differences. 2021. V. 177. P. 110792.
19. Furnham A., Horne G. The Tetradic Heart of Darkness: Comparing three dark-side instruments. Personality and Individual Differences. 2021. V. 179. P. 110918.
20. Jonason P.K., Webster G.D. The dirty dozen: a concise measure of the dark triad. Psychological assessment. 2010. V. 22. № 2. P. 420–432.
21. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the short dark triad (SD3) a brief measure of dark personality traits. Assessment. 2014. V. 21. № 1. P. 28–41.
22. Jones D.N., Paulhus D.L. Machiavellianism. Handbook of Individual Differences in Social Behavior. Eds. M.R. Leary, R.H. Hoyle. New York: The Guilford Press, 2009. P. 93–108.
23. Landis R.S., Beal D.J., Tesluk P.E. A comparison of approaches to forming composite measures in structural equation models. Organizational Research Methods. 2000. V. 3. № 2. P. 186–207.
24. Little T.D., Cunningham W.A., Shahar G., Widaman K.F. To parcel or not to parcel: Exploring the question, weighing the merits. Structural equation modeling. 2002. V. 9. № 2. P. 151–173.
25. Matsunaga M. Item parceling in structural equation modeling: A primer. Communication methods and measures. 2008. V. 2. № 4. P. 260–293.
26. Miller J.D., Back M.D., Lynam D.R., Wright A.G. Narcissism today: What we know and what we need to learn. Current Directions in Psychological Science. 2021. V. 30. № 6. P. 519–525.
27. Miller J.D., Hyatt C.S., Maples-Keller J.L., Carter N.T., Lynam D.R. Psychopathy and Machiavellianism: A distinction without a difference? Journal of personality. 2017. V. 85. № 4. P. 439–453.
28. Özsoy E., Rauthmann J.F., Jonason P.K., Ardiç K. Reliability and validity of the Turkish versions of dark triad dirty dozen (DTDD-T), short dark triad (SD3-T), and single item narcissism scale (SINS-T). Personality and Individual Differences. 2017. V. 117. P. 11–14.
29. Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N. Screening for dark personalities. European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 37. № 3. P. 208–222.
30. Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. Journal of research in personality. 2002. V. 36. № 6. P. 556–563.
31. Rönkkö M., Cho E. An updated guideline for assessing discriminant validity. Organizational Research Methods. 2022. V. 25. № 1. P. 6–14.
32. Sedikides C. In search of narcissus. Trends in Cognitive Sciences. 2021. V. 25. № 1. P. 67–80.
33. Taber K.S. The use of Cronbach's alpha when developing and reporting research instruments in science education. Research in science education. 2018. V. 48. № 6. P. 1273–1296.
34. Trizano-Hermosilla I., Alvarado J. Best alternatives to cronbach's reliability in realistic conditions: Congeneric and asymmetrical measurements. Frontiers in Psychology. 2016. № 7.
35. van Geel M., Goemans A., Toprak F., Vedder P. Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism. Personality and individual differences. 2017. V. 106. P. 231–235.
36. Vogt W.P. Quantitative research methods for professionals. Boston: Allyn & Bacon, 2007.

УДК 159.9.07:001.89

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ИЗДАНИЙ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН ПО НАУЧНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ В 2002–2021 гг.¹

© 2022 г. А. А. Костригин*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

**Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 12.08.2022

Аннотация. Обосновывается новый объект количественного историко-психологического исследования — публикации по определенному научному направлению. Рассмотрены результаты изучения такого научного направления, как методология психологии, представленного в изданиях Института психологии РАН за 2002–2021 гг. Описываются критерии отбора исследовательского материала (публикаций и их содержания для создания текстового корпуса), перечисляются показатели библиометрического и наукометрического анализа, рассматриваются процедуры определения отдельных показателей анализа текстового корпуса публикаций. Анализируются результаты количественного анализа изданий Института психологии по методологии психологии (всего 18 книг — авторских и коллективных монографий, сборников статей) по пятилетним периодам (2002–2006, 2007–2011, 2012–2016, 2017–2021 гг.), рассматривается распределение количества и объема изданий, частоты новых и повторяющихся авторов, доля авторского участия сотрудников Института, частоты слов за весь исследуемый период и ключевые словосочетания текстовых корпусов по пятилетиям, количество цитирований каждого издания и групп изданий по периодам, статьи с наибольшим количеством цитирований, доля цитирований публикаций по методологии психологии среди цитирований всех изданий Института психологии. Делаются выводы о том, что методологическая проблематика является значимой для научно-исследовательской деятельности сотрудников Института психологии РАН, вокруг которой формируется узкий круг исследователей (как сотрудников Института, так и авторов из других организаций). Показано, что в методологических изданиях обсуждаются традиционные для Института методологические подходы (комплексный, системный и субъектный) и принципы (развития), проблемы психологии развития, методологические вопросы отдельных отраслей психологии и различных прикладных сфер, а также концепции выдающихся ученых, повлиявших на теоретико-методологические разработки Института (Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна) и непосредственно формировавших в Институте методологическую проблематику (А.В. Брушлинского, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, Я.А. Пономарева).

Ключевые слова: история психологии, методология психологии, библиометрический анализ, наукометрический анализ, комплексный подход, системный подход, субъектный подход, принцип развития, психологическое знание.

DOI: 10.31857/S020595920022788-2

Перспективным направлением современных историко-психологических исследований является количественный (библиометрический и наукометрический) анализ [10; 22; 30] работ, относящихся к определенным персоналиям [13;

15; 16], научным проблемам [11], отраслям психологии [23; 24], типам публикаций [2; 9; 18], различным наукометрическим базам и поисковым системам [20; 25] и др.

Перечень объектов изучения расширяется, однако все еще остается достаточно традиционным: выбор единиц анализа осуществляется

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием № 0138-2022-0001.

по формальным признакам (принадлежность к персоналии, теме, отрасли, типу публикации).

Как представляется, дальнейшее развитие количественного историко-психологического анализа публикаций может быть связано с оригинальным подходом к определению объекта анализа (например, архивные материалы, письма и др.) и способа формирования выборки исследуемых публикаций (введение более свободных критериев, когда объединяются более широкие и неоднородные по тематике издания, — по книжным сериям² и их совокупности, нескольким авторам, научным проблемам и др.). Использование большего количества критериев отбора изучаемых материалов позволит расширить исследовательское поле, ставить новые задачи, формулировать оригинальные гипотезы, использовать широкий ряд публикаций, не ограничиваясь их формальными характеристиками.

В данной работе авторы обращаются к анализу нового объекта количественных историко-психологических исследований — публикаций по определенному научному направлению. Подобные исследования проводились в области истории [6], информационных наук [7; 19], современных направлений психологии [17; 31], есть работы и по истории психологии [11; 14]. Однако в приведенных исследованиях библиометрический и наукометрический виды анализа используются отдельно, отсутствует выделение и учет динамики публикаций за продолжительный период, отбор материалов производится на основе наличия в названии конкретного слова, при выборе публикаций не учитывается их принадлежность к определенной организации, направлением может обозначаться объект или проблема исследования и др.

Недостаточная представленность работ по количественному историко-психологическому анализу научных направлений, а также ограничение методологии исследования в уже существующих публикациях обуславливают актуальность разработки принципов и процедур наукометрического анализа изданий в рамках определенного научного направления.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании предлагается новый подход к количественному анализу публикаций по научному направлению. В качестве объекта исследования

² Данный вопрос обсуждался в научном докладе И.И. Ветровой и К.Б. Зуева «Наукометрический анализ издательской серии (на примере «Труды молодых ученых ИП РАН»)» на заседании лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН 26 мая 2022 г.

могут выступить монографии и сборники статей (или другие типы публикаций, даже в соавторстве) по совокупности научных проблем, объединенных в научное направление и исследующихся на протяжении конкретного периода [29, с. 203], а также выпущенных одним научным учреждением (что позволит выявить некоторые общие факторы формирования и развития проблематики научного направления). Исследовательским материалом могут быть выбраны не только названия, но и содержание (у авторских и коллективных монографий — оглавление, у сборников статей — содержание с названиями авторских статей) и аннотации к книгам (именно аннотации к изданиям, а не к отдельным статьям), что составит текстовый корпус как всего массива изданий, так и отдельных его групп (по авторам, тематике, периодам и др.). Это позволит проводить более детальный анализ проблематики, обсуждаемой в книге и далее, в рамках данного научного направления.

Методами предлагаемого количественного анализа являются: а) *библиометрический*, предполагающий рассмотрение различных количественных показателей текстового документа, таких как количественное распределение публикаций по периодам, по числу новых и повторяющихся авторов, авторов и редакторов, а также по частоте употребления слов и научных терминов, характеризующих как весь текстовый корпус названий и содержаний изданий, так и отдельных его частей, и б) *наукометрический* анализ, направленный на выявление количественных показателей публикаций, характеризующих их место внутри отдельной научной отрасли и всей науки в целом и их востребованность у исследователей в виде количества цитирований отдельных изданий и отдельных статей; доли цитирований книги среди сотрудников издающей организации, которая показывает степень влияния анализируемых публикаций на исследовательскую деятельность сотрудников; количества цитирований изданий по конкретному научному направлению за определенный период относительно общего количества цитирований всех изданий организации, указывающего на «вес» работ по данному направлению среди всех направлений научно-исследовательской деятельности организации.

В данном исследовании объектом являются публикации по научному направлению «методология психологии», изданные Институтом психологии РАН за период 2002–2021 г. Под научным направлением методологии психологии понимается совокупность теоретических и методологических вопросов, к которым относятся ключевые для разработки психологической науки теории, концепции,

подходы, идеи, положения, принципы и методы. Данный период (2002–2021 гг.) был выбран по ряду причин: во-первых, хотя эти годы относятся к новейшему этапу развития психологической науки, этот период является уже историческим, в рамках которого сложились определенные традиции и тенденции методологического осмысления психологических проблем; во-вторых, анализируемые годы точно вписываются в последнее 20-летие из 50-летней истории Института психологии, что обуславливает удобство рассмотрения результатов и формулирования выводов, полученных в текущем исследовании, и их использования при изучении других периодов публикационной активности и направлений научно-исследовательской деятельности Института; в-третьих, непосредственно для Института психологии эти годы связаны с началом нового периода его функционирования (в феврале 2002 г. главой Института стал А.Л. Журавлев, сформировался новый руководящий состав в лице заместителей директора по научной работе), происходили изменения как научно-организационных, так и исследовательских принципов в деятельности сотрудников, что отразилось и на методологических исследованиях; в-четвертых, изменения в работе Института коснулись не только научно-организационной и научно-исследовательской частей, но и редакционно-издательской деятельности: в 2002 г. произошла реорганизация издательства, следствием чего стали новые высокие стандарты подготовки и публикации научных изданий в Институте, определения их тематики и отбора материалов. Таким образом, проводившиеся исследования и издававшиеся научные публикации в Институте психологии в рассматриваемый период отражали социальные, организационные, логико-научные и личностные факторы развития психологической науки в целом и методологии психологии в частности.

Критериями отбора анализируемых изданий являются следующие:

— *тип публикации*. В качестве основных типов были выбраны авторские и коллективные монографии и сборники научных трудов, наиболее фундаментальные по своему значению для становления определенного научного направления и объема издания. К их числу были также отнесены сборники материалов конференции “К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века” (2007) и первая часть “Развитие психологии в системе комплексного человекознания” (2012), так как объем публикаций в них выше, чем в тезисах или других коротких материалах, что позволяет их признать полноценными статьями. Во всех книгах для анализа было выбрано полное их содержание,

кроме двух: из сборника “К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века” (2007) был взят только первый раздел “Методологические и общетеоретические взгляды К.К. Платонова и их развитие в современной психологии”, в котором обсуждаются методологические проблемы психологии, в остальных же разделах анализируются более узкие вопросы других отраслей психологии. Из сборника “Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна” (2011) были использованы все разделы, кроме одного — “Одесский, ленинградский и московский периоды развития школы С.Л. Рубинштейна”, в котором опубликованы работы, посвященные биографии ученого. Публикации из “Психологического журнала” как периодического издания Отделения общественных наук РАН не учитывались, так как журнальная статья имеет собственную специфику по сравнению со статьей из сборника и тем более по сравнению с авторской монографией. По нашему мнению, из журнальных публикаций может быть сформирован самостоятельный массив текстов для анализа особенностей развития научного направления;

— *аффилиация авторов монографий и редакторов сборников с Институтом психологии РАН*. Авторы монографий напрямую выступают представителями организации в разработке определенной проблемы, а редакторы формируют тему издания и отбирают материалы для включения в сборник (несмотря на то что в сборниках статей авторами могут быть не только сотрудники издающей организации, тем не менее включение их публикаций в сборник связано с исследовательскими интересами и экспертной оценкой редактора). По этому критерию не были включены в анализ изданные в издательстве “Институт психологии РАН” работы, авторы которых не являлись его сотрудниками в период 2002–2021 гг. К таковым относятся книги В.Д. Шадрикова “От индивида к индивидуальности: введение в психологию” (2011), “Психология деятельности человека” (2013), “Возвращение души: теоретические основания и методология психологической науки” (2021), И.А. Мироненко “Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии” (2019), Б.А. Вяткина и Л.Я. Дорфмана “Системная интеграция индивидуальности человека” (2018). Кроме того, в анализ также не была включена посмертно изданная книга А.В. Брушлинского “Психология субъекта” (2003), так как, во-первых, она вышла не в издательстве “Институт психологии РАН”, а во-вторых, она представляла результаты исследований ученого, проведенных в 1990-е годы, таким образом, они, по существу, не относились к изучаемому периоду;

— *общепсихологический статус методологической тематики изданий*. По данному критерию были выбраны те монографии и сборники статей, в которых обсуждались фундаментальные проблемы методологии психологии. Те же книги, в которых поднимались методологические вопросы, относящиеся к конкретным областям исследований, в изучаемую выборку не были включены (например, это сборники научных трудов “Разработка понятий современной психологии” (2018, 2019, 2021), они могут рассматриваться как самостоятельный объект качественного и количественного анализа).

Таким образом, анализируемыми изданиями выступили следующие (всего 18 книг): А.В. Юревич “Психология и методология” (2005), “Идея системности в современной психологии” (2005), “К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века” (2007), “Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива” (2007), “Методология комплексного человекознания и современная психология” (2008), “Прогресс психологии: критерии и признаки” (2009), “Субъектный подход в психологии” (2009), “Системная организация и детерминация психики” (2009), А.В. Юревич “Методология и социология психологии” (2010), “Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна” (2011), “Парадигмы в психологии: науковедческий анализ” (2012), “Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1” (2012), “Взаимоотношения исследовательской и практической психологии” (2015), “Принцип развития в современной психологии” (2016), “Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития” (2018), “Новые тенденции и перспективы психологической науки” (2019), “Психологическое знание: виды, источники, пути построения” (2021), Е.А. Сергиенко “Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода” (2021).

Все эти книги являются авторскими и коллективными монографиями и сборниками статей, их авторы и ответственные редакторы аффилированы с Институтом психологии РАН, в них обсуждаются методологические вопросы общепсихологического значения. Кроме того, стоит отметить, что данные работы относятся к разным книжным сериям (не только к серии “Методология, теория и история психологии”, но и “Труды Института психологии РАН”, “Интеграция академической и университетской психологии”), что обеспечивает выбор именно тех книг, которые соответствуют анализируемому научному направлению, и позволяет не упустить работы, которые выходили в других

сериях, но при этом относились к проблематике методологии психологии. Так, в серии “Методология, теория и история психологии” еще выходили два выпуска сборника “Историогенез и современное состояние российского менталитета” (2015, 2016) и сборник “Методология, теория, история психологии личности” (2019), а также авторские монографии как сотрудников Института психологии (Кольцова В.А. “История психологии: проблемы методологии” (2008), Гостев А.А., Борисова Н.В. “Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия” (2012), Толочек В.А. “Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ” (2013), Юревич А.В. “Социальная психология научной деятельности” (2013), Славская А.Н. “Основы психологии С.Л. Рубинштейна: философское обоснование развития” (2015)), так и внешних исследователей (Артемьева О.А. “Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия” (2015), Логинова Н.А. “Антропологическая психология Бориса Ананьева” (2016), Зверева Т.В., Носкова О.Г. “Психологическое наследие К.К. Платонова” (2016)). Эти работы представляют собой издания методологической направленности, однако касаются отдельных отраслей психологии или определенных персоналий, что не соответствует обозначенному выше критерию общепсихологического методологического значения анализируемых книг.

Необходимо также обосновать включение в анализируемую выборку сборников статей, посвященных творчеству К.К. Платонова и С.Л. Рубинштейна. Эти персоналии непосредственно повлияли на становление теоретико-методологических принципов научно-исследовательской деятельности сотрудников Института психологии РАН: некоторые сотрудники были учениками и коллегами С.Л. Рубинштейна (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова) [1; 4; 5; 28], а К.К. Платонов работал в Институте психологии в 1972–1984 гг. и разработывал методологические вопросы психологии [12; 21; 26; 27].

На основе названий, содержания и аннотаций представленных изданий был сформирован текстовый корпус (и поделен на четыре части согласно пятилетним периодам выхода изданий — 2002–2006, 2007–2011, 2012–2016, 2017–2021 гг.), к которому были применены библиометрические и наукометрические процедуры, указанные выше. Большинство рассчитываемых показателей (количество

и объем изданий, частоты авторов, цитирования) являются достаточно распространенными и не требующими специального описания. Дополнительно рассмотрения требует такой показатель, как определение научных терминов, характеризующих отдельные текстовые корпуса названий, содержания и аннотаций изданий по пятилетним периодам. Данные научные термины будут обозначаться “ключевыми словами”, которые рассчитываются с помощью сервиса Sketch Engine (<https://www.sketchengine.eu>). Эти “ключевые слова” являются терминами, которые встречаются чаще в исходном (фокусном) текстовом корпусе (*focus corpus*), чем в сравниваемом с ним (референтном) корпусе (*reference corpus*)³. Ключевое слово, таким образом, отражает в данном случае терминологическую характеристику определенного текста, не замыкаясь при этом на содержании последнего (как это обычно происходит при произвольной формулировке авторами смысловых ключевых слов для статьи и монографии), и выделяется относительно другого текста, что показывает именно “отличительные” ключевые слова, полученные при сравнении содержания первого и второго текстов.

Показатель “ключевости” конкретного слова означает высокую степень частоты его встречаемости (распространенности) в одном тексте по сравнению с другим. При этом в зависимости от степени специализированности текстовой терминологии ключевыми могут становиться слова узкой, средней и широкой тематики. Показатель “ключевости” рассчитывается с помощью процедуры Simple maths⁴ [32] и выражается следующей формулой:

$$\text{Score} = \frac{fpm_{mfocus} + N}{fpm_{mref} + N},$$

где fpm_{mfocus} — нормированная (на миллион) частота встречаемости слова в фокусном текстовом корпусе (*focus corpus*); fpm_{mref} — нормированная (на миллион) частота встречаемости слова в референтном текстовом корпусе; N — “сглаживающий” (“выравнивающий”) параметр. Его значение связано со степенью распространенности или специфичности текста ($N = 1$, если корпус очень специфичный; $N = 1000$, если корпус на общую тематику и обладает распространенной лексикой), влияет на выбор частоты встречаемости слова, которое в итоге будет определено как ключевое.

³ Подробнее см.: Keyword. URL: https://www.sketchengine.eu/my_keywords/keyword/; Keyword and term extraction. URL: <https://www.sketchengine.eu/quick-start-guide/keywords-and-terms-lesson/>

⁴ Подробнее см.: Simple maths. URL: <https://www.sketchengine.eu/documentation/simple-maths/>

Под нормированной (на миллион) частотой встречаемости слова в текстовом корпусе понимается усредненная приведенная его частота (*average reduced frequency*)⁵, которая рассчитывается на основе определения средней частоты встречаемости слова в каждой части корпуса.

Анализируемые нами корпуса текстов (названия, содержания и аннотации изданий за 2002–2006, 2007–2011, 2012–2016, 2017–2021 гг.) можно обозначить как обладающие средним уровнем специфичности лексики, поэтому для N было выбрано значение 100 [32]. Таким образом, данная формула определяет “ключевость” слов и словосочетаний, выделяя только те из них, которые были наиболее характерными для одного текстового корпуса по сравнению с другим, обладающим отличающейся от исходного корпуса лексикой.

В данном исследовании фокусными текстовыми корпусами, для которых определяются ключевые слова, будут выступать поочередно каждый корпус названий, содержания и аннотаций за конкретное пятилетие, а референтным — полный текстовый корпус за весь изучаемый период (2002–2021 гг.). Таким образом, будут выявлены ключевые слова, наиболее характерные для конкретного периода исследований по направлению методологии психологии на общем фоне методологических работ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. *Формализованный библиометрический анализ публикаций Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии за 2002–2021 гг.* Был проведен библиометрический анализ общего текстового корпуса названий и содержания (аннотации в данном случае не использовались, так как рассчитанные далее показатели отражают не содержательные особенности изданий, а их формальные библиографические характеристики (количество, объем, частоты авторов), для которых анализ аннотаций не требуется; при анализе показателей, связанных с содержательными характеристиками текстовых корпусов, будут добавлены аннотации) книг Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии за 2002–2021 гг. Определено количество публикаций по пятилетним периодам, количество новых и повторяющихся авторов, наиболее часто публикующиеся авторы и редакторы (табл. 1–3).

⁵ Подробнее см.: Average reduced frequency. URL: <https://www.sketchengine.eu/documentation/average-reduced-frequency/>

Таблица 1. Распределение количества и объема изданий Института психологии РАН по методологии психологии за 2002–2021 гг.

Период	Количество публикаций	Объем (в печатных листах)
2002–2006	2	50.5
2007–2011	8	207.1
2012–2016	4	199
2017–2021	4	128.8
Всего	18	585.4

Таблица 2. Количество новых и повторяющихся авторов изданий Института психологии РАН по методологии психологии за 2002–2021 гг.

Период	Новые авторы	Сотрудники ИП РАН от общего числа новых авторов (в скобках — процент)	Повторяющиеся авторы (от двух раз и больше; в скобках — процент от общего количества авторов)	Сотрудники ИП РАН от общего числа повторяющихся авторов (в скобках — процент)
2002–2006	22	16 (72.7)	2 (9.1)	2 (100)
2007–2011	197	60 (30.5)	32 (16.2)	15 (46.9)
2012–2016	186	57 (30.6)	30 (16.1)	17 (56.7)
2017–2021	50	20 (40)	18 (36)	7 (38.9)
За весь период (2002–2021)	349	104 (29.8)	101 (28.9)	47 (46.5)

Таблица 3. Частоты авторов, публиковавшихся в изданиях Института психологии РАН по методологии психологии за 2002–2021 гг.

№ п/п	Автор	Форма авторского участия	2002–2006	2007–2011	2012–2016	2017–2021	Всего по отдельной форме участия	Итого
1	Абульханова	Автор статьи	1	3	1	0	5	6
		Редактор сборника	0	1	0	0	1	
2	Барабанщиков	Автор статьи	2	6	1	0	9	11
		Редактор сборника	1	1	0	0	2	
3	Галкина	Автор статьи	0	2	2	1	5	5
4	Гусельцева	Автор статьи	0	2	3	3	8	8
5	Журавлев	Автор статьи	0	2	4	2	8	20
		Редактор сборника	0	5	4	3	12	
6	Зеленкова	Автор статьи	0	1	2	3	6	6
7	Знаков	Автор статьи	0	3	2	1	6	7
		Редактор сборника	0	1	0	0	1	
8	Кольцова	Автор статьи	1	2	0	1	4	7
		Редактор сборника	0	2	1	0	3	
9	Корнилова	Автор статьи	0	3	2	1	6	7
		Редактор сборника	0	0	1	0	1	
10	Мазилев	Автор статьи	0	2	3	3	8	8
11	Марцинковская	Автор статьи	0	2	3	2	7	8
		Редактор сборника	0	1	0	0	1	
12	Мироненко	Автор статьи	0	3	2	3	8	8
13	Патяева	Автор статьи	0	0	2	3	5	5
14	Самойленко	Автор статьи	1	3	1	0	5	5
15	Сергиенко	Автор статьи	0	3	2	2	7	10
		Автор монографии	0	0	0	1	1	
		Редактор сборника	0	1	1	0	2	
16	Харламенкова	Автор статьи	0	1	2	3	6	6
17	Юревич	Автор статьи	0	2	2	4	8	17
		Автор монографии	1	1	0	0	2	
		Редактор сборника	0	2	2	3	7	

Наибольшее количество и объем изданий по методологии психологии относятся к 2007–2011 гг. В эти годы вышли семь сборников статей и одна авторская монография, в которых обсуждались методологические проблемы психологии в рамках постнеклассической науки, критерии и признаки прогресса и развития психологии, комплексный, системный и субъектный подходы в решении психологических вопросов, методологические идеи К.К. Платонова и С.Л. Рубинштейна. Можно сказать, что в этот период сотрудниками Института психологии и приглашенными специалистами из других научных и образовательных центров был проанализирован наиболее широкий спектр методологических проблем, касающихся как рассмотрения традиционных методологических идей, так и разработки новых подходов в области теории и методологии. Отдельно стоит отметить присутствие в этот период работ, посвященных анализу методологии тех научных школ, которые являются ключевыми для Института психологии РАН (идей К.К. Платонова, С.Л. Рубинштейна, а также в отдельных статьях — А.В. Брушлинского, и в отдельном разделе — Б.Г. Ананьева).

Другим значимым периодом в обсуждении методологических проблем психологии являлись 2012–2016 гг.: хотя в это пятилетие было издано всего четыре сборника статей, их объем остался почти таким же, как и в предыдущий период. В данных работах обсуждались роль и место парадигм в решении различных проблем психологии, теоретико-методологические принципы в психологической науке (прежде всего принцип развития), методологические аспекты взаимодействия исследовательской и практической психологии, а также значение комплексного подхода в психологических исследованиях. Если в предыдущие годы обсуждался широкий спектр научных школ, то в данный период особое внимание было уделено наследию Б.Ф. Ломова (в отдельном разделе первой части сборника научных трудов “Развитие психологии в системе комплексного человекознания”).

В период 2002–2006 гг. малое количество изданий объясняется сменой руководства и научно-организационных условий деятельности Института психологии, а также закладыванием широких основ методологического направления в работах сотрудников. В 2017–2021 гг. количество изданий остается таким же, как и в 2012–2016 гг. (одна авторская монография и три сборника статей), однако заметно снижается их объем (см. табл. 1). Вероятно, это также было связано с изменением руководства Института (в январе 2018 г. новым директором стал Д.В. Ушаков), что повлекло за собой

смену как научно-исследовательских ориентиров лабораторий и сотрудников, так и принципов организации издательской деятельности.

Распределение количества авторов по пятилетиям показывает, что большинство из них было опубликовано в изданиях Института психологии по методологической проблематике в 2007–2011 и 2012–2016 гг., что соответствует большому числу и объему изданий за эти годы. Первый (2002–2006 гг.) и последний (2017–2021 гг.) периоды характеризуются относительно сниженными показателями участвовавших в изданиях Института авторов, что в первом случае объясняется началом целенаправленной организации исследований методологических вопросов (были опубликованы всего две работы, из которых только одна включала в себя статьи нескольких авторов), а во втором — стало следствием изменения научных интересов Института и организации издательской деятельности, включая ее финансирование.

Важным показателем является число повторяющихся авторов (тех, кто два и больше раз публиковался за определенный период в рассматриваемых изданиях), которое отражает наличие ядра исследователей, разрабатывавших методологические вопросы в публикациях Института психологии в конкретный период. Полученные результаты свидетельствуют о том, что доля данного ядра в целом возрастает, достигая к 2017–2021 гг. чуть более трети исследователей. Это означает, что к последнему пятилетию образовался определенный круг ученых-методологов, которые формировали проблематику методологических изданий Института психологии. Возможно, в том числе именно с этим связано общее снижение количества и объема изданий, а также числа авторов в изучаемых книгах за 2017–2021 гг. Так, если ранее методологическая проблематика была широкой (что проявлялось и в количестве авторов), то в последнее пятилетие круг вопросов, обсуждаемых в данных изданиях, сузился, поэтому и привлекалось гораздо меньшее число авторов.

Представляет интерес и доля авторского участия в методологических публикациях со стороны сотрудников Института психологии: среди новых авторов этот показатель также возрастает (если исключить первый период, когда собственно ядром двух книг были непосредственно сотрудники Института), однако в абсолютных величинах число авторов из Института психологии снижается. Эти на первый взгляд противоположные тенденции вновь свидетельствуют о том, что сузился круг авторов, разрабатывавших методологические вопросы в целом и в Институте психологии в частности,

однако в долеом отношении преобладание авторов из Института психологии увеличилось. Об этом же говорит и доля сотрудников среди повторяющихся авторов: сначала этот показатель увеличивался (если опять же исключить первый период, где повторявшимися авторами были только сотрудники Института), но потом уменьшился. Как представляется, выявленные тенденции показывают некоторую *закономерность в формировании определенного научного направления* в рамках одного научного центра: вначале многие сотрудники вовлекаются в разработку зарождающейся проблематики, затем активными участниками публикационного процесса остаются только те, кто обнаружил для себя долгосрочные интересы и приобрел достижения, как индивидуально значимые, так и социально поощряемые (например, в научном сообществе).

Для персонификации вклада в разработку методологических проблем психологии в изданиях Института психологии представим данные об авторах, которые публиковались в них наиболее часто. Эти данные будут скорректированы: во-первых, авторское участие будет разделено на монографическое и статейное, а во-вторых, будет добавлено еще участие авторов в качестве редакторов (см. табл. 3). К числу наиболее часто публиковавшихся авторов отнесены те, кто участвовал в изданиях пять раз и более.

Наибольший вклад по всем формам участия внесли четыре сотрудника Института психологии (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, В.А. Барабанщиков, Е.А. Сергиенко). Эти исследователи не только публиковали статьи, но и издавали авторские монографии (А.В. Юревич, Е.А. Сергиенко), выпускали сборники научных трудов под своей редакцией. Можно сказать, что методологическая проблематика в изданиях Института психологии в основном курировалась непосредственно директором (12 сборников под редакцией А.Л. Журавлева) и заместителем по научной работе (семь сборников под редакцией А.В. Юревича), а также заведующими лабораториями, разрабатывавшими вопросы методологии, системного и субъектного подходов в психологии (по два сборника под редакцией В.А. Барабанщикова и Е.А. Сергиенко), а также один сборник под редакцией К.А. Абульхановой. Кроме того, в исследование проблем методологии психологии внесли свой вклад другие представители руководства Института психологии (В.А. Кольцова, Н.Е. Харламенкова), главные научные сотрудники (В.В. Знаков, К.А. Абульханова), ведущий научный сотрудник (Е.С. Самойленко) и старший научный сотрудник (Т.В. Галкина).

Другую группу исследователей, которые активно участвовали в изданиях Института психологии по методологии психологии, представляют авторы из внешних организаций. Среди них можно выделить тех, кто входил в состав редакторов сборников статей (Т.Д. Марцинковская, Т.В. Корнилова), оказывая значительное влияние как на проблематику изданий, так и на отбор материалов, а также тех, чье участие выражалось в подготовке авторских статей (М.С. Гусельцева, В.А. Мазилев, И.А. Мироненко, Т.В. Зеленкова, Е.Ю. Патяева). Таким образом, можно сказать, что при формировании проблематики и содержания изданий редакторы — сотрудники Института психологии учитывали традиции и теоретические принципы научных школ не только собственно Института, но и других московских научных и образовательных центров (Психологического института РАО, МГУ им. М.В. Ломоносова), а непосредственное решение методологических проблем осуществлялось во взаимодействии с представителями научных и образовательных организаций как Москвы (Психологического института РАО, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного областного педагогического института, сейчас — Московский государственный областной университет), так и других регионов, таких как Санкт-Петербург, Ярославль (Санкт-Петербургский государственный университет и ЯГПУ им. К.Д. Ушинского).

Необходимо также отметить еще два аспекта: 1) участие в качестве редакторов Т.Д. Марцинковской и Т.В. Корниловой происходило именно в те периоды, когда присутствовало наибольшее количество изданий и авторов (2007–2011, 2012–2016 гг.), что подтверждает высказанную выше мысль о том, что указанные пятилетия характеризуются методологическим “разнообразием” и “открытостью” как проблематики, так и состава участников при обсуждении проблем методологии психологии в изданиях Института психологии РАН; в последний же период (2017–2021 гг.) кураторство сборников по методологии осуществлялось только сотрудниками Института; 2) динамика участия авторов, публиковавших только статьи в сборниках, в целом характеризуется как возрастающая, что свидетельствует о том, что эти исследователи прочно вошли в ядро тех, кто чаще всего привлекается к обсуждению методологических проблем психологии и сам активно влияет на решение данных проблем в научно-исследовательском и публикационном пространстве Института психологии.

2. Содержательный библиометрический анализ публикаций Института психологии РАН по

научному направлению методологии психологии за 2002–2021 гг. В рамках данного вида анализа рассматривались текстовые корпуса названий, содержаний и аннотаций изданий Института психологии по научному направлению методологии психологии за 2002–2021 гг. (по пятилетиям). Далее представлены частоты терминов для текстового корпуса за весь исследуемый период, определяемые с помощью сервиса Sketch Engine и встречающиеся пять раз и более (табл. 4). В качестве терминов были выбраны словосочетания из двух и трех слов, так как они, во-первых, отражают более конкретный научный термин (а не общий), в том числе авторский, и, во-вторых, позволяют восстановить контекст употребления данного термина в определенном издании.

Результаты показывают, что авторы изданий по методологии психологии обращаются к проблемам психологического знания (“психологическое знание”, “развитие психологического знания”,

Таблица 4. Частоты встречаемости терминов в изданиях Института психологии РАН по методологии психологии за 2002–2021 гг.

№ п/п	Термин	Частота встречаемости
1	Психологическое знание	51
2	Современная психология	29
3	Отечественная психология	14
4	Перспектива развития	13
5	Практическая психология	13
6	Принцип развития	11
7	Категория субъекта	9
8	Психическое развитие	9
9	Психология развития	9
10	Развитие психологической науки	9
11	Субъектный подход	9
12	Проблема психологии	7
13	Психология субъекта	7
14	Развитие психологического знания	7
15	Развитие субъекта	7
16	Системно-субъектный подход	7
17	Комплексное человекознание	6
18	Развитие психологии	6
19	Социальная психология	6
20	Интеграция психологии	5
21	Методология психологии	5
22	Научное знание	5
23	Проблема психологической науки	5
24	Проблема субъекта	5
25	Прогресс психологии	5
26	Прогресс психологической науки	5
27	Развитие личности	5
28	Системная детерминация	5

“научное знание”), современному состоянию (“современная психология”, “отечественная психология”, “интеграция психологии”, “прогресс психологической науки”, “прогресс психологии”) и перспективам развития психологии (“перспектива развития”, “развитие психологической науки”, “развитие психологии”), вопросам психологии развития и реализации принципа развития в психологии (“принцип развития”, “психическое развитие”, “психология развития”, “развитие личности”), исследованиям субъекта в психологии и применению субъектного подхода (“категория субъекта”, “субъектный подход”, “психология субъекта”, “развитие субъекта”, “системно-субъектный подход”, “проблема субъекта”), методологическим проблемам психологии в целом (“проблема психологии”, “методология психологии”, “проблема психологической науки”) и в отдельных отраслях психологии в частности (“практическая психология”, “социальная психология”), комплексным и системным аспектам изучения психических явлений (“комплексное человекознание”, “системная детерминация”).

Можно сделать *вывод* о том, что в методологических изданиях Института психологии обсуждаются вопросы применения самых ключевых для Института методологических подходов (комплексный, системный, субъектный) и принципов (развития) психологических исследований. Однако в общепсихологической методологической проблематике недостаточно присутствует разнообразие: авторы обращаются преимущественно к общим проблемам, а в качестве узких вопросов выступают только современное состояние, прогресс и развитие психологии. Особый интерес представляет историко-психологический вектор отдельных методологических исследований: в некоторых работах специалисты прослеживают истоки различных проблем в истории отечественной психологии и подводят итоги этих разработок. Наконец, наравне с вопросами методологии, относящимися к психологии в целом, изучается теоретико-методологическая проблематика в социальной психологии, которая всегда являлась одной из ключевых отраслей психологических исследований в Институте психологии [3; 8].

Для того чтобы показать содержательные особенности обсуждаемой методологической проблематики в разные пятилетия, была выбрана процедура определения “ключевых слов” (с помощью сервиса Sketch Engine) как терминов, которые являются наиболее характерными для фокусного текстового корпуса (в рассматриваемом пятилетии) по отношению к референтному общему текстовому корпусу

(за 2002–2021 гг.), т.е. наиболее характерными для данного периода в отличие от других периодов (табл. 5). Выбор такой характеристики термина, как “ключевость”, вместо частоты его употребления в качестве приоритетного показателя при анализе корпусов отдельных пятилетий обусловлен тем, что представленные выше частоты словосочетаний за 2002–2021 гг. частично бы повторялись в различные пятилетия, что нивелировало бы терминологическую специфику корпусов текстов за определенные периоды. Ключевые же слова и словосочетания не будут повторяться в этих корпусах при сравнении с общим текстовым корпусом за 2002–2021 гг. Ключевыми терминами, как и в случае с частотами, были определены словосочетания из двух и трех слов. В процессе количественной обработки текстовых корпусов были исключены предлоги, местоимения, инициалы и другие части речи, не несущие научного содержания.

При представлении данных возникли два ограничения: 1) небольшой объем текстового корпуса за 2002–2006 гг. (всего два издания) обусловил совсем низкие частоты терминов (больше одного раза встречается всего несколько слов, из которых еще меньше содержательных), поэтому для увеличения перечня ключевых словосочетаний к ним были добавлены отдельные ключевые слова; 2) часто сразу несколько ключевых слов и словосочетаний набирают одинаковый показатель “ключевости” (особенно это будет видно в корпусе 2007–2011 гг.), поэтому, чтобы не отсекал значимые термины, мы будем расширять этот перечень, но только до завершения ряда с одинаковым показателем. Хотя это и вызвало трудности в представлении данных, тем не менее эти ограничения являются показательными при анализе изучаемых текстовых корпусов: в периоды низкой публикационной активности по определенной проблематике слабо формируется ее терминологическое ядро (в данном случае по методологии психологии); в периоды же большого количества публикаций увеличивается терминологическое разнообразие в рамках конкретной проблематики, что выражается в равном весе часто отдаленно связанных между собой терминов (тем, вопросов, проблем и др.).

Специфическими ключевыми словами и словосочетаниями для периода 2002–2006 гг. являются те, которые обозначают системность в психологии (“системный анализ”), борьбу парадигм (“конфликтующий”), разрешение этой борьбы (“либерализм” — имеется в виду “методологический либерализм” — термин, используемый А.В. Юревичем), а также естественнонаучные термины,

которые относятся к психофизиологии и изучению живых систем. Если обсуждение системных и естественнонаучных вопросов является традиционным для Института психологии, то появление проблематики борьбы парадигм и в целом методологического разнообразия и либерализма характеризует период 2000-х годов в истории Института. Ее возникновение связывается с приходом и активной разработкой методологических проблем психологии А.В. Юревичем. Данный аспект свидетельствовал о новой тенденции в методологических исследованиях Института психологии.

В целом можно сказать, что хотя эта проблематика количественно доминирует, но опережает другие вопросы в работах данного периода незначительно. Можно сделать вывод, что в 2002–2006 гг. методологическая проблематика еще только формировалась в новых научно-организационных и научно-исследовательских условиях.

Большое разнообразие оригинальных ключевых словосочетаний обнаружено в изданиях 2007–2011 гг. В первую очередь необходимо отметить преобладание терминов, связанных с изучением субъекта в психологии и применением субъектного подхода (“субъектный подход”, “категория субъекта”, “коллективный субъект”, “проблема субъектности”, “психическое состояние субъекта”), исследованием индивидуальности (“изучение индивидуальности”, “интегральная индивидуальность”), постановкой экзистенциальных вопросов человеческой жизни (“психология человеческого бытия”, “смысл жизни”), обращением к отдельным психическим феноменам, как традиционным, так и относительно новым (“исследование восприятия”, “принятие решений”, “социальное сравнение”). Собственно методологическая проблематика проявилась в анализе различных подходов (“субъектный подход”, “онтологический подход”), прогресса и перспектив психологической науки (“прогресс психологии”, “понятие прогресса”, “перспектива интеграции”), критериев научности. Все эти термины соответствуют названиям и темам работ в анализируемых изданиях данного периода.

Отдельно стоит отметить, что достаточно значимое место в изданиях Института психологии по методологии занимали историко-психологические или историко-методологические вопросы, к которым относятся изучение научных школ (“ленинградская научная школа”), наследия выдающихся ученых и его значения для современной психологии (“научное наследие”, “выдающийся отечественный психолог”, “история отечественной психологии”, “направление отечественной психологии”, “советская психология”). Обсуждение истории

Таблица 5. Ключевые словосочетания пятилетних корпусов изданий Института психологии РАН по методологии психологии при сравнении с общим корпусом изданий за 2002–2021 гг.

2002–2006	ПК	2007–2011	ПК	2012–2016	ПК	2017–2021	ПК
Системный анализ	11.72	Субъектный подход	2.22	Практическая психология	2.61	Источник психологического знания	5.68
		Прогресс психологии	2.13				
		Научное наследие	2.09				
Конфликтующий	11.72	Исследование восприятия	2.03	Принцип развития	2.36	Вызов социальной психологии	4.93
		Категория субъекта	1.98				
		Выдающийся отечественный психолог	1.92				
Психофизиология	11.72	Изучение индивидуальности	1.92	Железнодорожный транспорт	2.18	Рефлексивная психология	4.93
		Интегральная индивидуальность	1.92				
		История отечественной психологии	1.92				
Живой	11.72	Коллективный субъект	1.92	Категория социальной психологии	2.18	Типы психологического знания	4.93
		Критерий научности	1.92				
		Ленинградская научная школа	1.92				
Направление отечественной психологии	1.92						
Либерализм	11.72	Онтологический подход	1.92	Развитие субъектности	2.18	Перспектива развития	4.44
		Перспектива интеграции	1.92				
		Понятие прогресса	1.92				
Принятие решений	1.92						
Проблема субъектности	1.92	Социальный интеллект	2.18	Психологическое знание	4.06		
Психическое состояние субъекта	1.92						
Психология человеческого бытия	1.92						
Советская психология	1.92	Смысл жизни	1.92	Социальное сравнение	1.92		
		Социальная психология	1.92				
		Социальное сравнение	1.92				

Примечание. ПК — показатель ключевости.

психологии в методологических работах неслучайно: во-первых, многие проблемы возникли в прошлом, поэтому требовался анализ их генезиса и последующего разрешения средствами современной науки; во-вторых, трактовка современных проблем психологии у авторов часто связана с традициями тех школ, к которым они принадлежат, поэтому исследователи часто представляли основания своих подходов через историко-психологические очерки. В данном периоде авторы обращались к научному наследию Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, К.К. Платонова и С.Л. Рубинштейна.

В 2012–2016 гг. в методологических работах Института психологии одной из специфичных была дискуссия о взаимоотношении и взаимодействии исследовательской и практической психологии. Авторами решались методологические проблемы в различных сферах человеческой деятельности (образовании, железнодорожном транспорте и т.д.) и отраслях психологии (психологии развития — “развитие субъектности”, социальной психологии — “категория социальной психологии”, “социальный интеллект”, психологии личности — “сознание личности”). Среди ведущих общепсихологических вопросов сохранились использование принципа

развития и применение системного подхода в психологических исследованиях.

В последний пятилетний период (2017–2021 гг.) отличительной чертой изданий по методологии стало то, что продолжилось обсуждение системных аспектов в психологии и был введен интегральный системно-субъектный подход (Е.А. Сергиенко). Кроме того, обсуждались различные проблемы содержания, типологии, систематизации и развития психологического знания (“источник психологического знания”, “проблема систематизации”, “типы психологического знания”, “роль дискуссии”, “перспектива развития”, “психологическое знание”), а также социальные факторы развития психологии (“вызов социальной психологии”, “эпоха глобализации”). Наконец, вводятся методологические проблемы отдельной области исследований — рефлексивной психологии.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что выявленные ключевые словосочетания отражают не весь спектр методологических проблем, которые изучались авторами публикаций Института психологии (это было показано в частотах словосочетаний за весь изучаемый период). Рассматривались только наиболее специфичные, отличающие данное пятилетие от других; соответственно, приведенные термины в каждом отдельном пятилетии не встречались в других. Эти ключевые слова и словосочетания отражали новизну и оригинальность работ каждого периода.

Оценивая содержательную проблематику методологических изданий Института психологии за 2002–2021 гг., можно сделать следующие *выводы*: 1) для преобладающего числа периодов было характерным обсуждение комплексного, системного и субъектного подходов к изучению психических явлений; такое длительное и в некоторые периоды одновременное исследование системных и субъектных психологических проблем привело к объединению методологических позиций в системно-субъектном подходе (Е.А. Сергиенко); 2) несмотря на то что в качестве исследовательского материала были выбраны издания, в которых обсуждалась методология, имевшая только общепсихологическое содержание и значение, авторы при изложении своих теоретико-методологических идей обращались и к вопросам отдельных отраслей психологии (психологии личности, социальной психологии, психологии развития, психофизиологии), научных направлений исследований (восприятия, принятия решений, рефлексии) и прикладных сфер (практической психологии, психологии образования, транспорта).

3. *Наукометрический анализ публикаций Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии за 2002–2021 гг.* В рамках наукометрического анализа (по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)) были выявлены показатели цитирования изданий и отдельных статей по методологии, а также доля цитирований данных книг в общем числе цитирований всех изданий Института психологии по пятилетиям (табл. 6–8).

Прежде всего необходимо отметить, что сравнение показателей цитирования этих изданий между собой является не совсем целесообразным: самые ранние книги потенциально могли быть процитированы больше, так как больше времени доступно исследователям, а с более поздними монографиями и сборниками, наоборот, читатели имели меньше возможностей познакомиться и, соответственно, на них сослаться. Однако из этой ситуации могут быть выделены определенные тенденции: например, если более позднее издание процитировано больше, чем раннее, то это будет говорить о востребованности первого, несмотря на большую по времени доступность второго. Другим ограничением в использовании количества цитирований является то, что сборники статей как публикационные единицы традиционно цитируются гораздо реже, чем отдельные статьи, входящие в их состав. К этому же можно добавить и то, что на авторские монографии ссылаются чаще, чем на сборники, так как монографии являются неделимыми публикационными продуктами по сравнению с многосоставными сборниками. Учитывая вышесказанное, мы скорее будем намечать некоторые тенденции и формулировать выводы, имеющие относительный характер.

Так, наиболее процитированными сборниками научных трудов по методологии психологии являются “Субъектный подход в психологии” (2009), “Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива” (2007), “Идея системности в современной психологии” (2005), “Прогресс психологии: критерии и признаки” (2009), “Принцип развития в современной психологии” (2016). Востребованными среди исследователей являются издания, обосновывающие субъектный и системный подходы в психологии, обсуждающие методологические принципы (принцип развития), касающиеся современного состояния (постнеклассической перспективы) и дальнейших перспектив (прогресса) психологической теории и методологии. Характерным и достаточно закономерным является то, что, имея наибольшее количество цитирований, эти книги были изданы в первые два пятилетия

Таблица 6. Показатели общего числа цитирований изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии за 2002–2021 гг. (данные от 02.07.2022)

Издание	Количество цитирований	Количество цитирований среди сотрудников ИП РАН (в скобках — % от общего количества)	Издание	Количество цитирований	Количество цитирований среди сотрудников ИП РАН (в скобках — % от общего количества)
Юревич А.В. Психология и методология (2005)	285	47 (18.9)	Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна (2011)	87	26 (29.9)
Идея системности в современной психологии (2005)	248	72 (28.9)	Парадигмы в психологии: науковедческий анализ (2012)	187	68 (36.4)
К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века (2007)	82	53 (64.6)	Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1 (2012)	187	78 (41.7)
Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива (2007)	478	131 (27.4)	Взаимоотношения исследовательской и практической психологии (2015)	205	84 (40.9)
Методология комплексного человекознания и современная психология (2008)	178	120 (67.4)	Принцип развития в современной психологии (2016)	211	106 (50.2)
Прогресс психологии: критерии и признаки (2009)	233	64 (27.5)	Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития (2018)	155	83 (53.5)
Субъектный подход в психологии (2009)	558	137 (24.6)	Новые тенденции и перспективы психологической науки (2019)	49	18 (36.7)
Системная организация и детерминация психики (2009)	5	0 (0)	Психологическое знание: виды, источники, пути построения (2021)	9	4 (44.4)
Юревич А.В. Методология и социология психологии (2010)	142	41 (28.9)	Сергиенко Е.А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода (2021)	3	1 (33.3)

анализируемого периода (2002–2006, 2007–2011 гг.), кроме сборника “Принцип развития в современной психологии” (2016), который оказался более востребованным за меньший период доступности для читателей (всего за 6 лет). Последнее говорит о том, что проблематика психического развития, а также феномены развития в разных отраслях психологии (психологии личности, возрастной и социальной психологии) являются преобладающими в теоретико-

методологическом осмыслении проблем современной психологии.

Среди монографий наибольшее количество цитирований у книг А.В. Юревича “Психология и методология” (2005) и “Методология и социология психологии” (2010). Эти показатели объясняются тем, что А.В. Юревич является одним из ведущих методологов психологии в Институте психологии РАН, более того, совместно с А.Л. Журавлевым он

Таблица 7. Статьи с наибольшим количеством цитирований из сборников научных трудов по методологии психологии, изданных Институтом психологии РАН в 2002–2021 гг. (данные от 02.07.2022)

Период	Статьи	Количество цитирований
2002–2006	Поваренков Ю.П. Системогенетическая концепция профессионального становления человека	54
	Александров Ю.И., Крылов А.К. Системная методология в психофизиологии: от нейронов до сознания	23
	Обознов А.А. На пути построения системной модели психической регуляции операторской деятельности	16
2007–2011	Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии	127
	Барабанщиков В.А. Принцип системности и современная психология	62
	Сергиенко Е.А. Континуально-генетический принцип становления субъекта	47
	Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Развитие идеи С.Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии	42
	Кашапов М.М. Специфика творческого мышления субъекта	41
2012–2016	Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теоретико-экспериментальная и практическая психологии: две разные парадигмы?	40
	Абульханова К.А. Субъект и субъектность: проблема определения качества	39
	Гусельцева М.С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности	38
	Сергиенко Е.А. Современные идеи развития в психологии	20
	Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Борис Федорович Ломов — ученый, руководитель, человек (к 85-летию со дня рождения)	18
2017–2021	Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе	28
	Галкина Т.В., Журавлев А.Л. Проблема типов психологического знания в трудах Я.А. Пономарева	18
	Ушаков Д.В. Анатомия психологического знания	14
	Зуев К.Б., Нестик Т.А. Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WOS и статистике поисковых запросов Google)	12

Таблица 8. Доля цитирований изданий по методологии психологии от общего количества цитирований монографий и сборников статей Института психологии РАН за 2002–2021 гг. (данные от 02.07.2022)

Период	Количество цитирований всех изданий (монографий и сборников статей) ИП РАН	Количество цитирований изданий по методологии психологии (в скобках — % от общего количества цитирований)
2002–2006	14386	533 (3.7)
2007–2011	14587	1763 (12.1)
2012–2016	11334	790 (6.9)
2017–2021	3410	216 (6.3)
За весь период (2002–2021)	43717	3302 (7.6)

формировал большинство сборников статей методологической проблематики, будучи их ответственным соредактором.

Особый интерес представляет доля цитирования сотрудниками Института психологии каждого из анализируемых изданий. В среднем в первые два пятилетия (2002–2006, 2007–2011 гг.) этот показатель не превышает 30%, что позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, данные методологические издания, безусловно, признаются

значимыми, а с другой — не считаются сотрудниками Института ключевыми для современных исследований. Важно отметить два исключения: 1) высокий процент цитирования сотрудниками сборников статей “Методология комплексного человекознания и современная психология” (2008) и “К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века” (2007) может быть обусловлен, во-первых, большей известностью и доступностью сборников для исследователей из Института

психологии, во-вторых, большой значимостью для них именно идей комплексного подхода как традиционного для Института психологии и методологических взглядов К.К. Платонова как одного из выдающихся ученых Института; 2) нулевой показатель цитирования сотрудниками (и вообще низкое число цитирований) коллективной монографии “Системная организация и детерминация психики” (2009), что, как представляется, связано с некорректным внесением этого издания в РИНЦ: сборник издан в 2009 г., а в РИНЦ он датируется 2008 г., поэтому отсутствует привязка цитирований к нему, что является вполне исправимым положением.

В последние два десятилетия (2012–2016, 2017–2021 гг.) доля цитирований книг “Принцип развития в современной психологии” (2016) и “Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития” (2018) авторами Института психологии повышается, достигая 50%-го показателя. Эти изменения в цитировании в целом связаны с нововведениями в публикационной активности авторов в 2010-е годы: для них (а также и для научных и образовательных организаций) количество цитирований и индекс Хирша стали важными показателями продуктивности научно-исследовательской деятельности, поэтому выросли общие показатели цитирований изданий и доля цитирований среди сотрудников Института. Кроме того, стоит отметить, что относительно недавние издания (от 5 до 10 лет) становятся более значимыми для исследователей из Института психологии, так как все еще остаются актуальными для проводимых новых исследований.

Важно отметить востребованность сборников “Принцип развития в современной психологии” (2016) и “Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития” (2018) авторами Института психологии. Выше уже обосновывалось, что принцип развития является актуальным методологическим принципом для современных исследователей, в том числе и сотрудников Института психологии. Они обращаются к данному изданию чаще других. Первый сборник о методологических проблемах психологического знания является на данный момент самым востребованным среди исследователей Института психологии: это издание включает в себя работы достаточно широкой тематики относительно возникновения, формирования и развития знания в общепсихологическом смысле и в отдельных отраслях психологии, что позволяет авторам опираться на них при исследовании различных психологических вопросов. Можно сделать вывод

о том, что текущее состояние общей научной школы Института психологии характеризуется актуальностью проблем развития психических явлений, проблем комплексных и междисциплинарных исследований и становления на этой основе нового психологического знания.

Перед анализом списка статей с наибольшим количеством цитирований из сборников по методологии психологии необходимо отметить ограничения в представленных данных: 1) у некоторых сборников, таких как: “Идея системности в современной психологии” (2005), “К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века” (2007), “Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива” (2007), “Методология комплексного человекознания и современная психология” (2008), “Субъектный подход в психологии” (2009), “Системная организация и детерминация психики” (2009), “Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна” (2011), “Парадигмы в психологии: науковедческий анализ” (2012), “Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1” (2012), не все статьи внесены в РИНЦ, поэтому в табл. 7 приведены те статьи, которые на данный момент (02.07.2022 г.) индексированы в РИНЦ и к которым привязаны цитирования; 2) в период 2002–2006 гг. издана только одна коллективная работа “Идея системности в современной психологии” (2005), и из нее не все статьи индексированы в РИНЦ, соответственно, представлены только статьи с ненулевым количеством цитирований (их всего три); 3) в период 2012–2016 гг. в силу большого количества статей и их цитирований приведено пять статей с наибольшими показателями; 4) в период 2016–2021 гг. были представлены статьи с количеством цитирований выше 10.

Из-за вышеописанных ограничений анализ тематики статей с наибольшим количеством цитирований за 2002–2006 гг. будет неполным, тем не менее его выводы будут представлены: наиболее востребованными статьями являлись те, в которых обсуждались методологические проблемы системного исследования психических явлений в отдельных областях психологии (психологии профессионального развития, психофизиологии, инженерной психологии). В изданиях 2007–2011 гг. значительное внимание исследователей привлекли работы, в которых обсуждались вопросы междисциплинарных исследований в психологии, принципы системности и развития, проблемы изучения психологии субъекта (его становления, самоопределения, творческого мышления). Среди наиболее актуальных тем в методологических публикациях за 2012–2016 гг.

сохранились принцип развития и проблемы субъекта, к ним добавилось обсуждение парадигм в психологии. В последнее пятилетие (2017–2021 гг.) востребованными являлись темы, касавшиеся глобальных вызовов, возникших перед психологией, а также вопросы структуры, типологии, процедур обоснования психологического знания и основных тенденций в психологических исследованиях (по результатам библиометрического анализа направлений психологических исследований в базах журнальных статей и поисковых системах).

Общий анализ востребованной тематики в методологических изданиях Института психологии по наиболее цитируемым статьям показывает следующее: 1) на протяжении всего рассматриваемого периода актуальными вопросами для психологического сообщества оставались проблемы комплексности, системности, субъектности и развития в психологии, что означало продолжение разработки фундаментальных проблем психологии на основе традиционных для данной науки (и Института психологии) подходов; 2) в последний пятилетний период произошло смещение интереса исследователей к изучению новых тенденций и перспектив развития психологии, актуального состояния направлений ее исследований, попыток разработки обновленной структуры психологического знания; 3) наличие большого количества цитирований статей авторов из Института психологии, в которых обсуждались проблемы системности, междисциплинарности, субъекта и развития в психологии, позволяет сделать вывод о том, что эти авторы (а значит, и сам Институт психологии) в широком психологическом сообществе в области теории и методологии связываются с комплексным, системным и субъектным подходами в психологии, применением принципа развития; 4) особо следует отметить, что среди методологических статей с наибольшим количеством цитирований присутствуют те, в которых обсуждаются личность и творчество выдающихся ученых Института психологии — Б.Ф. Ломова и Я.А. Пономарева, а также С.Л. Рубинштейна, учение которого оказало большое влияние на разработку методологических вопросов сотрудниками Института психологии; это может говорить о том, что при решении теоретико-методологических проблем авторам часто приходится обращаться к наследию выдающихся психологов, физиологов и философов, обсуждать эти проблемы в связи с историческим наследием и подчеркивать естественную преемственность в методологических поисках; 5) к авторам статей по методологии психологии с наибольшим количеством цитирований относились исследователи из других научных и образовательных организаций (Ю.П. Поваренков

из ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, М.М. Кашапов из Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, М.С. Гусельцева из ПИ РАО, И.Н. Семенов из НИУ “Высшая школа экономики”), что показывало, с одной стороны, их включенность в разработку методологических проблем, ставившихся Институтом психологии, а с другой — их вхождение в действующее сообщество методологов психологии, существующее на базе данной организации.

При выявлении доли цитирований изданий по методологии психологии в общем количестве цитирований монографий и сборников статей Института психологии РАН по пятилетиям также возникли определенные ограничения: 1) общий список монографий и сборников статей по периодам составлялся на основе представленных на специальной странице в РИНЦ списка всех изданий и публикаций, привязанных к определенной организации, в нашем случае к Институту психологии (https://elibrary.ru/org_items.asp?orgsid=164), из-за чего некоторые книги могли не попасть в этот перечень, так как они либо не были проиндексированы, либо не были привязаны к организации, либо еще по каким-либо причинам не были включены в выдачу при сортировке изданий по годам и типам публикаций; это частое ограничение подобных наукометрических и библиометрических работ, поэтому в данном анализе будет сделан акцент именно на доле цитирований изданий по методологии психологии, а при формулировании выводов сосредоточимся на относительных тенденциях о месте методологических работ среди всей публикационной активности Института психологии; 2) показатель количества цитирований монографий и сборников статей брался не из выдачи по годам и типам публикаций на странице организации, а при непосредственном посещении страницы определенного издания и далее страницы с цитирующими его публикациями; хотя эти показатели должны совпадать, но в действительности они часто расходятся из-за отсутствия одновременного обновления показателей цитирований в различных разделах РИНЦ (на странице автора или организации, на странице публикации, на странице с цитирующими публикации и т.д.); этот аспект также часто встречается при анализе цитирований, поэтому мы описали эту процедуру подробнее и будем придерживаться именно ее, так как только в случае знакомства со страницей цитирующих конкретное издание публикаций можно удостовериться в наличии и учете этих цитирований.

В целом доля цитирований изданий по методологии среди всех книг Института психологии

является невысокой: в 2002–2006 гг. имеет место самый низкий показатель, что связано с наименьшим количеством изданий по методологии психологии в этот период (всего два издания); к монографиям и сборникам по методологии психологии в 2007–2011 гг. исследователи, наоборот, обращались чаще всего, что объясняется, во-первых, наибольшим количеством публикаций по методологии (всего восемь изданий); во-вторых, более обширной проблематикой (комплексный, системный и субъектный подходы), обсуждавшейся в этих работах, что позволило более широкому сообществу использовать опубликованные материалы; в-третьих, более длительным сроком доступности этих изданий (от 10 до 15 лет); в 2012–2016 и 2017–2021 гг. наблюдается средняя относительно двух других периодов востребованность методологических работ сотрудников Института психологии, что объясняется некоторым изменением их содержания и методологической проблематики (методологические вопросы в отдельных отраслях психологии, структура психологического знания, тенденции и перспективы развития психологии) в данных публикациях и более коротким сроком их доступности в период 2017–2021 гг.

Можно сделать следующие *общие выводы* относительно места и “веса” книг по методологии психологии среди всех изданий Института психологии за 2002–2021 гг.: 1) методологические разработки сотрудников Института психологии не являются самыми высоковоостребованными и актуальными для других психологов-исследователей, что обусловлено трудоемкостью проводимых в данной области исследований, специфичностью проблематики и достаточно небольшим реально действующим сообществом методологов и других интересующихся этими вопросами специалистов; 2) снижающийся показатель доли цитирований данных изданий, с одной стороны, говорит о некотором снижении интереса к методологическим вопросам, изучавшимся в Институте психологии, а с другой — согласуется с показателями авторского состава методологических изданий и может свидетельствовать о том, что в 2007–2011 гг. (наибольший показатель количества цитирований) за счет широкой тематики изданий и авторского состава происходило формирование спектра методологических вопросов, которые стали ключевыми для Института психологии, соответственно, были интересными и для внешних исследователей, использовавших данные работы. В 2012–2016 и 2017–2021 гг. происходило сужение проблематики и уменьшение количества авторов, а значит, и внешних исследователей, которые обращались к методологическим работам сотрудников Института психологии. Можно сделать *предположение* о том,

что методологические исследования и научные издания Института психологии стали производиться в большей степени для обеспечения внутриинститутской научно-исследовательской деятельности, а также их использования небольшим кругом российских методологов из других научных и образовательных организаций. Это также может свидетельствовать о некоторой специфике в распространении книг по данной отрасли психологии: значение методологических работ и идей, разработанных в Институте психологии РАН, полноценно раскроется не в настоящее время, а в будущем, когда они будут осмыслены и появятся возможности их приложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере количественного анализа изданий Института психологии по методологии психологии в 2002–2021 гг. был обоснован новый объект наукометрического и библиометрического анализа публикаций — *научное направление*, предложена *система* количественных показателей, характеризующих формальные и содержательные особенности изданий и выявляющих ведущих специалистов, ядро проблематики, векторы развития изучаемых вопросов в рамках конкретного научного направления. Хотя рассмотренные показатели изданий не являются исчерпывающими, они демонстрируют основные характеристики, по которым возможно проследить становление научного направления и определить его ключевые проблемы и ведущие тенденции. Использование различных процедур библиометрического (определение частот терминов и ключевых слов), а также наукометрического (выявление статей с наибольшим количеством цитирований) анализа позволило не только установить наиболее яркие и общие характеристики содержания рассмотренных изданий, но и выявить тенденции и положения, которые в больших массивах обычно теряются или не так четко проявляются (например, наличие историко-психологической проблематики, исследование методологических проблем различных сфер практики, анализ социальных факторов развития методологии психологии, обращение к методологическим идеям Я.А. Пономарева и др.).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что методологическая проблематика является значимой для научно-исследовательской деятельности сотрудников Института психологии РАН, однако в ее разработку вовлечена лишь небольшая группа исследователей, что особенно отражается на работах последнего пятилетия. Вероятно,

относительно узкие методологические вопросы, в свою очередь, наиболее актуальны для узкого исследовательского сообщества (в том числе и в Институте психологии), что повлекло за собой возникновение ядра проблем и авторов из Института психологии и других организаций, которые стали решаться и публиковаться преимущественно в интересах и целях этого сообщества.

При анализе частоты публикаций авторов и редакторов методологических изданий были установлены состав и структура методологического сообщества, сформированного на базе Института психологии: преобладающее количество ведущих специалистов этой группы являются сотрудниками Института психологии, однако в нее входят исследователи из других научных и образовательных организаций Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля, что придает всероссийский статус этому научно-исследовательскому сообществу.

Ведущими содержательными характеристиками методологических изданий Института психологии являются: опора на традиционные для Института методологические подходы (комплексный, системный и субъектный) и системы научных представлений выдающихся ученых, повлиявших на теоретико-методологические разработки Института (Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна) и работавших в нем (А.В. Брушлинского, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, Я.А. Пономарева), что означает приверженность научным школам и развитие их идей в работах сотрудников; в самый последний период наметился переход, наряду с обсуждением классических методологических концепций и их приложения в различных отраслях психологии, к разработке новой области методологии — структуры и содержания психологического знания как научного феномена.

Выявление закономерностей возникновения и развития научного направления в области психологии является актуальной задачей историко-психологического исследования с использованием современных информационных технологий, что будет дополнять, а в некоторых случаях и выступать ведущей моделью и методическим аппаратом определения тенденций развития психологической науки в прошлые периоды и настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна (к 100-летию со дня рождения) / Отв. ред. Е.А. Будилова. М.: Наука, 1989.
2. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Тимченко Г.Н. Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935–2019 гг.). М.: Проспект, 2020.
3. Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. Первые годы научной деятельности сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 197–226.
4. Богданчиков С.А. К вопросу о персональном составе школы С.Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 4. С. 159–179.
5. Воловикова М.И., Джидарьян И.А. Развитие идей С.Л. Рубинштейна в исследованиях лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 20–42.
6. Гарскова И.М. Историография научного направления: возможности количественного анализа // История и архивы. 2011. № 18 (80). С. 88–100.
7. Глушановский А.В. Российские публикации по научному направлению “Информатика”: тенденции развития // Наука и научная информация. 2021. Т. 3. № 4. С. 278–286.
8. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью) // Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 11–44.
9. Евдокимов В.И., Зотова А.В., Рыбников В.Ю. Медицинская психология: наукометрический анализ диссертационных исследований (1980–2012 гг.). СПб.: Политехника-сервис, 2013.
10. Елисеева И.Н. Количественные методы в истории психологии: несколько проблемных вопросов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 277–301.
11. Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н. Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории “индивидуальность” в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 218–233.
12. Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Артемьева Т.И. Основные направления исследований К.К. Платонова и их развитие в современной психологии // К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог

- XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 9–17.
13. *Зверева Т.В., Носкова О.Г.* Психологическое наследие К.К. Платонова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
  14. *Зуев К.Б.* Основные тенденции изучения семьи в психологии позднесоветского периода (на примере публикаций в “Психологическом журнале” с 1980 по 1990 год) // *Семья и личность: проблемы взаимодействия.* 2016. № 6. С. 58–67.
  15. *Зуев К.Б.* Наукометрический анализ творческого наследия Б.Ф. Ломова // *Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020а. С. 340–362.
  16. *Зуев К.Б.* Труды В.М. Бехтерева в российских и международных наукометрических базах: сравнительный анализ // *Бехтерев и современная психология личности: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции (к 135-летию организации первой в России психофизиологической лаборатории в г. Казани)* / Отв. ред. Л.М. Попов. Казань: НОУ ДПО “Центр социально-гуманитарного образования”, 2020б. С. 5–7.
  17. *Зуев К.Б., Нестик Т.А.* Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов Google) // *Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 671–697.
  18. *Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Электронному журналу “Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология” пять лет: наукометрический анализ итогов работы // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 272–301.
  19. *Коллин К.К., Урсул А.Д.* Информационная культурология: предмет и задачи нового научного направления. Saarbruchen: LAP Lambert, 2011.
  20. *Костригин А.А., Хусяинов Т.М.* Динамика частоты упоминания фамилии В.М. Бехтерева в русскоязычном и англоязычном корпусах Google Books // *Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 328–339.
  21. *Мазиллов В.А.* Философ психологии: вопросы методологии и истории психологии в наследии К.К. Платонова // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* 2021. Т. 6. № 2 (22). С. 169–199.
  22. *Мазиллов В.А., Сленко Ю.Н.* Психология в объективе наукометрии // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 342–367.
  23. *Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ) // *Психологический журнал.* 2021а. Т. 42. № 1. С. 111–121.
  24. *Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* 2021б. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251.
  25. *Олейник Ю.Н.* История психологии в пространстве российского Интернета // *Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 363–390.
  26. *Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
  27. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
  28. *Применение концепции С.Л. Рубинштейна к разработке вопросов общей психологии* / Отв. ред. К.А. Абульханова-Славская. М.: ИП АН СССР, 1989.
  29. *Сарыбеков М.Н., Сыдыкназаров М.К.* Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории. Алматы: Триумф “Т”, 2008.
  30. *Фролова С.В.* Цифровые наукометрические методы в современной истории психологии: перспективы и ограничения применения // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 215–234.
  31. *Ясин М.И.* Современные направления исследований в психологии религии // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика.* 2016. Т. 22. № 2. С. 76–79.
  32. *Kilgariff A.* Simple maths for keywords // *Proceedings of the Corpus Linguistics Conference (CL2009)* / Eds. M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith. Liverpool, 2009. P. 171.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF THE PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES ON THE SCIENTIFIC DIRECTION OF THE METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY IN 2002–2021⁶

A. A. Kostrigin*, A. L. Zhuravlev**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

*Candidate of Psychological Sciences, Research Associate, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.

E-mail: artdzen@gmail.com

**Academician of RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 12.08.2022

Abstract. The article substantiates a new object of quantitative historical-psychological research — publications in a certain scientific direction. The authors refer to the study of the scientific direction of methodology of psychology in the publications of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences for 2002–2021. The criteria for selecting research material (publications and their content for creating a text corpus) are described, indicators of bibliometric and scientometric analysis are listed, and procedures for determining separate indicators of analysis of a text corpus of publications are considered. The results of a quantitative analysis of the publications of the Institute of Psychology on the methodology of psychology (a total of 18 books — author's and collective monographs, collections of articles) are presented for five-year periods (2002–2006, 2007–2011, 2012–2016, 2017–2021), the following indicators are demonstrated: the distribution of the number and the volume of publications, the frequency of new and recurring authors, the share of authorship of the Institute's employees, the frequency of words for the entire study period and the key phrases of text corpora by five years, the number of citations of each publication and groups of publications by period, articles with the largest number of citations, the share of citations of publications by methodology psychology among the citations of all editions of the Institute of Psychology. It is concluded that methodological issues are significant for the research activities of the staff of the Institute of Psychology, but a narrow circle of researchers is formed around it (both employees of the Institute and authors from other organizations). The methodological publications discuss the Institute's traditional methodological approaches (complex, systemic, and subjective) and principles (of development), problems of developmental psychology, methodological issues of certain branches of psychology and various applied fields, consider the concepts of prominent scientists who influenced the theoretical and methodological developments of the Institute (B.G. Ananiev, S.L. Rubinshtein) and those who directly formed methodological issues at the Institute (A.V. Brushlinsky, B.F. Lomov, K.K. Platonov, Ya.A. Ponomarev).

Keywords: history of psychology, methodology of psychology, bibliometric analysis, scientometric analysis, complex approach, systemic approach, subjective approach, principle of development, psychological knowledge.

REFERENCES

1. *Abulkhanova-Slavskaya K.A., Brushlinsky A.V.* Filozofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya S.L. Rubinshteina (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya). Ed. E.A. Budilova. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
2. *Antsupov A.Ya., Kandybovich S.L., Timchenko G.N.* Problemy otechestvennoi psikhologii. Ukazatel' 1410 doktorskikh dissertatsii (1935–2019 gg.). Moscow: Prospekt, 2020. (In Russian)
3. *Belopolsky V.I., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A.* Pervye gody nauchnoi deyatel'nosti sektora sotsial'noi psikhologii v Institute psikhologii AN SSSR. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2020. V. 5. № 3 (19). P. 197–226. (In Russian)
4. *Bogdanchikov S.A.* K voprosu o personal'nom sostave shkoly S.L. Rubinshteina. Metodologiya i istoriya psikhologii. 2008. V. 3. № 4. P. 159–179. (In Russian)

⁶ The research was carried out according to the state assignments № 0138-2022-0001.

5. *Volovikova M.I., Dzhidaryan I.A.* Razvitiye idei S.L. Rubinshteina v issledovaniyakh laboratorii psikhologii lichnosti Instituta psikhologii RAN. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2018. V. 3. № 1 (9). P. 20–42. (In Russian)
6. *Garskova I.M.* Istoriografiya nauchnogo napravleniya: vozmozhnosti kolichestvennogo analiza. Istoriya i arkhivy. 2011. № 18 (80). P. 88–100. (In Russian)
7. *Glushanovsky A.V.* Rossiiskie publikatsii po nauchnomu napravleniyu "Informatika": tendentsii razvitiya. Nauka i nauchnaya informatsiya. 2021. V. 3. № 4. P. 278–286. (In Russian)
8. *Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L.* K istorii stanovleniya i razvitiya laboratorii sotsial'noi i ekonomicheskoi psikhologii Instituta psikhologii RAN (po materialam interv'yuu). Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. Chast' 2: Novye nauchnye napravleniya. Eds. Yu.V. Kovaleva, T.A. Nestik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 11–44. (In Russian)
9. *Evdokimov V.I., Zotova A.V., Rybnikov V.Yu.* Meditsinskaya psikhologiya: nauko-metricheskii analiz dissertatsionnykh issledovaniy (1980–2012 gg.). Saint Petersburg: Politekhnik-servis, 2013. (In Russian)
10. *Eliseeva I.N.* Kolichestvennye metody v istorii psikhologii: neskol'ko problemnykh voprosov. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 4 (24). P. 277–301. (In Russian)
11. *Eliseeva I.N., Oleynik Yu.N.* Nauko-metricheskii analiz kak metod izucheniya sostoyaniya i dinamiki nauchnogo napravleniya (na primere ispol'zovaniya kategorii "individual'nost'" v nazvaniyakh dissertatsionnykh issledovaniy 1992–2018 gg.). Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 218–233. (In Russian)
12. *Zhuravlev A.L., Koltsova V.A., Artemieva T.I.* Osnovnye napravleniya issledovaniy K.K. Platonova i ikh razvitiye v sovremennoi psikhologii. K.K. Platonov — vydayushchisya otechestvennyi psikholog KhKh veka: materialy yubileinoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.K. Platonova (22 iyunya 2006 g.). Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova, T.I. Artemieva. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2007. P. 9–17. (In Russian)
13. *Zvereva T.V., Noskova O.G.* Psikhologicheskoe nasledie K.K. Platonova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. (In Russian)
14. *Zuev K.B.* Osnovnye tendentsii izucheniya sem'i v psikhologii pozdnesovetskogo perioda (na primere publikatsii v "Psikhologicheskome zhurnale" s 1980 po 1990 god). Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodeistviya. 2016. № 6. P. 58–67. (In Russian)
15. *Zuev K.B.* Nauko-metricheskii analiz tvorcheskogo naslediya B.F. Lomova. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnyie bazy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020a. P. 340–362. (In Russian)
16. *Zuev K.B., Trudy V.M., Bekhtereva v rossiiskikh i mezhdunarodnykh nauko-metricheskikh bazakh: sravnitel'nyi analiz. Bekhterev i sovremennaya psikhologiya lichnosti: sbornik statei VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (k 135-letiyu organizatsii pervoi v Rossii psikhofiziologicheskoi laboratorii v g. Kazani).* Ed. L.M. Popov. Kazan': NOU DPO "Tsentr sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya", 2020b. P. 5–7. (In Russian)
17. *Zuev K.B., Nestik T.A.* Bibliometricheskii analiz razvitiya osnovnykh napravlenii psikhologicheskikh issledovaniy (po dannym WoS i statistike poiskovykh zaprosov Google). Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 671–697. (In Russian)
18. *Kovaleva Yu.V., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A.* Elektronnomu zhurnalu "Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya" pyat' let: nauko-metricheskii analiz itogov raboty. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 3 (23). P. 272–301. (In Russian)
19. *Kolin K.K., Ursul A.D.* Informatsionnaya kul'turologiya: predmet i zadachi novogo nauchnogo napravleniya. Saarbruchen: LAP Lambert, 2011. (In Russian)
20. *Kostrigin A.A., Khusyainov T.M.* Dinamika chastoty upominaniya familii V.M. Bekhtereva v russkoyazychnom i angloyazychnom korpusakh Google Books. Psikhologicheskoe issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnyie bazy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 328–339. (In Russian)
21. *Mazilov V.A.* Filosof psikhologii: voprosy metodologii i istorii psikhologii v nasledii K.K. Platonova. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 2 (22). P. 169–199. (In Russian)
22. *Mazilov V.A., Slepko Yu.N.* Psikhologiya v ob'ektive nauko-metrii. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 3 (23). P. 342–367. (In Russian)
23. *Morgun A.N., Oleynik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Institutsional'nye faktory razvitiya otechestvennoi istorii psikhologii (na materiale RINTs). Psikhologicheskii zhurnal. 2021a. V. 42. № 1. P. 111–121. (In Russian)
24. *Morgun A.N., Oleynik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Tematicheskie napravleniya otechestvennoi istorii psikhologii kak vnutrennie faktory razvitiya otrasli: nauko-metricheskii analiz na materiale RINTs. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021b. V. 6. № 1 (21). P. 219–251. (In Russian)

25. *Oleynik Yu.N.* Istoriya psikhologii v prostranstve rossiiskogo Interneta. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovye sistemy, sotsial'nye seti, elektronnye bazy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 363–390. (In Russian)
26. *Platonov K.K.* O sisteme psikhologii. Moscow: Mysl', 1972. (In Russian)
27. *Platonov K.K.* Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)
28. Primenenie kontseptsii S.L. Rubinshteina k razrabotke voprosov obshchei psikhologii. Ed. K.A. Abul'khanova-Slavskaya. Moscow: IP AN SSSR, 1989. (In Russian)
29. *Sarybekov M.N., Sydyknazarov M.K.* Slovar' nauki. Obshchenauchnye terminy i opredeleniya, naukovedcheskie ponyatiya i kategorii. Almaty: Triumf "T", 2008. (In Russian)
30. *Frolova S.V.* Tsifrovye naukometricheskie metody v sovremennoi istorii psikhologii: perspektivy i ogranicheniya primeneniya. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2022. V. 7. № 1 (25). P. 215–234. (In Russian)
31. *Yasin M.I.* Sovremennye napravleniya issledovaniy v psikhologii religii. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2016. V. 22. № 2. P. 76–79. (In Russian)
32. *Kilgarriff A.* Simple maths for keywords. Proceedings of the Corpus Linguistics Conference (CL2009). Eds. M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith. Liverpool, 2009. P. 171.

УДК 159.9:061.2/3

ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ”¹

© 2022 г. В. В. Константинов

*Пензенский государственный университет;
440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Россия.*

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии.

E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Поступила 26.06.2022

Аннотация. 25–26 марта 2022 г. состоялась Шестая международная научно-практическая конференция “Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире”. Организатором выступил Пензенский государственный университет. Работа форума была организована в online-формате на платформе Zoom. Участники обсудили актуальные этнопсихологические проблемы адаптации мигрантов, проблемы социально-психологической адаптации мигрантов и беженцев в России и других странах, методологические проблемы социально-психологической адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности, проблемы психолого-педагогической помощи мигрантам и беженцам, адаптации личности к экстремальным условиям жизнедеятельности, а также наиболее остро стоящие на повестке дня психологические, антропологические и философские вызовы в науке и обществе. Отдельной темой для анализа и дискуссии стала проблема влияния всемирной пандемии COVID-19 на глобальные миграционные процессы.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, мигранты, беженцы, международная конференция.

DOI: 10.31857/S020595920021490-5

Конференция включала пленарное заседание и работу двух секций: “Этнопсихологические проблемы адаптации мигрантов” и “Междисциплинарный дискурс проблемы адаптации мигрантов к новым условиям жизнедеятельности” и круглого стола “Исследование вопросов обеспечения национальной безопасности России и проблемы обеспечения стратегической стабильности в политике национальной безопасности России”. В работе приняли участие ученые из Российской Федерации, Алжира, Египта, Казахстана, Ливана, Мали.

Научная часть пленарного заседания была открыта выступлением *О.Д. Воробьевой* (Москва), посвященным анализу миграционных потерь России в последние десятилетия, которые связаны в первую очередь с недопониманием и недооценкой необходимости интеграционной работы и не в последнюю очередь — с необходимостью психологической помощи для поддержания душевного

равновесия у людей, находящихся в очень сложной жизненной ситуации, в стадии смены не только места постоянного жительства, но и круга общения, привычек, традиций, взаимоотношений, фактически тяжелой психологической “ломки”. Отсутствие системы для такой поддержки уже само по себе снижает миграционную привлекательность страны, которая как никогда нуждается в миграционном приросте населения, так как возможности естественного прироста численности на ближайший период практически исчерпаны.

С развернутым докладом выступил *Р.М. Шамионов* (Саратов), который представил результаты исследований факторов дискриминационных установок. Дискриминационные установки представителей различных сообществ обуславливают поведение, направленное против Других, наделяемых каким-либо свойством, атрибутом и тем самым препятствующих их активности в условиях социальных взаимоотношений. Эти установки тормозят интеграцию Других в общество и порой создают невозможную для социальной адаптации

¹ Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-013-00445.

ситуацию и социальную напряженность. Выявлена четырехкомпонентная структура признаков дискриминации, отличная от распространенных в европейской части континента и свидетельствующая о наличии особой группы признаков (по социальному статусу). Установлена многоуровневая детерминация дискриминационных установок со стороны характеристик личности и общественной идеологии.

В докладе *М. Абделрахман* (Каир, Египет) и *Я. Лунда* (Беджая, Алжир) были представлены результаты исследования адаптационных проблем иностранных студентов в условиях российского вуза. Для большинства опрошенных иностранных студентов, обучающихся на программах с использованием языка-посредника, отмечаются в качестве причин дезадаптационных проявлений отсутствие опыта учебы за границей, а также отсутствие родительского контроля. Напротив, для иностранных студентов, обучающихся на русскоязычных программах, в качестве основной причины выделяют наличие языкового барьера.

А.А. Нестерова (Москва) акцентировала внимание аудитории на проблемах, связанных с удовлетворением основных образовательных потребностей детей из семей мигрантов. Овладение языком принимающей культуры на должном уровне перед тем, как приступать к обучению ребенка по программам различных школьных дисциплин, — это одна из важных образовательных потребностей ребенка-мигранта. Кроме того, овладение языком принимающей культуры важно ребенку по причине того, что этот язык становится основным языком коммуникации в образовательной организации. Таким образом, знание языка принимающей культуры определяет способность ребенка инициировать непринужденную коммуникацию, строить дружеские отношения со сверстниками.

В.В. Константинов, Р.В. Осин, Е.А. Климова и *М.В. Бабаева* (Пенза) представили результаты анализа показателей социальной дистанции испытуемых по отношению к образам этногрупп, представленных в масс-медиа. Были отобраны различные тиражируемые СМИ образы мигрантов. По результатам исследования медиаобразы высококвалифицированных, публичных мигрантов, а также образы квалифицированных, но незнакомых мигрантов были установлены людьми на среднюю социальную дистанцию, которая означает принадлежность к профессиональной группе или соседство. Максимально возможной оказалась дистанция с образом неработающих мигрантов из ближнего зарубежья.

В выступлении *А.С. Копового* и *В.М. Смирнова* (Москва) было представлено описание социально-психологического портрета школьника-мигранта Москвы и Московской области, в котором можно выделить наличие высокого уровня тревожности, негативных стереотипов, трудностей в адаптации к новой социальной среде, низкого уровня образовательной подготовки и, как следствие, низкой самооценки. Для школьника-мигранта характерна изоляция от сверстников из принимающего социума.

Ю.С. Бузыкина (Пенза), рассматривая проблемное поле этнической идентичности подростков из разноэтничных семей, развила тезис, что подростки из национально-смешанных семей в меньшей степени ощущают себя представителями своего народа. При этом у большинства испытуемых выявлена позитивная этническая идентичность. Так, у испытуемых подростков из национально-смешанных семей в большей степени выражены амбивалентная этническая идентичность и “этнонигилизм”, представляющий собой отрицание этнических и этнокультурных ценностей.

В докладе *Н.В. Муращенковой, В.В. Гриценко* (Москва) и *М.Н. Ефременковой* (Смоленск) были представлены результаты исследования, в ходе которого проверялась гипотеза о существовании различий в ценностных профилях студенческой молодежи с разными типами эмиграционной активности, определяемыми соотношением субъективно оцениваемых желаний и возможностей для переезда за границу. Результаты подтверждают значимую роль ценностей как мотивационных целей в формировании эмиграционной активности молодежи.

В выступлении *О.В. Заширинской* (Санкт-Петербург) была рассмотрена проблема интернациональных клинико-психологических последствий синдрома Long COVID, под которым понимается системное расстройство, включающее около 50 симптомов, в том числе усталость, нарушение когнитивных функций и психосоматика, следствием которого являются рост уровня одиночества, наблюдается снижение оптимизма, усиливается чувство незащищенности в отношении своей работы, финансового будущего и благосостояния у представителей различных этнических групп.

В сообщении *Д.В. Жуиной* (Саранск) были представлены результаты исследования реализации социально-психологического сопровождения адаптации мигрантов к условиям обучения в педагогическом вузе. В качестве критериев эффективно организованной работы по социально-психологическому сопровождению адаптации студентов-мигрантов выступают адекватная самооценка

и объективный уровень притязаний студентов-мигрантов, их толерантность, высокий уровень продуктивного взаимодействия, нормальные показатели ситуативной и личностной тревожности, адекватное самовосприятие, преобладание стратегии уверенного поведения и стрессоустойчивость.

А.Г. Мясников (Пенза) представил результаты анализа феномена адаптации к современным экстремальным ситуациям как модульной мировоззренческой системы, способной динамично реагировать на меняющиеся исторические и политические события, сохраняя при этом «каркас» базовых практических принципов, соответствующих общечеловеческим разумным понятиям о человеческом достоинстве, свободе воли, приоритете личного блага над государственными и иными внешними интересами и др. Модульная структура современного мировоззрения обусловлена сложностью происходящих событий и быстротой перемен в разных сферах жизни.

В докладе *Е.Б. Бедриной* (Екатеринбург) были представлены результаты исследования анклавности как формы сохранения социального капитала этнических сообществ в условиях миграции. Наличие резкой дифференциации по уровню жизни сельских и городских поселений ведет к стягиванию молодежи из периферии, в том числе из этнических поселений, в экономические центры.

Э.Э. Гафиятуллин (Москва) в своем выступлении акцентировал внимание аудитории на проблеме социально-психологической адаптации беженцев к новой социокультурной среде принимающего социума. При переезде в новое место проживания травматический опыт беженцев может не прекращаться, напротив, психологические травмы проявляются на новом месте уже с новой силой, поскольку к имеющимся проблемам также добавляются и новые.

В сообщении *Н.В. Козловской* (Ставрополь) были представлены результаты исследования влияния экстремальных условий жизнедеятельности на адаптационные возможности личности. Установлено, что испытуемые, имевшие опыт нахождения в экстремальных условиях жизнедеятельности, легче адаптируются к новым условиям, быстрее ориентируются в ситуации и вырабатывают стратегию поведения, адекватную данной ситуации, проявляют высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, обладают высокой адекватной самооценкой и реальным восприятием действительности.

Н.В. Путилова (Пенза) в своем докладе представила результаты исследования ожиданий

иностраннных абитуриентов российских вузов на этапе поступления в образовательные организации. Подавляющее большинство испытуемых абитуриентов в Таджикистане демонстрируют оптимистичные представления о системе российского образования, считая, что с легкостью найдут работу по специальности после окончания обучения.

В докладе *Д. Диети* (Каес, Мали) был раскрыт тезис о негативной роли пандемии COVID-19 в ухудшении гуманитарной ситуации во многих странах, пострадавших от военных конфликтов, климатических изменений и политической нестабильности.

Доклад *Е.В. Кирдяшовой* (Саранск) был посвящен анализу роли экстерриториальных национально-культурных автономий и других этнообъединений в процессе этнической консолидации народов, проживающих в инациональной среде и не имеющих на территории Республики Мордовия своих государственных структур.

Ж.Ж. Ромашева (Москва) проанализировала степень выраженности надежды на получение помощи от родных и близких у представителей казахской и русской молодежи. У респондентов и в Казахстане, и в России диагностированы высокие показатели степени выраженности надежды на помощь близких в стране проживания, при этом значимых различий в степени выраженности надежды на помощь близких на родине у казахов и русских не обнаружено.

Доклад *Г.Б. Романовского* (Пенза) был посвящен проблеме секьюритизации миграционной политики, так как вопросы национальной безопасности при определении миграционной политики обладают приоритетом во всем мире. ДНК-регистрация может являться сдерживающим фактором в распространении криминального поведения мигрантов.

В выступлении *С. Савайя* (Бейрут, Ливан) были представлены результаты исследования социально-психологических особенностей отношения принимающего населения к беженцам из Сирии. Установлено, что отношение к беженцам зависит от того, насколько испытуемые удовлетворены собственной карьерой и местом работы (соответствие работы интересам и ожиданиям, дискомфортный или гармоничный характер отношений с коллегами, удовлетворенность финансовым положением, возможность дальнейших перспектив развития).

Доклад *Г.Ж. Саткангуловой* (Костанай, Казахстан) был посвящен исследованию типа этнической идентичности у жителей приграничных регионов Казахстана (Костанайская область) и России

(Челябинская область), проживающих компактно и диффузно. В условиях диффузного проживания в России у испытуемых представителей казахского этноса диагностированы более высокие показатели этнонигилизма, характерно отрицание этничности и традиционных этнокультурных ценностей.

Доклад *Т.М. Краснянской и В.Г. Тылец* (Москва) был посвящен уточнению понимания категории “экстремальные условия жизнедеятельности” с целью ее специализации среди категорий, обозначающих близкие по организационным и содержательным особенностям условия жизнедеятельности человека, в первую очередь опасных для него условий.

Конференция получила широкий общественный резонанс и привлекла внимание к актуальным проблемам социально-психологической адаптации мигрантов и беженцев в России и других странах, оказав содействие формированию представления о возможностях психологической теории и практики в массовом сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 6-й Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2022.

SIXTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE MODERN WORLD”²

V. V. Konstantinov

*Penza State University;
440026, Penza, Krasnaya str., 40, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Head of General Psychology Chair.
E-mail: konstantinov_vse@mail.ru*

Received 26.06.2022

Abstract. On March 25–26, 2022, the Sixth International Scientific and Practical Conference “Socio-Psychological Adaptation of Migrants in the Modern World” was held. Penza State University became the organizer of the conference. The conference was held online on Zoom. Participants discussed topical ethno-psychological problems of migrant adaptation, problems of socio-psychological adaptation of migrants and refugees in Russia and other countries, methodological problems of socio-psychological adaptation of the individual in new conditions of life, problems of psychological and pedagogical assistance to migrants and refugees, adaptation of the individual to extreme conditions life activities, as well as the most acute psychological, anthropological and philosophical challenges in science and society. A separate topic for analysis and discussion was the problem of the impact of the global COVID-19 pandemic on global migration processes.

Keywords: social and psychological adaptation, migrants, refugees, international conference.

REFERENCES

1. Social’no-psihologicheskaja adaptacija migrantov v sovremennom mire: materialy 6-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ed. V.V. Konstantinov. Moscow: Pero, 2022.

² The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under research project No. 20-013-00445.

ИГОРЮ ОЛЕГОВИЧУ АЛЕКСАНДРОВУ — 75 ЛЕТ

Поздравляем с юбилеем доктора психологических наук, профессора Игоря Олеговича Александрова. Если визуализировать понятие “наука” через образ определенного человека, когда на первый план выступают творчество и стиль жизни, то это именно Игорь Олегович. Юбилера отличает уникальное сочетание удивительной эрудиции, неисчерпаемого интереса к концептуальным основаниям науки, внимания к мельчайшим деталям исследования, а также поразительной работоспособности (не без оснований есть подозрение, что он работает круглосуточно). Игорь Олегович — потрясающий энциклопедист, испытывающий неизменную потребность делиться с коллегами своими знаниями, навыками, рассуждениями и своим видением научных проблем.

Научная жизнь Игоря Олеговича началась на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, причем он совмещал учебу с работой в Институте медико-биологических проблем. Научными руководителями его студенческих работ были выдающиеся психофизиологи: курсовых исследований — Евгений Николаевич Соколов (кафедра психофизиологии факультета психологии МГУ), а дипломного — Евгений Николаевич Соколов и Вячеслав Борисович Швырков (лаборатория нейрофизиологии обучения Института психологии АН СССР). После защиты диплома (в 1976 г.) Игорь Олегович связал свою жизнь с этой лабораторией (ныне — лаборатория психофизиологии имени В.Б. Швыркова Института психологии

РАН). Вместе с коллегами и своим учителем В.Б. Швырковым он участвовал в развитии системно-эволюционной парадигмы, основанной на идеях теории функциональных систем П.К. Анохина. В кандидатской диссертации Игоря Олеговича, защищенной в 1984 г. и посвященной изучению организации поведения при решении задач обнаружения сигнала, были установлены закономерности, связывающие структуру поведения, продуктивность решения задач, субъективные отчеты с активностью нейронов и характеристиками медленной электрической активности мозга.

Результаты исследований, проведенных в рамках системно-эволюционной парадигмы, позволили Игорю Олеговичу сформировать оригинальные представления о психологических структурах, индивидуальных и кросс-индивидуальных, обеспечивающих взаимодействие индивидов, изучить особенности их организации и развития. Часть этих результатов вошла в монографию “Формирование структуры индивидуального знания”, вышедшую в 2006 г., и докторскую диссертацию, которую он защитил в 2007 г. В публикациях 2019–2022 гг. представлены следующие принципиально новые результаты: 1) при вхождении в новую предметную область существует множество различных траекторий формирования психологических структур; 2) эти траектории соответствуют различным семантикам взаимодействия индивидов с предметной областью, информационные модели таких взаимодействий фиксируются в различающихся вариантах

топологии психологических структур и продуктах деятельности индивидов и проявляются в различающихся индивидуально-психологических характеристиках; 3) для одного и того же индивида показаны гомоморфные отношения между организацией психологических структур, сформированных при вхождении в разные предметные области; для объяснения этого сходства применен общенаучный матричный принцип, лежащий в основе ауторепликации психологических структур; 4) для описания топологии психологических структур необходимы эйлеровы характеристики и выделение непланарных составляющих, причем выраженность этих характеристик различна у индивидов, отнесенных к разным траекториям формирования психологических структур. Специального внимания заслуживает впервые установленное соответствие торических непланарных организаций психологических структур и процессов их ауторепликации. При этом впервые рассмотрена роль торических организаций именно как непланарных образований в актуализации компонентов психологических структур.

Актуальными для Игоря Олеговича являются разработка представлений о предмете психологии, едином как для планирования и проведения конкретных исследований, так и для методологических построений, а также анализ логики обоснования исследований, построение постулатов и положений, исходных для новых методологических и эмпирических работ.

Особое место в научной жизни Игоря Олеговича занимает сотрудничество в качестве эксперта с редакцией “Психологического журнала”, начавшееся с первых лет основания журнала. В 1989 г. он становится заместителем главного редактора журнала (вплоть до 2003 г.), а в настоящее время является членом редколлегии. С 90-х годов Игорь Олегович и Наталья Евграфовна Максимова в дружестве формулируют и совершенствуют Правила “Психологического журнала”, развивающие современные требования к публикациям международного уровня, что способствовало включению журнала в базы данных Scopus и Web of Science.

Благодаря счастливой случайности по приглашению В.Н. Дружинина с 1995 г. Игорь Олегович начинает читать курс лекций по экспериментальной психологии для студентов-психологов ГАУГН, преобразовав его в целостную методологию психологического исследования, подробно раскрыв все его стадии — от формулировки проблемы до представления

результатов исследования в публикациях, квалификационных работах и докладах, от общей методологии науки до содержательного описания математико-статистических процедур обработки данных. Игорь Олегович преподавал этот курс не только в ГАУГН, но и в Высшей школе психологии, МГППУ, Институте практической психологии и психоанализа, МГТУ им. Н.Э. Баумана. Он также читает курсы лекций “Методологические основы психологии”, “История и методология науки” и “Концепции современного естествознания”. Результаты анализа методологических проблем психологического исследования, который проводился при создании лекций и даже на лекциях, при взаимодействии со студентами, составили важную часть методологических разработок, представленных в публикациях в “Психологическом журнале” за 2015 г. (№ 6), 2016 г. (№ 1, № 2) и 2021 г. (№ 1) в соавторстве с Н.Е. Максимовой.

Игорь Олегович Александров является членом Ученого совета Института психологии РАН, членом диссертационного совета Института психологии РАН по специальности “Психофизиология”, одним из организаторов экспертного преддокторского семинара — площадки, на которой проходит представление уже сделанных и планируемых масштабных программ исследования, экспертом РАН, РФФИ и РНФ. Игорь Олегович активно участвует в научных дискуссиях, подвергая обоснованной критике не только планирование и организацию исследований, но и методологические основания и стратегии представленных на обсуждение работ, и делает это с неизменным уважением к позиции авторов, что, как правило, мотивирует их согласиться с критикой и вдохновляет работать в рекомендуемом ключе.

Содержание и многоплановость научной деятельности Игоря Олеговича — это живая реализация его представлений о ценностях, структуре и эволюции науки. И диалоги с коллегами, и научный текст, и юмор в общении — при участии Игоря Олеговича все становится непрекращающимся процессом познания.

Сотрудники лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова, редколлегия и редакция “Психологического журнала”, коллеги и друзья желают Игорю Олеговичу крепкого здоровья и успеха в построении новых гипотез об организации психологических структур, новых методологических и эмпирических исследований!